

О. И. СЕРГЕЕВ

КАЗАЧЕСТВО
НА РУССКОМ
ДАЛЬНЕМ
ВОСТОКЕ
В XVII-XIX вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

О. И. СЕРГЕЕВ

КАЗАЧЕСТВО
НА РУССКОМ
ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
В XVII—XIX вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

Монография посвящена малоизученной теме — роли казачества в освоении и развитии дальневосточного региона страны в XVII—XIX вв. В ней комплексно изучена история казачества Забайкалья и Дальнего Востока в течение двух с половиной веков, исследовано социально-экономическое положение этого сословия, рассмотрен вопрос о классовой борьбе в его среде.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
А. И. КРУШАНОВ

ВВЕДЕНИЕ

Изучение исторического прошлого Дальнего Востока несомненно является важнейшей задачей советских ученых.

Особую актуальность это приобретает в современных условиях в связи с необходимостью вести решительную борьбу против фальсификации многих исторических проблем буржуазными авторами — исследователями Дальнего Востока, а также другими псевдоисториками.

История открытия, заселения и освоения громадных пространств Дальнего Востока — эта героическая летопись мужественных усилий русского народа — есть неотъемлемая часть истории нашей великой Родины. Невозможно рассматривать исторический путь, пройденный Дальним Востоком с XVII в., вне политических, экономических, социальных и других явлений, свойственных России в целом.

Продвижение русских на Дальний Восток, начавшееся в XVII в., представляло собой естественное движение народа в процессе формирования единой государственной территории России, не затрагивающее чьих-либо национальных интересов¹. Русские люди дружелюбно относились к местным аборигенным народностям, приобщая их к своей более высокой культуре.

За короткий срок русские землепроходцы прошли всю огромную территорию Дальнего Востока. Это продвижение было отмечено великими географическими открытиями². В памяти нашего народа навсегда останутся имена Ивана Москвитина, Василия Пояркова, Семена Дежнева, Ерофея Хабарова, Владимира Атласова и многих других первопроходцев.

Дальнейшее освоение русскими новых земель на Дальнем Востоке имело для этих территорий большое прогрессивное значение. Оно способствовало всестороннему развитию края, росту его производительных сил, приносило местному населению новые для него формы хозяйственной деятельности, социальных отношений и культуры, преодолевало вековую изолированность коренных народов. На дальневосточных окраинах Русского госу-

¹ История Сибири. Л., 1968, т. 2, с. 47—55; Сушков Б. А. Дальневосточные моря и побережья. Владивосток, 1972, с. 3.

² Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., 1957, с. 267, 307—330.

дарства возникали новые поселки, села, города. Развивались промыслы, сельское хозяйство. В результате поисковых работ были открыты многочисленные месторождения полезных ископаемых, начата их добыча, сделаны первые шаги в промышленном освоении природных богатств края. Значительное развитие получили транспортные связи и торговля.

В процессе формирования территории Русского государства в ходе открытия, заселения и хозяйственного освоения дальневосточных земель, защиты рубежей страны отчетливо проявилась большая прогрессивная роль одного из отрядов населения России — казачества.

Наличие казачества явилось характерной чертой социально-экономической и политической жизни нашей страны в течение многих веков. Казачество возникло во времена феодализма. «Казак» — слово тюркского происхождения, в переводе означающее «удалец», «вольный человек». Татары называли казаками воинов, которые в боевых походах всегда находились в авангарде войска. В России в XIV—XVII вв. казаками называли свободных людей следующих категорий: служилых, несших военную службу на окраинах страны, работавших по найму на различных промыслах и так называемых вольных казаков.

Превращение казачества в особое привилегированное сословие происходило постепенно и окончательно завершилось в XIX в. Первоначально казаки пользовались самостоятельностью в делах управления, но затем царизм, опираясь на казачью верхушку, ликвидировал автономию казачества. За службу государство закрепляло за казачьими войсками землю; такая феодальная форма землепользования сохранялась вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Хозяйство и быт казаков характеризовались сохранением многих феодальных черт. В социальном отношении казачество не было однородным, развивавшийся капитализм втягивал его в орбиту своего влияния, подрывая сословную замкнутость. Обострение классовой борьбы в казачьей среде привело к размежеванию сил в этом сословии, к переходу трудящихся казаков в лагерь борцов против самодержавия. Следует выделить особо ту значительную роль, которую играли казаки в XVI—XIX вв. в освоении окраин страны.

Существование казачества было особенностью российской истории. Русский опыт пытались использовать в других странах (например, в Японии при заселении в 1878—1881 гг. о-ва Хоккайдо). Одно из поселений на острове создавалось по аналогии с русскими казачьими станицами, для ознакомления с которыми на Дальний Восток России выезжали представители японской администрации. Японцы пригласили на Хоккайдо русских плотников, которые построили жилища «в казачьем духе». Военные поселенцы на Хоккайдо, получая в пользование землю, а также денежное довольствие, обязаны были заниматься сель-

ским хозяйством и военным делом³. Можно отметить, что военные поселенцы и в ряде других стран выполняли схожие функции с казаками, но нигде они не играли такой большой роли, как в России.

История казачества Забайкалья и Дальнего Востока — составная часть общей истории данного сословия. В то же время для нее характерно наличие ряда специфических черт. Хронологически дореволюционная история местных казачьих войск охватывает немногим менее трех веков. Начальная грань ее относится ко второй четверти XVII в., к появлению в регионе казаков-первопроходцев. Конечная грань — октябрь 1917 г., когда социалистическая революция в России ликвидировала сословное неравенство населения страны⁴. В данных хронологических рамках четко прослеживаются три периода истории местных казачьих войск: вторая четверть XVII — первая половина XIX в.; вторая половина XIX в.; рубеж XIX—XX вв. — октябрь 1917 г.

В общеисторическом плане начало первого периода истории местного казачества совпадает с началом становления капиталистической формации в России, а его окончание — с завершением перехода страны на рельсы капитализма. В этот период казачье население на востоке государства существовало в недостаточно организованных формах, без четко выраженной сословной обособленности. Главные задачи казачества, с которыми оно успешно справлялось в указанное время, заключались в открытии, заселении, хозяйственном освоении и обороне новых территорий.

Вторая половина XIX в. характеризуется бурным развитием капитализма в России, который на грани двух веков перерастает в свою высшую стадию — империализм. Этот период связан с большим историческим событием — южная часть Дальнего Востока окончательно вошла в состав Русского государства. Для местного казачества вторая половина XIX в. знаменательна завершением организационной оформленности. В целом как в первый, так и во второй период своего существования казаки Забайкалья и Дальнего Востока сыграли прогрессивную роль в открытии новых земель, их заселении, хозяйственном освоении и обороне.

Перерастание российского капитализма в империалистическую стадию означало наступление нового периода истории страны. Качественно новые черты характерны и для истории местного казачества в это время. Существенно меняется его роль и значение в жизни края: уменьшается удельный вес в общей

³ Энмото Мориз, Кими Нобухико. Хоккайдо-но рэкиси (История Хоккайдо). Токио, 1975, с. 131—132. На яп. яз.; Де-Воллан Г. В Стране восходящего солнца. СПб.; М., 1906, с. 213—216; Буров Д. М. Население Японии. — В кн.: Япония и ее обитатели. СПб., 1904, с. 157—158; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 633, л. 1—2.

⁴ Октябрь 1917 г. является конечной гранью дореволюционной истории местного казачества. Изучение истории бывших казаков в советский период заслуживает особого рассмотрения.

массе населения, в сельскохозяйственном производстве, в оборонительной системе дальневосточного региона. Казаки используются царизмом для подавления революционного движения в империи.

Вопросы истории казачества Дальнего Востока и Забайкалья получили значительное освещение в отечественной и зарубежной литературе.

До 1917 г. в России вышло большое число работ, в которых рассматриваются первоначальное появление русских на востоке страны, заселение, хозяйственное освоение и оборона дальневосточных окраин, оценивается участие в этих процессах казачества. В целом в дореволюционной историографии казачества можно выделить три этапа: начальный охватывает труды, вышедшие в XVIII — первой половине XIX в.; следующий — во второй половине XIX в. и заключительный этап — с начала XX в. до 1917 г.

На первом этапе отсутствуют специальные исследования, посвященные истории местного казачества; в то же время в работах, рассматривающих заселение и освоение русскими людьми дальневосточных территорий, показывается роль и значение служилого населения, казачества.

Второй этап отличается большим числом работ, связанных с вопросами воссоединения амурских земель с Россией, их освоения, участия в указанных действиях казачества. Этап представлял собой время сбора, накопления, предварительного анализа материала и лишь в конце XIX в. были сделаны попытки его обобщения. Среди ранних выделяются труды А. Алябьева, М. Венюкова, Р. Маака, К. Максимовича, Г. Невельского, Н. Пржевальского⁵.

Наиболее крупный вклад в изучение проблемы в эти годы внес М. И. Венюков — непосредственный участник героической амурской эпопеи. Он рассказал о первых шагах русской колонизации воссоединенного Амура, раскрыл роль казачества. Большой интерес представляет и труд Г. И. Невельского, который отдал должное простым русским людям, в том числе казакам, за их героический вклад в дело воссоединения Амура с Россией. Богатый статистический материал, описание быта казаков привел Н. М. Пржевальский. Заслугой автора является то, что он не только подчеркнул негативные стороны казачьей жизни, но и отразил глубокую веру в могучие, неиссякаемые возможности простого русского человека, в его великие творческие силы.

⁵ Алябьев А. А. Далекая окраина: Уссурийский край. СПб., 1872; Венюков М. И. Путешествие по окраинам русской Азии и записки о них. СПб., 1868; Он же. Состав населения Амурского края. СПб., 1871; Он же. Старые и новые договоры России с Китаем. СПб., 1863; Он же. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873; Маак Р. Амур, река, о ней. СПб., 1859; Максимович К. И. Амурский край. СПб., 1862; Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. СПб., 1878; Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийский край, 1867—1869 гг. СПб., 1870; и др.

Последующие работы второго этапа рассматривали вопросы исторического прошлого края, его хозяйства, вооруженных сил. Это книги И. Барсукова, Г. Грум-Гржимайло, Н. Крюкова, И. Надарова, Г. Назарова, А. Риттиха и других авторов⁶. К работам мемуарного характера относятся труды А. Кириллова и Б. Кукеля, в которых приводятся новые факты из истории освоения края, становления и развития местного казачьего населения⁷.

Важное значение имело появление в конце XIX в. работ, специально посвященных истории казачества региона, авторами которых были Ф. Ф. Буссе и Н. И. Эпов⁸. В исследовании Ф. Ф. Буссе дается краткий исторический очерк забайкальского бурятского казачества до 1851 г. Книга Н. И. Эпова явилась первой попыткой создания обобщающего труда по истории Забайкальского казачьего войска. В ней собран большой фактический материал. В то же время в этой работе особенно ярко проявилась классовая ограниченность авторов официальной литературы, стремление представить казачество в виде однородной массы, в которой отсутствуют какие-либо антагонистические противоречия.

Третий, заключительный этап изучения истории казачьих войск Приамурского края в дореволюционный период охватывает годы с начала XX в. до 1917 г., т. е. империалистический период развития России. Среди работ этого времени, содержащих сведения о казачестве, следует назвать труды П. Головачева, Е. Гонсовича, Дальневосточного, П. Унтербергерера, Н. Холодова⁹. В них авторы кратко излагают историю края, основные этапы его заселения крестьянами и казаками, приводят статистические данные. В ряде работ этого этапа проводится мысль

⁶ Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. М., 1891. Кн. 1/2; Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области. СПб., 1894; Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства Приамурского края. СПб., 1893; Он же. Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1895; Он же. Западное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1896; Надаров И. Г. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884; Он же. Южно-Уссурийский край в современном его состоянии. — Зап. Рус. геогр. о-ва, 1889, т. 25, вып. 3; Назаров Г. Материалы для военно-статистического обзора Приамурского военного округа и Маньчжурии. СПб., 1888; Риттих А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. СПб., 1899; и др.

⁷ Кириллов А. В. Переселение в Амурскую область (1857—1893 гг.). Хабаровск, 1895; Кукель Б. К. Из эпохи присоединения Приамурского края. — Ист. вестн., 1896, авг.

⁸ Буссе Ф. Ф. Забайкальское инородческое войско. М., 1897; Эпов Н. И. Забайкальское казачье войско. Нерчинск, 1889.

⁹ Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904; Гонсович Е. В. История Амурского края. Благовещенск, 1914; Дальневосточный. Крестьянская и казачья колонизация Уссурийского края. — Вопр. колонизации, 1909, № 5; Унтербергер П. Ф. Приморская область, 1856—1898 гг. СПб., 1900; Он же. Приамурский край, 1906—1910 гг. СПб., 1912; Холодов Н. Уссурийский край. СПб., 1908

о снижении роли казачества в жизни края, прежде всего в его обороне.

Из трудов, вышедших в эти годы, можно выделить также оригинальные мемуары Р. Богданова¹⁰. Обильный фактический материал, который содержится в них, не потерял своего значения до настоящего времени.

Самым значительным достижением дореволюционной историографии местного казачества явилось создание в начале XX в. ряда работ, специально посвященных истории Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. Это исследование А. Васильева, А. Жернакова, Р. Иванова, А. Савицкого¹¹.

В брошюре А. Ю. Савицкого впервые делается попытка проследить историю Уссурийского казачьего войска. Вместе с тем автор не соблюдает хронологического принципа изложения событий, не анализирует их. Этому же войску посвящается исследование А. Жернакова.

Амурское казачество является объектом изучения Р. Иванова. Его работа в целом носит верноподданнический характер: читателю внушается мысль об абсолютной преданности амурских казаков самодержавной царской власти.

Иной характер имеет книга А. П. Васильева, представляющая собой удачную попытку обработки и систематизации огромного фактического материала. Автор исследования ярко раскрывает многие моменты героической истории забайкальского и дальневосточного казачества. По сравнению с предшественниками А. П. Васильев сделал большой шаг вперед, его труд явился крупным достижением исторической науки своего времени.

В целом дореволюционная историография забайкальского и дальневосточного казачества достигла определенных успехов в изучении вопросов переселения казаков, организационного оформления казачьих войск, участия их в освоении и обороне края. В то же время проблемы социально-экономического развития казачества, его классовой дифференциации и классовой борьбы в его среде не раскрыты в работах дореволюционных авторов.

Отсутствие правильной, подлинно научной методологической базы в дореволюционной исторической науке не могло не сказаться на степени изученности многих вопросов, в том числе и комплексной проблемы истории казачества. Теоретическую базу историческая наука получила лишь с появлением марксистско-ленинской методологии, с победой Великого Октября.

¹⁰ Богданов Р. К. Воспоминания Амурского казака о прошлом, с 1849 по 1880 г. Хабаровск, 1900.

¹¹ Васильев А. П. Забайкальские казаки: Ист. очерк. Чита. Т. 1/2, 1916; Т. 3, 1918; Жернаков А. О казаках Уссурийских в связи с краткой историей Уссурийского казачьего войска. Владивосток, 1915; Иванов Р. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1912; Савицкий А. Ю. Краткий исторический очерк Уссурийского казачьего войска. Хабаровск, 1908.

История изучения казачества Забайкалья и Дальнего Востока в советский период подразделяется на три этапа.

На первом этапе (1917 г. — 30-е годы) советские историки успешно осваивали марксистско-ленинскую методологию, накапливали необходимый материал. Определенное внимание уделялось вопросам расселения русских (в том числе казаков) в Сибири и на Дальнем Востоке. К сожалению, в этот период некоторыми историками были допущены ошибки, в том числе по истории русско-китайских отношений, по вопросу о вхождении Сибири и Дальнего Востока в состав нашей страны, неточно освещались взаимоотношения коренных народов восточных окраин России с русским народом. Подобные ошибки имеются в работах А. Георгиевского, А. Грачева, П. Кобозева, Н. Козьмина и других авторов¹².

Некоторые советские исследователи основное внимание уделяли «военным подвигам» казаков. Среди подобных работ можно назвать статью Е. Полюдова «Казак» и книгу С. Бахрушина «Казак на Амуре», в которых имеются ошибочные трактовки процесса освоения сибирских окраин русскими людьми¹³.

В это же время вышел и небольшой труд Г. Цыбикова о бурятах Забайкальского казачьего войска¹⁴. В нем автор привел интересный фактический материал. Той же теме посвящен очерк Ф. Шулупова, в котором серьезное внимание уделяется социально-экономическому положению казачества, его классовому расслоению¹⁵. Этот очерк качественно отличается от предыдущих работ подобного рода, являясь шагом вперед в разработке проблемы.

Второй этап изучения истории казачества Забайкалья и Дальнего Востока (конец 30-х — 50-е годы) в количественном отношении немногим отличается от предыдущего. Качественная же сторона этого этапа характеризуется значительно более глубоким рассмотрением общих проблем исторического развития восточных окраин страны, истории формирования здесь границ, заселения и хозяйственного освоения Дальнего Востока, участия в этих процессах различных категорий населения, в том числе казачества. В это время выходят работы А. Л. Нарочницкого, В. В. Покшишевского, Н. И. Рябова и М. Г. Штей-

¹² Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. — В кн.: Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск; Владивосток, 1927; Грачев В. А. Присоединение Приамурского края к России (1850—1860). Никольск-Уссурийский, 1920; Кобозев П. А. Колонизация Дальнего Востока. — Тр. Гос. колонизаци. науч.-исслед. ин-та. М., 1924, т. 1; Козьмин Н. Н. История Сибири. — В кн.: Сибирская энциклопедия. Б. м., 1930—1931, т. 2; и др.

¹³ Полюдов Е. Казак. — В кн.: Сибирская энциклопедия. Б. м., 1930—1931, т. 2; Бахрушин С. В. Казак на Амуре. Л., 1925. Позднее С. В. Бахрушин пересмотрел свои позиции. С его именем связано новое понимание вопросов русской колонизации Сибири.

¹⁴ Цыбиков Г. Ц. Забайкальское бурятское казачье войско. Верхнеудинск, 1925.

¹⁵ Шулов Ф. К истории Бурят-Монгольского казачества: (Крат. очерк). Улан-Удэ, 1936.

на, М. И. Сладковского, К. Ф. Шергиловой, В. И. Шункова и других исследователей¹⁶.

Отдельные аспекты истории местного казачества получили в эти годы более подробное освещение. Так, в статье В. Барановской рассмотрен ход переселения казаков на Амур в конце 50-х — начале 60-х годов¹⁷. Продолжена также разработка истории бурятского казачества Забайкалья, истории казаков Якутии¹⁸.

Третий этап наступил в конце 50-х годов. В целом он отличается появлением крупнейших коллективных обобщающих работ по истории восточных районов страны. Вышла в свет, например, многотомная «История Сибири», готовится к изданию «История Дальнего Востока СССР». В этих фундаментальных трудах значительное место отводится показу исторической роли крупного отряда населения восточных окраин России — казачества.

Вопросы истории местного казачества получили отражение в работах многих советских исследователей на данном этапе. В частности, об участии казаков в процессе открытия новых земель, формирования русско-китайской границы говорится в трудах В. А. Александрова, А. И. Алексеева, П. И. Кабанова, Г. В. Мелихова, Б. П. Полевого, П. Яковлевой, А. П. Рыжкова¹⁹.

В. В. Воробьев, В. М. Кабузан, А. А. Лебедева, Ф. Г. Сафронов в своих работах рассматривают проблему формирования населения восточных районов страны, в том числе служилого и казачьего²⁰.

¹⁶ Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1896 гг. М., 1956; Покишишевский В. В. Заселение Сибири: (Ист.-геогр. очерк). Иркутск, 1951; Рябов Н. И., Штейн М. Г. Очерки истории русского Дальнего Востока, XVII — начало XX века. Хабаровск, 1958; Сладковский М. И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957; Шергилова К. Ф. Начало заселения Дальнего Востока в конце 50-х и начале 60-х гг. XIX в. — Учен. зап. Кавказ. пед. ин-та, 1956, т. 1; Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в 17 — начале 18 в. М.; Л., 1946; и др.

¹⁷ Барановская В. Организация казачьих переселений в Приамурье. — Науч. зап. Всесоюз. высш. фин. школы, 1956, вып. 1, ч. 2.

¹⁸ История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. Т. 1; Якутия в XVII веке: (Очерки). Якутск, 1953.

¹⁹ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969; Алексеев А. И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974; Кабанов П. И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959; Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974; Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959; Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958; Рыжков А. Н. Из истории открытия, исследования и освоения Сахалина и Курильских островов. — В кн.: Сахалинская область. Южно-Сахалинск, 1960; и др.

²⁰ Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975; Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск, 1973; Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX в.). — В кн.: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969; Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978.

Вопросы социально-экономического положения местной деревни, развития капитализма и революционной борьбы здесь освещены в крупных монографиях и статьях И. А. Асалханова, В. Ф. Борзунова, Л. М. Горюшкина, В. И. Дулова, В. Г. Тюкавкина, Э. М. Щагина и других исследователей²¹.

Определенное внимание авторы уделяют положению в казачьих станицах Дальнего Востока и Забайкалья, проникновению капитализма в хозяйство казаков, пополнению пролетариата края выходцами из казачьего сословия, участию казачества в революционном движении.

Ряд работ, вышедших в последние годы, специально посвящен отдельным аспектам истории местного казачества. Так, состояние землеустройства в Забайкальском войске исследовано в статье А. Я. Ворониной, социально-экономическое расслоение дальневосточного казачества в начале XX в. в статье Т. В. Махнатороды²².

Общие закономерности и особенности исторического развития Дальнего Востока СССР в эпоху капитализма освещены в работах А. И. Крушанова²³. Значительное внимание автор уделил и истории местного казачества, той роли, которую играло это сословие в жизни края.

Таким образом, в советский период в изучении истории казачества Дальнего Востока и Забайкалья достигнуты серьезные успехи. Советские исследователи убедительно доказали, что появление русских людей на востоке Азии, заселение и освоение ими этих земель было естественным и неизбежным процессом расширения государственной территории России. Он соответствовал общему ходу исторического прогресса, а также интересам

²¹ *Асалханов И. А.* Социально-экономическое развитие юго-восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963; *Борзунов В. Ф.* Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. М., 1965; *Горюшкин Л. М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков, Конец XIX — начало XX в. Новосибирск, 1967; *Дулов В. И.* Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск, 1956; *Дулов В. И., Тюкавкин В. Г.* О путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири. — *Вопр. истории*, 1964, № 4; *Тюкавкин В. Г.* Сибирская деревня накануне Октября: (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966; *Щагин Э. М.* Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917 — лето 1918 г.). М., 1974; и др.

²² *Воронина А. Я.* К вопросу о землеустройстве Забайкальского казачьего войска. — В кн.: Социально-экономическое развитие Сибири, XIX—XX вв. Иркутск, 1976; *Махнатороды Т. В.* К вопросу о социально-экономическом расслоении дальневосточного казачества. — В кн.: Социально-экономические проблемы истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1977.

²³ *Крушанов А. И.* Классики марксизма-ленинизма о закономерностях исторического процесса в Сибири и на Дальнем Востоке. — В кн.: Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока. Владивосток, 1965; *Он же.* XXIV съезд КПСС и проблемы истории Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973; *Он же.* Октябрь на Дальнем Востоке. Владивосток, 1968. Ч. 1/2; и др.

коренного населения. Значительную роль в происходящих событиях играло русское казачье население.

Впервые в исторической литературе советские ученые рассмотрели вопросы социально-экономического положения местного казачества, классового расслоения этого сословия, участия казаков в революционном движении в начале XX в.

Однако в изучении истории казачества края остались и нерешенные проблемы. В частности, отсутствует обобщающий труд как по истории казачества восточных окраин страны в целом, так и по истории каждого из казачьих войск региона — Забайкальского, Амурского и Уссурийского.

Определенное освещение история русского казачества получила и в зарубежной литературе. Однако многие буржуазные авторы историю вхождения восточных территорий в состав Русского государства освещают необъективно, пытаются «доказать» насильственный характер этого процесса, замалчивают успехи России в хозяйственном освоении региона. В таком же плане рассматривается и роль русских казаков — «завоевателей». Эта «концепция» распространяется зарубежными фальсификаторами не только на XVII в., но и на XVIII и XIX вв. Подобную трактовку исторических событий можно проследить в работах Л. Посвольски, К. Басса, Дж. Харрисона и других авторов²⁴.

Отдельные зарубежные исследователи уделяли внимание вопросам формирования местного казачества, его хозяйству и быту, структуре войска, но не проявили при этом достаточной объективности²⁵.

В качестве общего итога анализа литературы по истории Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск можно констатировать, что рассматриваемая проблема еще не получила достаточного освещения.

В данном исследовании автор ставит следующие задачи: показать роль казачества в процессе открытия дальневосточных земель и включения их в состав Русского государства, в ходе формирования русско-китайской границы и в охране дальневосточных рубежей страны; осветить формирование местного казачества и участие его в заселении и хозяйственном освоении Приамурского края; рассмотреть социально-экономическое положение этого сословия и классовые выступления против царизма его представителей.

²⁴ *Harrison J. A.* The founding of the Russian Empire in Asia and America. Coral Gables (Florida): Univ. of Miami press, 1971; *Pasvolsky L.* Russia in the Far East. New York, 1922; *Buss C. A.* The Far East. A History of Recent and Contemporary International Relations in East Asia. New York, 1955; *Lantzeff G. V., Pierce R. A.* Eastward to Empire. Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. Montreal; London, 1973.

²⁵ *Zepelin C.* Der Ferne Osten. Berlin, 1909, II; *Harrison E. J.* Peace or war East of Baikal? Yokohama, 1910; *MacCullagh F.* With the Cossacks. London, 1906.

Географические рамки исследования охватывают территорию, которая во второй половине XIX в. определялась термином «Дальний Восток». Она простиралась от Байкала до побережья Тихого океана и административно входила сначала в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, а затем была выделена в самостоятельное Приамурское генерал-губернаторство.

Объектом исследования является местное казачество. Рассмотрение истории трех казачьих войск — Забайкальского, Амурского и Уссурийского — в совокупности обуславливается взаимосвязанностью их существования, единством выполняемых задач, относительной географической близостью, подчинением единому административному органу и т. д.

Хронологические рамки исследования ограничены второй четвертью XVII—XIX в., т. е. временем, когда в наибольшей степени проявилась прогрессивная роль казачества Забайкалья и Дальнего Востока в открытии новых земель, их заселении, хозяйственном освоении и обороне.

Методологической основой работы послужило творческое наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина по проблемам закономерностей и особенностей исторического процесса на Дальнем Востоке, международных отношений в этом регионе, экономического и социального развития восточных районов России, становления здесь капиталистических отношений. Особое значение имело мнение классиков марксизма-ленинизма о месте и роли казачества в русской истории.

Внимательно наблюдая за событиями на Дальнем Востоке, Ф. Энгельс не упускал из виду местное казачество. Уже в 1855 г. в одной из его работ упоминались «забайкальские казаки, недавно сформированные»²⁶. Говорил он и о вкладе казаков в процесс включения земель Приамурья в состав России в середине XIX в.: «...сибирские пограничные казаки медленно, но неуклонно продвигают свои станицы от Даурских гор к берегам Амура»²⁷.

Огромный вклад в разработку теоретических проблем истории казачества внес В. И. Ленин. Высказывания о казачестве есть у В. И. Ленина как в фундаментальных трудах, так и в небольших статьях, хроникальных заметках, выступлениях. «Высказывания В. И. Ленина о казачестве — это яркое, порою даже детальное описание фактов и их анализ и вместе с тем — глубокие теоретические выводы и обобщения, сделанные на основе различных источников»²⁸.

В. И. Ленин дал глубокую характеристику социально-экономического положения казачества, в котором он усматривал «привилегированное крестьянство». Он подчеркивал, что казаки лучше обеспечены земельным наделом и вместе с тем отмечал,

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 474.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 223.

²⁸ Фургорянский Л. И. Казачество в период буржуазно-демократических революций в России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук М., 1974, с. 7—8.

что казачество не было однородным сословием, а различалось «в размерах землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д.»²⁹ В лице казачьих офицеров и чиновников В. И. Ленин видел фактически новых помещиков, созданных царизмом. В его работах можно найти исчерпывающую характеристику казачества как социальной группы³⁰.

Неоднократно указывая на реакционную роль казачества, которое использовалось царизмом для подавления революционного движения, В. И. Ленин в то же время отмечал факты классового волнения среди казачества, «брожения в разоренных казачьих станицах»³¹.

Документальную базу данного исследования составили как опубликованные материалы, так и значительное количество неопубликованных источников, извлеченных из различных архивов нашей страны.

В работе использовались опубликованные документы дореволюционного и советского периодов истории СССР. Среди источников дореволюционного времени следует выделить официальные издания и труды, отражающие вопросы переселения казаков, их участия в освоении и обороне края³². Особое место среди подобных работ занимают «Материалы высочайше учрежденной под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области» (вып. 1—16. СПб., 1898—1899), «Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск» (вып. 1—4. СПб., 1902) и данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи.

Из опубликованных в советское время использовались сборники документов, в которых нашли отражение вопросы русско-китайского пограничного урегулирования, первоначального заселения и освоения новых земель, социально-экономического развития и обороны края³³.

Основную источниковедческую базу составили материалы 64 фондов 12 центральных и местных архивов нашей страны.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 315.

³⁰ См.: Там же, т. 34, с. 219, 220.

³¹ См.: Там же, т. 5, с. 17; т. 11, с. 314—315; т. 13, с. 198, 385.

³² Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883. Т. 2; Забайкалье. Иркутск, 1891; Живописная Россия. СПб.; М., 1895. Т. 12. Ч. 1/2; Столетие военного министерства (1802—1902). Главное управление казачьих войск. СПб., 1902; Приамурье: Факты. Цифры. Наблюдения. М., 1909; Труды Амурской экспедиции. СПб., 1911—1913. Вып. 1—16; Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1—3; Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг., 1917. Вып. 2; и др.

³³ Русско-китайские отношения, 1689—1916: Офиц. док. М., 1958; Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и док./Сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М., Т. 1, 1969; Т. 2, 1972; Владивосток: Сб. ист. док. 1860—1907 гг. Владивосток, 1960; и др.

Важнейшие данные, связанные с вопросами открытия и закрепления за Россией дальневосточных земель, их заселения и хозяйственного освоения, извлечены из Центрального государственного исторического архива СССР (далее — ЦГИА СССР). В документах архива отражены важнейшие государственные мероприятия, проводившиеся на Дальнем Востоке. Особый интерес вызвали материалы, касающиеся истории образования казачьих войск на востоке страны, социально-экономического положения этого сословия.

Материал, иллюстрирующий исключительно мирный характер взаимоотношений России и Китая в период проходившего в середине XIX в. разграничения государственных территорий, был получен в Центральном государственном архиве Военно-Морского флота (далее — ЦГАВМФ).

По военной истории казачества наибольший интерес представляют документы Центрального государственного военно-исторического архива (далее — ЦГВИА). Из архива извлечены материалы по истории формирования, военной структуре, службе Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск.

Данные о состоянии обороны русского Дальнего Востока обнаружены также в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР). Из этого же хранилища извлечены чрезвычайно ценные данные о классовой борьбе забайкальского казачества, в частности о существовании революционных кружков в его среде.

Богатейший материал по истории казачества Забайкалья и Дальнего Востока собран в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока (далее — ЦГА РСФСР ДВ). Здесь удалось получить данные о землепользовании казачьих войск, отводе земельных наделов, экономических и бытовых условиях жизни казачьего населения, классовых выступлениях трудового казачества.

Интересные фонды, содержащие документы по истории местного казачества в XVIII—XIX вв., обработаны в Центральном государственном архиве древних актов (далее — ЦГАДА), Центральном государственном архиве Бурятской АССР (далее — ЦГА БурАССР), Государственном архиве Иркутской области (далее — ГАИО), Государственном архиве Читинской области (далее — ГАЧО), Государственном архиве Амурской области (далее — ГААО), Государственном архиве Хабаровского края (далее — ГАХК) и Государственном архиве Сахалинской области (далее — ГАСО).

При работе с архивными материалами возникали различные трудности. Не все документы хорошо сохранились, многие небрежно оформлены. Цифровой и фактический материал в ряде случаев нуждался в перепроверке. Приходилось учитывать субъективный характер суждений многих составителей документов и т. д. В целом же собранный материал обширен и зна-

чителен, он позволил достаточно полно и убедительно осветить многие вопросы исследуемой проблемы.

Научная новизна предлагаемого исследования заключается, как нам представляется, в комплексном подходе к разработке темы. На основе разнообразного документального материала, значительная часть которого вновь вводится в научный оборот, впервые в совокупности рассматривается история трех казачьих войск — Забайкальского, Амурского и Уссурийского — в течение длительного периода времени, охватывающего более двух с половиной веков. Это позволило выявить этапы исторического развития казачества, особенности каждого этапа; осветить некоторые малоизученные моменты участия казаков в заселении, освоении и обороне края; рассмотреть вопросы социально-экономического положения местного казачества, его классового расслоения, участия казаков в освободительном движении против царизма.

В заключении автор считает своим долгом выразить признательность сотрудникам Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР за помощь в работе, а также искренне поблагодарить члена-корреспондента АН СССР А. И. Крушанова, доктора исторических наук В. М. Кабузана, доктора исторических наук В. Г. Щебенкова и коллектив кафедры истории СССР Дальневосточного государственного университета за полезные советы и пожелания, которые были учтены автором при доработке этой книги.

Глава первая

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ОКРАИНЫ РОССИИ В XVII — НАЧАЛЕ XIX в. КАЗАЧЬЕ НАСЕЛЕНИЕ КРАЯ

Открытие и освоение русскими людьми земель Забайкалья и Дальнего Востока. Формирование русского населения края

Присоединение к Русскому государству сибирских и дальневосточных земель явилось важным звеном естественного процесса формирования единой государственной территории России. Это был длительный процесс. Впервые присоединение зауральских земель началось еще в XVI в. известными походами Ермака, а уже в следующем столетии русские люди вышли к берегам Тихого океана. Но XVII в. в силу ряда исторических причин явился лишь первоначальным этапом присоединения земель Приамурья и Приморья к России. Окончательно эти земли вошли в состав государства в XIX в.

В общисторическом плане первый этап вхождения дальневосточных земель в состав России объективно совпал с началом нового периода русской истории, который характеризовался, с одной стороны, окончательным закреплением в стране крепостного права, а с другой — созданием новых буржуазных связей. Именно с XVII в. происходит слияние отдельных русских земель в одно целое, обусловленное формирующимся общероссийским рынком¹.

Семнадцатое столетие примечательно и крупными географическими открытиями, совершенными русскими землепроходцами и мореплавателями.

Движение русских людей на восток вызывалось многими причинами. Оно определялось естественноисторическим процессом освоения Российским государством окраинных территорий, необходимостью получения новых источников дохода, валютных поступлений (в том числе пушнины). Одновременно правящая феодальная верхушка резко усилила крепостническую эксплуатацию трудового населения в европейской части страны. Спасаясь от крепостнического и фискального гнета, массы простых русских тружеников устремились в бескрайние зауральские просторы.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 153—154.

Движение на Восток определялось также необходимостью создания укрепленных и безопасных границ и пресечения попыток ряда европейских государств втянуть в орбиту своего влияния территорию Сибири и Дальнего Востока². Вхождение в состав многонационального Русского государства, несущего более высокую культуру, народов, населявших Сибирь и Дальний Восток, было объективно необходимым и исторически прогрессивным явлением.

Первые сведения о Забайкалье и Приамурье были получены русскими в конце 30-х годов XVII в., при освоении восточной Якутии и Прибайкалья. Затем поступили сообщения от И. Москвитина, дошедшего до Охотского побережья, М. Перфильева, поднявшегося до Баунтовского озера в Забайкалье, и С. Косого, который сумел добраться до устья Аргуни. Большую роль в продвижении русских людей на Дальний Восток сыграл Якутский острог, созданный в 1632 г. и ставший к концу 30-х годов центром распространения русского влияния в регионе. Именно отсюда в 1643 г. вышел с отрядом В. Поярков. Его целью была проверка рассказов казаков-одиночек, побывавших на юге Дальнего Востока и утверждавших, что там есть могучая река, текущая по земле, богатой пушными зверями и природными сокровищами. Речь шла об Амуре. В 1644 г. Поярков, спустившись по Зее, вышел на Амур и достиг его устья. Вернувшись в 1646 г., он составил первое описание Амура и народностей, его населявших. В качестве важнейшего вывода сообщалось, что население Амура не зависимо ни от одного из соседних государств. С именем Пояркова связано непосредственное открытие русскими Приамурья.

Почти одновременно с появлением в Приамурье русские пришли и в Забайкалье. В состав России этот край начал входить с середины 40-х годов XVII в., а его восточная часть — в конце 40—50-х годах. На восточном побережье Байкала появились отряды В. Колесникова, И. Похабова, И. Галкина. В 1648 г. Галкин дошел до устья Баргузина и основал одноименный острог. В следующем году им же был основан острог Верхнеудинский³.

Присоединение Приамурья совершилось в 1649—1652 гг. Это явилось результатом похода Е. Хабарова, который привел местное население в русское подданство и обложил его ясаком. За время своего пребывания на Амуре Хабаров укрепил и расширил Албазинский острог, который до его прихода был городком одного из даурских «князцов», и построил ряд новых острогов: Усть-Стрелочный, Ачанский, Кумарский. С 1653 г., после

² Еще во второй половине XVI в. русское правительство выражало озабоченность по поводу появления в северной части Азии английских и голландских экспедиций и в связи с возможностью учреждения ими торговых факторий. См.: История Сибири. Л., 1968, т. 2, с. 25.

³ Забайкалье. Иркутск, 1891, с. 2.

отъезда Хабарова в Москву, командование русским отрядом в Приамурье принял О. Степанов. Он совершил плавание по Сунгари, а в 1655 г. ходил по Уссури, успешно объясняя местное население, уверившее его в подданстве России. Русским землепроходцам известно было и оз. Белое (ныне Ханка) ⁴.

Появились новые поселения и в Забайкалье. В 1653 г. П. Бекетов основал здесь Иргенский острог. К этому же времени, по некоторым данным, относится постройка его казаками Ингодинского зимовья в устье р. Читы, положившего начало будущему городу ⁵.

Политический акт присоединения Забайкалья и Приамурья к России выразился и в создании здесь русских административных учреждений. Первоначально эти территории подчинялись якутскому и енисейскому воеводам. Но уже в 1653 г. на Зею прибыл из Москвы Д. Зиновьев, фактически обладавший воеводскими полномочиями, и в 1655 г. было создано Даурское воеводство. В 1656 г. воеводой в Приамурье был назначен А. Пашков, через два года обосновавшийся в основанном им Нерчинске. С этого времени Нерчинск становится административным центром Нерчинского, или Даурского, воеводства, территория которого охватывала Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье ⁶.

Административная система, которая складывалась в крае в ходе его освоения, отражала политику самодержавия по отношению как к русскому населению, так и к местному, аборигенному, представленному здесь добровольно присоединившимися к России бурятами, малочисленными племенами эвенков, дауров, нанайцев, нивхов и других народностей. Ни маньчжурское, ни тем более китайское население на этих землях не проживало. При создании новой администрации царизм вынужден был в определенной мере учитывать традиции местных народов. Им разрешалось сохранять собственные общественные институты и обычаи. Это объяснялось добровольным их вхождением в состав России, необходимостью привлечения местной верхушки в качестве социальной опоры царизма, возможностью удешевить административный аппарат, переложив часть его функций на аборигенных князев ⁷.

⁴ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.— Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1960, т. 55, с. 593—595; Сем. Ю. А. Походы Онуфрия Степанова по Амуру и Уссури.— Сообщ. ДВ фил. СО АН СССР, 1962, вып. 15, с. 125—129; Дальний Восток. М., 1966, с. 75—76.

⁵ Изгачев В. Г. Читинское плотбище в XVII в.: (Ист. очерк).— В кн.: Общественные и исторические науки. Чита, 1966, вып. X, с. 55.

⁶ Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973, кн. 1, с. 17; История советского Приморья. Владивосток, 1976, с. 20; Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969, с. 8, 14; Мелихов Г. В. Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). М., 1974, с. 97.

⁷ Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958, с. 6; Он же. Участие представителей коренного населения Забайкалья в русских административных органах XVIII в.— В кн.: 50 лет освобождения Забайкалья

Успехи в заселении и освоении восточных окраин России обуславливали совершенствование административного деления. В начале 80-х годов XVII в. из состава управляемой Нерчинском земли была выделена самостоятельная административная единица — Албазинское воеводство. К этому времени в Приамурье появились новые остроги: Верхозейский, Селемджинский, Аргунский и др. Важнейшей чертой вновь создаваемых поселений было то, что они «отнюдь не были лишь военными и административными укрепленными пунктами. Значительная часть их становилась земледельческими очагами»⁸.

Мирное земледельческое освоение края началось с первых шагов русских в Забайкалье и Приамурье и развивалось по пути главного направления русского продвижения на восток. Уже в 1654 г. во всех построенных Бекетовым и его казаками селениях в Забайкалье была распахана земля и посажен хлеб. В 1657 г. нерчинский воевода Пашков, используя служилых людей, запахал под яровой и озимый сев до 120 дес. на нужды казны. Успешно развивалось русское земледельческое хозяйство в нижнем течении р. Селенги. В 70-х годах XVII в. под Селенгинском существовало не менее 20 крестьянских хозяйств. В начале 80-х годов в Нерчинском уезде на пашню были поселены ссыльные. Однако должного развития во второй половине XVII в. земледелие в Забайкалье не получило. Возможно, это было связано с недостаточным количеством вольных переселенцев, которых более привлекал Амур, где земледелие развивалось гораздо активнее. Много хлопот местным властям доставляло обеспечение хлебом Нерчинска⁹.

В Приамурье русское земледелие стало распространяться еще в 50-х годах XVII в., но серьезное развитие оно получило лишь десятилетие спустя и, что особо важно, не по указанию властей, а по собственной инициативе вольных русских переселенцев. Центром земледельческой культуры был Албазинский острог. В 80-х годах ниже Аргуни было расположено уже более 20 русских земледельческих селений — слобод, деревень, заимок, тянувшихся до Албазина и далее на протяжении почти 300 верст. В 1685 г. в уезде было засеяно более 1050 дес. крестьянской, казачьей и государственной пашни. Важно отметить, что

от белогвардейцев и иностранных интервентов. Чита, 1972, с. 111, 112; *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974, с. 77; *Lantzeff G. V.* Siberia in the seventeenth century. A study of the colonial administration. Berkeley; Los Angeles: University of California Press: 1943, p. 114.

⁸ *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956, с. 200.

⁹ *Андриевич В. К.* Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. СПб., 1887, с. 28; *Шунков В. И.* Указ. соч., с. 195; *Александров В. А.* Указ. соч., с. 20—22; *Изгачев В. Г.* Начало русского земледелия в Забайкалье в XVII в. — В кн.: 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. Чита, 1972, с. 96.

Албазин в 60—80-х годах XVII в. не только полностью обеспечивал себя хлебом, но и вывозил излишки в Нерчинск¹⁰.

Таким образом, к 80-м годам XVII в. Забайкалье и Приамурье стали окраинной областью Московского государства, уже значительно обжитой и хозяйственно освоенной.

Появление русских землепроходцев в бассейне Амура и начало его освоения совпали по времени с завоеванием маньчжурами Китая. В 1644 г. маньчжуры овладели Пекином и провозгласили начало правления Цинской династии¹¹. После утверждения своей власти в Китае Цинская империя перешла к широкой агрессии против соседних стран на Азиатском материке.

Еще в процессе завоевания Китая в 50—70-х годах цинское правительство, получая известия о продвижении русских на юг Дальнего Востока, пыталось препятствовать этому. Первоначально маньчжуры посылали на Амур небольшие отряды, один из которых в 1652 г. напал на казаков Хабарова в Ачанском остроге. Через 2 года произошли первые столкновения маньчжурских войск с отрядом Степанова. Затем цинское правительство, не имея еще достаточных сил для захвата края, отозвало свои войска с Амура. Но уже с начала 80-х годов оно приступило к подготовке военной экспансии против русских: изучало географические условия края, строило военные суда и готовило войска¹². Цины стремились оградить свою маньчжурскую вотчину безлюдной буферной территорией, немногочисленное население которой они угоняли в Китай, в результате чего к началу XVIII в. южная часть Приамурья почти полностью обезлюдела.

Столь долго готовившаяся агрессия не могла остаться незамеченной для русского населения. Жители Албазина еще в 1681 г. писали местным властям о необходимости укрепления крепости. Но в целом русские вооруженные силы в Приамурье к моменту начала маньчжурского наступления оказались слабо подготовленными. Сказывались «малолюдство» служилых людей, их разбросанность по острогам, недостаток вооружения, что во многом объяснялось удаленностью края от жизненных центров страны. В то же время русское правительство, занятое европейскими проблемами, далеко не сразу оценило опасность и возможные последствия цинской агрессии. Только в 1683 г. оно приняло сильно запаздвавшее решение об усилении обороны Забайкалья и Приамурья¹³.

¹⁰ *Огородников В. И.* Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII веке.— Тр. Гос. Дальневост. ун-та. Сер. III, 1927, № 4, с. 59; *Яковлева П. Т.* Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958, с. 65; *Александров В. А.* Указ. соч., с. 23, 29—30.

¹¹ *Тихвинский С. Л.* Маньчжурское владычество в Китае.— В кн.: Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966, с. 8—9.

¹² Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и док. М., 1969, т. 1, с. 134—138, 238—240; 1972, т. 2, с. 5—6; *Мелихов Г. В.* Указ. соч., с. 135—141.

¹³ *Александров В. А.* Указ. соч., с. 105, 111, 115—116.

В 1685 г. маньчжуры подошли к Албазину и начали его осаду. Предварительно до русских властей в Нерчинске были доведены чрезвычайно дерзкие требования, изложенные в указе богдыхана от 25 февраля 1685 г. и гласившие, что русские должны немедленно отойти до самого Якутска¹⁴. Русские мужественно обороняли Албазин, проявляя чудеса храбрости и героизма, но после того, как кончились все припасы, воевода Л. Толбузин вынужден был сдать город. Однако вскоре Албазин был восстановлен и держал оборону вплоть до заключения Нерчинского договора.

Натолкнувшись на упорное сопротивление русских в Приамурье, Китай уже в 1685 г. предложил России начать переговоры о межгосударственных границах. В октябре 1686 г. русское правительство известило Пекин об отправлении посольства боярина Ф. А. Головина для ведения переговоров. Начавшиеся в 1689 г. переговоры закончились подписанием соглашения, известного как Нерчинский договор 27 августа 1689 г.¹⁵

Во время переговоров, используя временные преимущества, в том числе военные демонстрации 17-тысячного войска, цинцы потребовали от России уступки всех земель до Байкала включительно и отказа от Охотского побережья. Головин отверг эти требования и отстоял права России на Забайкалье и Охотские земли.

Важно подчеркнуть, что Нерчинский договор, как правовой документ, был абсолютно несовершенен. Он был заключен в ненормальной обстановке, когда цинские армии фактически оккупировали русские владения, а посольство Ф. А. Головина находилось под угрозой физического уничтожения превосходящими силами маньчжуров, вторгшимися в русские пределы. Договор 1689 г. фактически не установил границу между двумя государствами в общепринятом смысле¹⁶.

Русскому государству удалось приостановить дальнейшую

¹⁴ Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 1, с. 27—28.

¹⁵ Русско-китайские отношения в XVII в., т. 2, с. 29, 645.

¹⁶ Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980, с. 29. В советской исторической литературе, особенно 60—70-х годов, дана совершенно четкая оценка Нерчинского договора как крайне невыгодного соглашения для России, навязанного ей силой. При этом не отрицается тот факт, что отдельные положения договора соответствовали нормам добрососедства. Сюда относились взаимное согласие решать в дальнейшем все межгосударственные вопросы только мирным путем, положительное решение проблемы развития торговли и некоторые др. Но это не меняет главной сути договора. Совершенно ясно, что вынужденные договором «территориальные уступки со стороны России могли иметь лишь временный характер» (Александров В. А. Указ. соч., с. 193). Интересно мнение Н. Ф. Демидовой, которая в этой связи указывает на некоторые особенности внешней политики России того времени, выработавшей «традиционный подход к вынужденным территориальным уступкам как к временному явлению, предусматривающему борьбу за возвращение этих территорий в дальнейшем. Поэтому уступка тех или иных земель не рассматривалась как их окончательная потеря» (Демидова Н. Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г.— В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 310).

агрессию Цинской империи в Восточную Сибирь, но Россия вынуждена была уйти из Приамурья. Разрыв удобных транспортных связей затруднял для России дальнейшее освоение Охотского побережья, Камчатки, Сахалина и Курильских островов, Русской Америки. Были полностью уничтожены русское земледелие и промыслы в Приамурье, и более полутора веков эта территория оставалась совершенно неосвоенной¹⁷. Местное население края экономически не было связано с Китаем и не платило ему дани. Отношения же с русскими продолжались: жители Приамурья расширяли торговлю с русскими поселенцами Забайкалья и Якутии¹⁸.

На протяжении конца XVII — первой половины XIX в. территория России на юге Дальнего Востока была насильственно ограничена лишь Забайкальем. Но именно Забайкалью было предназначено в дальнейшем сыграть выдающуюся роль в окончательном воссоединении образовавшейся после Нерчинского договора буферной территории. В Забайкалье были сосредоточены материальные, людские и военные силы, использованные впоследствии для завершения процесса воссоединения.

В административном отношении в конце XVII — начале XVIII в. районы восточнее Байкала входили в Иркутское, Якутское и Нерчинское воеводства. Все они подчинялись более высокой административной единице — Енисейскому разряду. В дальнейшем административное деление непрерывно менялось. С 1724 г. Западное Забайкалье было выделено из состава Иркутского воеводства в самостоятельное — Селенгинское. В 1782—1783 гг. воеводства как название единиц административного деления были окончательно ликвидированы. В Сибири учреждались наместничества, затем они заменялись губерниями, областями и т. д. Однако административная сетка не учитывала деление Сибири на Западную и Восточную, с присущими им природными и экономическими различиями. И лишь в 1822 г. было утверждено разработанное М. М. Сперанским положение об управлении Сибирью, по которому она делилась на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства. В последнее входили: Енисейская и Иркутская губернии, Якутская обл., Охотское и Камчатское приморские управления. Данное административное устройство оказалось очень устойчивым и с небольшими изменениями сохранилось до Октябрьской революции. Созданные губернии и области в основном соответствовали географически обособленным регионам, но национальные интересы населения при этом практически совсем не учитывались¹⁹.

¹⁷ Тихвинский С. Л. Указ. соч., с. 41; Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 1, с. 32.

¹⁸ См.: Кабанов П. И. Народы Амура в середине XIX в. — Учен. зап. каф. истории СССР Моск. гос. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, 1953, т. XXVI, вып. 3.

¹⁹ Этот недостаток был устранен только при Советской власти. В соответствии с указаниями В. И. Ленина административное деление России было пре-

В XVIII — первой половине XIX в. продолжалось хозяйственное освоение восточных территорий. Сибирь втягивалась в общегосударственное российское хозяйство. Процесс этот был довольно медленным, что объяснялось тормозящим влиянием отсталых феодально-крепостнических отношений, господствующих в стране, но неуклонно продолжавшимся. Основой забайкальской экономики в указанный период являлись горнорудная промышленность, земледелие, добыча пушнины. Определенную роль играла русско-китайская торговля.

Земледелие в Забайкалье получало все большее развитие, что было связано с общим процессом постепенного передвижения земледельческих очагов в южные районы Восточной Сибири. В этот период росло земледельческое население, увеличивались пашенные угодья, появлялись новые поселения. В начале XVIII в. обработка «государевой пашни» была основной повинностью крестьян Забайкалья. Так, площадь «государевой пашни» под Нерчинском с 1685 по 1714 г. увеличилась в 16 раз. Некоторое развитие получил также хлебный и денежный оброк²⁰. В дальнейшем развитие земледелия в Забайкалье обусловливалось необходимостью снабжать хлебом горнозаводское население. Для выполнения этой задачи к заводам были приписаны проживавшие в то время в Восточном Забайкалье и дополнительно переселенные сюда крестьяне, а также ссыльные²¹.

Указанный период был переломным этапом и в истории развития земледелия у бурят. В конце XVIII — первой половине XIX в. к хлебопашеству переходят уже не отдельные представители бурятского населения, а большие массы скотоводов. Например, у селенгинских бурят в 1841 г. на душу м. п. приходилось около 1 дес. пашни²².

Продолжалось освоение и пушных богатств края, но в целом роль пушнины в экономике неуклонно падала.

В течение XVIII — первой половине XIX в. важной отраслью хозяйства в Забайкалье была горная промышленность. Возникновение этой отрасли восходит еще в 40-м годам XVII в., а в 70-х годах нерчинскими властями было положено начало опытной эксплуатации серебряных месторождений, на основе которых в дальнейшем выросли Нерчинские заводы.

Старейший в Сибири Нерчинский сереброплавильный завод начал действовать в 1704 г. С 60-х годов XVIII в. в Нерчин-

образовано на основании учета хозяйственных условий и национального состава населения. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 135.

²⁰ *Машанова Л. В.* Хозяйственное освоение Забайкалья в конце XVII — начале XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974, с. 17; *Шунков В. И.* Указ. соч., с. 194—206; *История Сибири*, т. 2, с. 204.

²¹ *Агапова Т. И.* Нерчинская горная промышленность в период кризиса феодальной системы. — В кн.: *Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР.* Владивосток, 1968, с. 72.

²² *Ким Н. В.* О литературных источниках XVIII в. по истории земледелия у бурят. — В кн.: *Исследования и материалы по истории Бурятии.* Улан-Удэ, 1973, с. 133; *Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России, с. 206.

ском районе возникают новые заводы. Кроме серебра, они давали и свинец. С 1787 г. все заводы района стали частной собственностью царской фамилии. В 1820 г. на заводах было выплавлено до 300 пуд. серебра. В дальнейшем объем выпускаемой продукции стал постоянно сокращаться и в 1845 г. составил только 57,6% от уровня 1820 г. Нерчинские заводы превратились в убыточные предприятия. Только за 1837—1842 гг. убыток достиг 276 432 руб. В 1846 г. при затратах на выплавку серебра в 269 960 руб. было получено продукции на 189 146 руб. 86 коп., т. е. убыток составил 80 813 руб. 14 коп. Основной причиной убыточности Нерчинских заводов стала феодальная организация производства, выразившаяся прежде всего в применении принудительного труда, в рутинной технике и т. д. Важно подчеркнуть, что если в целом крепостное право в Восточной Сибири отсутствовало, то в Забайкалье, на территории Нерчинского горного округа, принадлежавшего Кабинету, практически существовал крупный крепостнический район²³.

Кроме сереброплавления, развивались и другие отрасли добывающей промышленности, промыслы. Началась разработка месторождений соли, слюды. С 1838 г. приступили к промышленной добыче золота. Это в какой-то степени возмещало убытки сереброплавильных заводов.

Появилась в Восточной Сибири и черная металлургия. С 1790 г. стал действовать Петровский завод (как вспомогательное предприятие для Нерчинской горнозаводской промышленности). Постепенно он расширился, улучшилась его техническая оснащенность, в частности осуществлялись попытки создания и применения паровых машин. А с 1850 г. на заводе стали изготавливать небольшие паровые двигатели, среди которых была и машина для парохода «Аргунь», принимавшего участие в первых сплавах по Амуру²⁴.

Таким образом, в течение XVIII — первой половины XIX в. хозяйство Восточной Сибири получило определенное развитие. Наряду с этим росла численность населения региона, причем увеличивалась доля русских. Важнейшим источником роста русского населения в указанный период, кроме естественного прироста, являлось переселение. Оно осуществлялось в Забайкалье в разных формах: свободное стихийное народное переселение, правительственная, церковная колонизация, ссылка²⁵. Переселение было вольным или принудительным и определялось кон-

²³ Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975, с. 113; Патронова А. Г. К истории формирования рабочих кадров в кабинетской золотодобывающей промышленности Восточного Забайкалья. — В кн.: Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968, с. 51; Агапова Т. И. Указ. соч., с. 72; Васильев А. П. Забайкальские казаки: Ист. очерк. Чита, 1918, т. 3, с. 15.

²⁴ История Сибири, т. 2, с. 387—388.

²⁵ Аргудяева Ю. В. К вопросу о заселении русскими Забайкалья. — В кн.: Вопросы истории советского Дальнего Востока. Владивосток, 1965, вып. II, с. 27.

кретно складывавшимися потребностями края — развитием хозяйства, потребностью обороны и т. д.

Вольное переселение играло большую роль в заселении Забайкалья на протяжении всего рассматриваемого периода. Политика царизма в отношении вольных народных переселенцев страдала противоречивостью. Правительство, заинтересованное в освоении и заселении новых территорий, должно было поощрять переселение. Но интересы дворянско-помещичьих кругов заставляли ограничивать переселенческое движение. Особенно ярко эта противоречивая политика проявилась во второй половине XVII в. Тогда под влиянием массового бегства угнетенного населения на окраины страны правительство приняло строгие указы о проведении сыска беглых и даже выставило усиленные заставы на путях движения самовольных переселенцев (в частности, такой заслон существовал в месте впадения Олекмы в Лену²⁶). Но отсутствие достаточных сил вынудило правительство практически свернуть дело сыска. И особо важным является тот факт, что в Восточной Сибири сыски вообще не производились.

В дальнейшем возобладала запретительная тенденция. Заинтересованность господствующего класса в увеличении податей с населения проявилась в ограничении права переселения. Оно стало осуществляться только с разрешения властей и периодически вообще запрещалось на длительное время. Но все эти меры не могли приостановить самовольные уходы населения на восток, и в Сибири постоянно выявлялись новые люди, самовольно пришедшие сюда из центра страны. Неспособность властей остановить такое переселение вынуждала их в определенной степени приспособляться к обстановке. Так, Екатерина II вынесла специальное решение: выявленное в Сибири население (самовольные пришельцы) должно быть переписано и оставлено на новом месте. А чтобы несколько возместить убытки помещиков, этих беглых засчитывали им за рекрутов²⁷.

Кроме вольного переселения, в XVIII — первой половине XIX в. происходили переселения, пользовавшиеся в той или иной мере поддержкой властей или проводившиеся по инициативе правительства, которое стремилось в принудительном порядке заселить наиболее важные в хозяйственном и военно-стратегическом отношении районы. Первоначально переселение шло в основном из сибирских уездов, а также путем ссылки преступников. Известен ряд указов, в том числе от 17 октября 1760 г., об отправлении в край «колодников», осужденных на ссылку. Но решить таким путем проблему заселения малообжитых земель было невозможно. Поэтому 13 декабря 1760 г. и 15 марта 1761 г. вышли указы, направленные на активизацию заселения Сибири, главным образом Восточной. Согласно этим

²⁶ *Zepelin C. Der Ferne Osten. Berlin, 1909, II, S. 8.*

²⁷ *Кабузан В. М. Изменения в размещении населения в России. М., 1971, с. 45—48.*

указам, помещикам разрешалось отправлять крепостных в ссылку в зачет рекрутов²⁸. Правительство рассчитывало решить двоякую задачу: выдворить из центра страны недовольных и активизировать заселение окраин. Однако основная цель переселения по указам 60-х годов — заселить наиболее восточные окраины страны — не была достигнута, так как переселенцы оседали главным образом в Западной Сибири. В 1799 г. правительство Павла I приняло новый указ «О заселении земель..., лежащих между Байкалом, рекою Верхнею Ангарою, Нерчинском и Кяхтою, отставными солдатами, ссыльными и помещичьими крепостными людьми, отдаваемыми в зачет рекрутов». Во исполнении этого указа предполагалось направлять переселенцев в Забайкалье из ряда губерний центра России и Сибири, в общем числе примерно 10 тыс. душ м. п. с семьями. Переселение началось в 1801 г., но к 1805 г. за Байкал было поселено всего 610 душ, так как поселенцы оседали в других местах²⁹.

Определенную роль в заселении Забайкалья сыграли старообрядцы (или «семейские»), прибывшие сюда во второй половине XVIII в. В 1782 г. их насчитывалось 4400 чел., а к середине XIX в. в Забайкалье проживало уже 17 880 «семейских»³⁰.

Меры правительства по заселению края в XVIII — первой половине XIX в. носили крайне ограниченный характер, что обуславливалось прежде всего крепостнической системой, косностью и отсталостью всех общественных отношений в стране.

Но в общем рост населения Восточной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. был значительным. За 150 лет население здесь увеличилось в 7,4 раза, в том числе русского — в 11,8 раза. По темпам роста как общей численности населения, так и русского в частности, Забайкалье значительно опережало Восточную Сибирь в целом. В историческом и географическом плане Забайкалье довольно четко делилось на две части: в западной преобладало аборигенное население, в восточной — русское. В целом по Забайкалью процент русского населения неуклонно возрастал: в 1795 г. — 48,4%, в 1858 г. — 59,9, в 1860 г. — 65%³¹.

Таким образом, в течение XVIII — первой половины XIX в. в Восточной Сибири успешно развивалось хозяйство, росло население, концентрировавшееся в основном в южной части региона. Складывались условия для выполнения важнейшей исторической задачи — воссоединения амурских земель с Россией.

Наряду с освоением и исследованием южных районов Восточной Сибири большое внимание русские люди уделяли северо-востоку Азии и побережью Северной Америки.

²⁸ Воробьев В. В. Указ. соч., с. 70—72.

²⁹ Русские старожилы Сибири. М., 1973, с. 50; Воробьев В. В. Указ. соч., с. 74; Кабанов П. И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959, с. 49.

³⁰ Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта. — В кн.: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969, с. 112, 114.

³¹ Воробьев В. В. Указ. соч., с. 83, 90, 102, 103.

Северо-восток, так же как и юг Дальнего Востока, начал осваиваться Россией в первой половине XVII в. В 40-х годах в Нижне-Колымском зимовье насчитывалось уже около 90 служилых и промышленных людей. Среди них был и якутский казак С. Дежнев, своими походами внесший огромный вклад в изучение новых земель. Усилиями простых русских тружеников, участников многих походов и экспедиций, был совершен выдающийся подвиг — определен пролив между Азией и Америкой, открыта Чукотка, начато исследование Охотского побережья³². В 1647 г. был основан Охотский острог. Именно отсюда русские промышленные люди, мореходы, казаки двинулись на восток, в сторону Камчатки, а затем Алеутских островов и Аляски, и на юг — в сторону Курильских островов и Сахалина.

О «великом полуострове» — Камчатке русские узнали от местных жителей — коряков³³. Начало изучению и освоению Камчатки было положено в 1695—1697 гг. походами казаков Л. Морозко и В. Атласова. В середине XVII в. русские землепроходцы побывали на Сахалине и Курильских островах.

В течение XVIII в. продолжалось интенсивное исследование и освоение Охотского побережья, Чукотско-Камчатского края, Курильских и Алеутских островов, а также Аляски.

В 1740 г. был основан Петропавловск. Несколько ранее, в 1731 г., бывший Охотский острог был преобразован в Охотский порт, который быстро превратился в центр русского Тихоокеанского побережья. К концу 1735 г. в Охотске, кроме офицеров, было 30 мастеровых, 200 казаков, а также 140 семейств казаков и якутов, прибывших сюда на постоянное жительство³⁴. В Охотске были организованы кирпичное и солеваренное производства. Интенсивно развивалось судостроение: в XVIII — первой половины XIX в. на Охотских и Уракских верфях было построено 62 судна³⁵. На этих судах, а также построенных на Камчатке русские побывали на всех Алеутских островах и Аляске, совершив в общей сложности только в 1743—1786 гг. 70 экспедиций³⁶.

В 30—40-е годы XVIII в. на Охотское побережье прибыло значительное число крестьянских семей с верховьев Лены и Ангара, и около 30 семей крестьян поселилось на Камчатке, между сопкой Ключевской и Нижне-Камчатским острогом. Поселенцы занимались земледелием, огородничеством, скотоводством. В это же время российские подданные начинают промысловое освое-

³² Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974, с. 78, 81.

³³ Harrison J. A. The founding of Russian Empire in Asia and America. Florida, 1971, p. 111.

³⁴ Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982, с. 37—38.

³⁵ Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958, с. 67, 84, 151.

³⁶ Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки, с. 38.

ние Алеутских и Курильских островов, Сахалина. Появились русские поселения и в Америке ³⁷.

К середине XVIII в. на северо-восточных территориях имелось уже значительное русское население, которое занималось хозяйством, вело торговлю, несло охранную службу. В этих условиях Амур мог стать чрезвычайно удобной артерией для сплава продовольствия и других грузов на Охотское побережье, Камчатку, в русскую Америку.

Все эти обстоятельства, и прежде всего экономические интересы России на Дальнем Востоке, активизировали дипломатическую деятельность русского правительства. Было назначено особое лицо для переговоров с китайцами по вопросу о плавании русских судов по Амуру. В 1757 г. русский посланник В. Братищев прибыл в Пекин. Следует отметить, что положения Нерчинского договора не запрещали русским плавать по Амуру, по буферной территории, поэтому согласование данного вопроса с правительством Китая объяснялось лишь добрососедством и осторожностью, которую проявляла Россия в отношении со своим соседом ³⁸.

Одновременно с внешнеполитическими шагами развернулась практическая подготовка возможного плавания по Амуру. Особым решением 25 декабря 1753 г. в Нерчинске была создана специальная экспедиция, возглавил которую Ф. И. Соимонов. В соответствии с задачами экспедиции в Нерчинске организовали судовой верфь, на которой строились необходимые для плавания суда. Кроме того, для подготовки морских кадров в Нерчинске открыли «навигацкую» школу, где казацкие дети обучались морскому делу, столярному, канатному мастерству и т. д. Школа просуществовала до 1765 г. Однако выполнить задачи, поставленные перед Нерчинской экспедицией, не удалось. Миссия Братищева в Пекине окончилась неудачей. Определенное влияние на такой исход переговоров оказали события в Джунгарии. Отношения с Китаем обострились, и русское правительство, укрепляя сибирские рубежи, одновременно предпринимало шаги по их нормализации. В этих условиях амурская проблема, уже назревшая, вновь была отложена ³⁹.

Отказавшись на какое-то время от попыток разрешить проблему Амура, русские во второй половине XVIII в. продолжали усиленно изучать и осваивать северо-восток Азии и Америку. Большую работу провели две крупнейшие северо-тихоокеанские русские экспедиции: П. К. Криницына — М. Д. Левашева и И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева. Участники их хотя и не за-

³⁷ Рябов Н. И., Штейн М. Г. Очерки истории русского Дальнего Востока, XVII — начало XX века. Хабаровск, 1958, с. 53.

³⁸ Курц Б. Г. Русско-китайские отношения в XVI, XVII, XVIII столетиях. Харьков, 1929, с. 91.

³⁹ Изгачев В. Г. Нерчинская навигацкая школа в XVIII в. — В кн.: Вопросы истории советского Дальнего Востока. Владивосток, 1965, вып. II, с. 28—29; Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 1, с. 39—40.

нимались изучением Амура, но понимали и высоко оценивали его значение. В 1789 г. Сарычев отмечал: «Земля сия плодородна, рыбы здесь изобильно». Он писал, что если бы река Амур «до сих пор оставалась под Российскою державою, то мы ...и торги бы на сих морях могли производить несравненно выгоднее всех прочих европейских держав»⁴⁰.

С начала XIX в. русское правительство вновь усилило внимание к этому району. В Китай было направлено посольство Ю. А. Головкина. Данная ему инструкция наряду с вопросами торговли предписывала также добиваться разрешения на ежегодные плаванья русских судов по Амуру с грузом продовольствия для Камчатки и русской Америки. Министр коммерции Н. Г. Румянцев предлагал вернуться к вопросу о южных дальневосточных границах Русского государства, однако европейские проблемы опять не позволили заняться этим важным делом.

Таким образом, в период XVIII — начала XIX в. русско-китайские отношения характеризовались следующей особенностью: и Китай и Россия были слабы в военном отношении в тех местах, где сходились их государственные рубежи. Будучи заинтересовано в развитии выгодного кяхтинского торгового оборота, удельный вес которого превышал 8% общего внешнеторгового оборота страны, русское правительство стремилось к установлению дружественных отношений с Китаем, пыталось дипломатическим путем решить проблему плаванья русских судов по Амуру. Основным принципом межгосударственных отношений являлось мирное разрешение возникавших споров. Это облегчало им борьбу с агрессорами, нападавшими в XVIII—XIX вв. на Россию с запада, а на Китай с моря⁴¹.

В первой половине XIX в. продолжалось изучение буферной территории, простирающейся между Россией и Китаем, в том числе сбор сведений об Амуре. Так, в 1826 г. чиновник Уваровский составил «Записку о р. Амуре», содержащую четкий и важный вывод о том, что народы Амура «никому не подведомственны» и никакому правительству не подчиняются⁴². В 1829 г. по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского была организована экспедиция по исследованию района Шантарских островов. Начальник ее П. Т. Козьмин наряду с основными материалами доставил сведения и об Амуре⁴³.

Таким образом, в географическом плане к середине XIX в. Амур, казалось бы, не таил каких-то особых загадок для русских людей. Однако обстоятельства сложились так, что простой

⁴⁰ Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, с. 108.

⁴¹ Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 1, с. 35—36; Силин Е. П. Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1947, с. 187.

⁴² Романов Д. Присоединение Амура к России.— Русское слово, СПб., 1859, кн. 6, с. 363.

⁴³ Есаков В. А., Плахотник А. Ф., Алексеев А. И. Русские океанические и морские исследования в XIX — начале XX в. М., 1964, с. 126.

вопрос оказался чрезвычайно запутанным. Этому способствовали неверные выводы, сделанные еще в конце XVIII — начале XIX в. некоторыми зарубежными и русскими мореплавателями, суть которых заключалась в том, что Амур не имеет четко выраженного выхода в океан, его воды теряются в наносных песках лимана, а Сахалин — не остров, а полуостров, соединенный с материком перешейком. О существовании такого перешейка говорил в 1787 г. французский мореплаватель Ж. Ф. Лаперуз, через десять лет этот ошибочный вывод подтвердил англичанин У. Р. Броутон, а в 1805 г. — И. Ф. Крузенштерн. Данные ошибочные положения предопределили отрицание важности Амура для Русского государства. В свою очередь, это затормозило решение проблемы воссоединения Приамурья и Приморья с Россией. Так, в 1832 г. для рассмотрения вопросов, касавшихся состояния пограничной линии Восточной Сибири, был создан специальный комитет. На нем, в частности, говорилось о необходимости завершения русско-китайского территориального разграничения. Но неправильное представление об Амуре сыграло свою роль, и никакого конкретного решения по поставленным вопросам не было принято⁴⁴.

С конца 30-х годов XIX в. в международной обстановке на Дальнем Востоке появился новый аспект: главным содержанием международных отношений на востоке Азии стала борьба сильнейших капиталистических держав Европы и США за эксплуатацию расположенных здесь стран и народов, захват политических и стратегических позиций, включая плацдармы для дальнейшей экспансии⁴⁵.

Серьезно обострилось и внешнеполитическое положение Китая. Особенно напряженными стали его отношения с Англией, стремившейся овладеть китайским рынком. В ноябре 1839 г. Англия развернула военные действия против Китая. Усилили проникновение в эту страну в 30—40-х годах и Соединенные Штаты, занимавшие по объему торговли с ней второе место (после Англии)⁴⁶. В 1842—1844 гг. пекинское правительство вынуждено было подписать с Англией, США и Францией неравноправные договоры.

В условиях обострения обстановки на Дальнем Востоке в целом, усилилась угроза и непосредственным интересам Русского государства в этом районе. Англия, США и Франция могли проникнуть на побережье Приамурья, а из бассейна Амура открывался путь в Сибирь. Безопасность Сибири находилась в большой зависимости от позиций России на Дальнем Востоке. Подтверждением экспансионистских устремлений некоторых государств служили «научные изыскания» англичан Билла и

⁴⁴ ЦГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 418, л. 10—10 об., 16 об.

⁴⁵ Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 1, с. 58.

⁴⁶ Крушинов А. И. Октябрь на Дальнем Востоке. Владивосток, 1968, ч. 1, с. 12.

Остена, которые во второй половине 40-х годов пытались пробраться в устье Амура для разведки побережья и природных ресурсов края. Существовала необходимость учитывать и такой момент, как возможность использования иностранными капиталистами Китая во враждебных России целях.

Сложившаяся обстановка не могла не оказать влияния на внешнюю политику русского правительства. В 1843 г. был учрежден Особый комитет для обсуждения и разработки мер по укреплению позиций России на Дальнем Востоке в связи с изменившейся там ситуацией. Результатом обсуждения явилось решение правительства, предусматривавшее прежде всего проведение исследований по окончательному выяснению вопроса о судоходности устья и лимана Амура и островном положении Сахалина. Но посылка официальной русской экспедиции для изучения данного района представлялась нежелательной, поскольку такая мера могла привлечь внимание западных держав, стремившихся не допустить усиления позиций России на Дальнем Востоке. Из соображений осторожности исследования было предложено проводить Русско-Американской компании, которая имела характер частного предприятия, но находилась фактически под контролем государства⁴⁷. Первая экспедиция направилась в устье Амура в 1845 г. (ее возглавлял Д. И. Орлов), а через год здесь же проводил исследования А. М. Гаврилов. Экспедиции подтвердили важный вывод о том, что местные жители «ничего не знали о маньчжурах и жили сами по себе, то есть без всякой власти над ними». В то же время мореплавателям опять не удалось дать правильный ответ о судоходности Амура и островном положении Сахалина⁴⁸.

Неточные выводы экспедиций укрепили положение противников разрешения Амурской проблемы, среди которых выделялся министр иностранных дел К. В. Нессельроде. Удовлетворенный результатами экспедиций Орлова и Гаврилова, Нессельроде незамедлительно доложил о них царю. Николай I наложил на доклад резолюцию: «Вопрос об Амуре, как о реке бесполезной, оставить»⁴⁹. Однако объективное развитие исторических событий опровергло подобные «повеления».

Казачество, его роль в освоении и охране восточных рубежей страны

Восточные окраины заселяли и осваивали представители различных общественных групп населения России. Особое место среди них занимали казаки.

⁴⁷ Макарова Р. В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке, Вторая половина XVIII в.—60-е гг. XIX в. М., 1974, с. 43; Алексеев А. И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974, с. 10—11.

⁴⁸ Алексеев А. И. Указ. соч., с. 11—14.

⁴⁹ Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России, 1849—1855. Владивосток, 1950, с. 71.

Первоначально казаки не составляли какого-то особого условия, а являлись составной частью значительной группы населения страны, объединенной общим званием «служилые люди». В эту группу наряду с казаками, а также близкими им в социальном плане стрельцами, пушкарями и т. д. входили представители администрации (воеводы, приказные люди, управители острогов) и люди, выполнявшие различные хозяйственные функции (рудознаты, государевы плотники, солевары, кузнецы)⁵⁰. Служилым людям приходилось быть землепроходцами и администраторами, воинами и земледельцами. Круг их обязанностей был чрезвычайно широк: они строили остроги и города, добывали для государства пушнину, занимались хлебопашеством и промыслами, служили курьерами и проводниками, держали караулы и разъезды, «проведовали новые землицы» и приводили местное население «под высокую государеву руку»⁵¹.

Это многообразие выполняемых задач отличало служилых людей от других групп населения, имевших, как правило, ограниченные обязанности (так, крестьяне занимались в основном хлебопашеством, промысленники — добычей пушнины). В то же время в XVII — начале XVIII в. четкого разделения общественных групп еще не существовало. Поэтому обычным явлением был переход из одной общественной группы в другую и служилое население пополнялось в случае необходимости промышленниками, «гулящими людьми» и даже ссыльными⁵².

Служилое население подразделялось на служилых «по отчеству» и по «прибору». Первые, будучи «детьми боярскими» и дворянами, занимали верхнюю ступеньку, вторые представляли более низкие слои общества. Служилые как «по отчеству», так и «по прибору» в XVII в. не являлись податным сословием и вместе входили в категорию «однодворцев». Так называли в то время «помещиков, которые сами или при помощи холопов обрабатывали землю и не имели крепостных крестьян»⁵³.

Но уже в конце XVII — начале XVIII в. в положении населения России произошли серьезные перемены: отчетливо проявилась тенденция к консолидации дворянства и боярства в единый господствующий класс. Усиление власти этого класса выражалось в распространении крепостничества не только «вширь» — на новые области государства, но и «вглубь» — на категории населения, ранее бывшие неподатными. Постепенно в податное, феодально-зависимое население превратились и

⁵⁰ Воробьев В. В. Указ. соч., с. 24.

⁵¹ Столетие военного министерства (1802—1902). СПб., 1902, т. XI, ч. 1, с. 111.

⁵² Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1959, т. IV, с. 215—230; Леонтьева Г. А. К вопросу об образовании постоянного служилого населения в Восточной Сибири во второй половине XVII — начале XVIII в.: Нерчинский уезд. — В кн.: Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968, вып. II, с. 47, 49, 51.

⁵³ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977, с. 103.

«однодворцы». Подобной участи не избежали и низшие слои служилых людей, т. е. служилые «по прибору». «Мелкие служилые люди... были положены Петром в подушный оклад и превратились в низшее податное сословие феодального государства»⁵⁴.

Следствием происходивших событий явилось сближение отдельных групп населения на базе классовой общности и консолидация мелких сословных групп в новые сословия. Правительством предпринимались меры, затруднявшие доступ в состав дворянства лиц, принадлежавших к другим группам. Но процесс консолидации новых сословий был длительным. К концу XVII в. он не завершился даже в европейской части страны; что касается Сибири, то здесь он развивался значительно медленнее. Поэтому запретные меры, направленные против поверстков в чины «детей боярских» и дворян лиц других сословных групп, которые строго проводились в центральной части страны в конце XVII — начале XVIII в., не были столь жесткими для Сибири. Обусловливалось это стремлением правительства упрочить свои классовые позиции на востоке страны, численно увеличив здесь господствующую прослойку. Только в Нерчинске, например, за 50 лет (с 1671 по 1721 г.) чины «по отечеству» получили более 30 служилых «по прибору»⁵⁵. Но ко второй половине XVIII в. в Сибири, как и по всей стране, уже наблюдалась достаточно четкая поляризация населения на два «состояния» — привилегированное и податное. Ко второму относилось и казачество.

В XVIII в. служилое население восточных окраин страны формировалось за счет различных источников. Первоначально большое значение имел перевод сюда людей из других, более заселенных мест Сибири, т. е. принудительное переселение. В это же время имела место и вольная комплектация путем зачисления в состав служилых «гулящих людей». Несколько позже увеличение служилого населения за счет вольных переселенцев стало доминирующим. К началу XVIII в. важное значение стал играть естественный прирост. Небольшое количество служилых давали представители малых народов Восточной Сибири, так называемые новокрещены⁵⁶.

В течение последней четверти XVII — начале XVIII в. численность служилых людей, включая казаков, в Восточной Сибири значительно увеличилась. Если в 80-х годах XVII в. их было 3,5 тыс. (м. п.), то к началу XVIII в. — 9,5 тыс. Значительное количество служилых располагалось в Забайкалье. В 70-х годах XVII в. здесь их было 0,3—0,4 тыс. чел. (включая находившихся в Приамурье), а к середине 80-х годов — уже более 1 тыс.

⁵⁴ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946, т. 1, с. 30.

⁵⁵ Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII века.: (По материалам Иркутского и Нерчинского уездов). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972, с. 9.

⁵⁶ Первое столетие Иркутска: Сб. материалов. СПб., 1902, с. 35; Кудрявцев Ф., Вендрих Г. Иркутск. Иркутск, 1971, с. 25.

К концу 80-х годов XVII в. численность служилых людей в этом районе достигла 2 тыс. В начале XVIII в. в Забайкалье проживало примерно 2,4 тыс. служилых⁵⁷. Таким образом, общая численность служилого населения в указанный промежуток времени увеличилась в Восточной Сибири в 2,7 раза, в том числе в Забайкалье — в 4 раза. В начале 80-х годов XVII в. служилые Забайкалья от общего их числа в Восточной Сибири составляли 16,3—16,6%, а в начале XVIII в. — 25,2%.

В дальнейшем единая категория служилых людей постепенно исчезала и казаки как часть их превращались (особенно с конца XVIII в.) в особое сословие, функционально обособленное. Этот процесс был длительным, в ряде мест Сибири и европейской части России он проходил быстрее, а на востоке страны завершился в основном лишь в середине XIX в.

Формирование казачьего населения в XVIII — первой половине XIX в. протекало в русле общего процесса формирования восточно-сибирского населения. Основой казачьего населения стали как вольно прибывшие, так и принудительно переселенные сюда служилые люди. К последним относились и воины, пришедшие в Забайкалье с Головиным. После заключения Нерчинского договора он оставил в Селенгинске и Верхнеудинске два казачьих полка, сформированных в Сибири⁵⁸. В XVIII в. основным фактором увеличения казачьего населения на востоке Сибири стал естественный прирост. Но переселение продолжало играть серьезную роль, создавая еще и потенциальную возможность роста казачьего населения в будущем. Так, в Забайкалье были отправлены ссыльные донские, запорожские, яицкие казаки, участники событий на Яике и Пугачевского восстания⁵⁹. Первоначально они не вошли в состав казачьего населения, а были зачислены в горнозаводские крестьяне. Но в 1851 г. в связи с образованием Забайкальского казачьего войска потомки бывших казаков вновь были зачислены в это сословие.

Формирование казачества на востоке страны несколько отличалось от подобного процесса на окраинах Украины, на Дону. В ранний период на Дальнем Востоке не сложилось, за единичными исключениями, таких вольных общин казаков, как в указанных районах. На востоке отмечались лишь отдельные попытки возрождения традиций казачьего Дона. К ним относится приход в 50—60-х годах XVII в. в Даурию, на Амур после поднятого ими восстания отрядов М. Сорокина, Н. Черниговского и др. Прибывшие в Нерчинск и Албазин казаки в 1676 и 1682—1683 гг. упорно отстаивали право иметь самоуправление, и здесь некоторое время существовала казачья вольница. Однако она довольно быстро была возвращена под управление официаль-

⁵⁷ Александров В. А. Указ. соч., с. 20—23, 28, 34, 136, 152; Воробьев В. В. Указ. соч., с. 25, 36, 102.

⁵⁸ Забайкалье, с. 5.

⁵⁹ История Сибири, т. 2, с. 197, 319.

ной администрации. В целом же начальном ядром казачества Дальнего Востока явилась служилая, а не вольная часть казаков.

На протяжении XVIII — первой половины XIX в. казачество восточных окраин, как и страны в целом, прошло путь от сравнительно небольшой сословной группы до значительного, уже в определенной степени выделившегося из основной массы населения, сословия.

Общее число казаков на востоке Сибири с первой четверти XVIII в. по 1851 г. увеличилось в 8,8 раза. Если же за конечную грань принять 1852 г. (первый год существования Забайкальского казачьего войска), то увеличение будет еще более значительным — в 21 раз. В Забайкалье численность казачьего населения только за 50 лет (с 1801 по 1851 г.) увеличилась в 5,6 раза. А с образованием Забайкальского казачьего войска казачье население в этом районе выросло еще почти в 2,5 раза. Из 24,8 тыс. казаков (м. п.), проживавших в Восточной Сибири в 1851 г., 20,8 тыс. приходилось на Забайкалье (в 1852 г. из 59,8 тыс. восточносибирских казаков 51,4 тыс. являлись забайкальцами). Таким образом, в Забайкалье проживало свыше 80% казачьего населения Восточной Сибири⁶⁰.

Однако на протяжении конца XVII — первой половины XIX в. менялась не только численность казачьего населения, но и его социально-экономическое положение, организационные формы существования и в определенной степени обязанности.

На начальном этапе служилые люди, включая казаков, несли службу или на постоянном месте, или в составе отрядов, действовавших по всему краю. За это они получали денежное жалование, хлебное и соляное довольствие, а в свободное время могли заниматься ремеслами, мелкой торговлей, промыслами, сельским хозяйством. Годовой оклад рядовых пеших и конных казаков обычно составлял: 5—7,25 руб., 5—6,5 четв. ржи, 4 четв. овса и 1,5—2 пуд. соли. Средний оклад «сына боярского» составлял 9 руб., 10 четв. ржи, 10 четв. овса, 2 пуд. соли. В ряде случаев у служилых «по отчеству» оклад доходил до 40 руб., 40 четв. ржи и овса, 5 пуд. соли⁶¹.

В условиях недостаточно развитой продовольственной базы обеспечение казаков зерном являлось сложным делом и правительство не всегда могло сполна выплачивать хлебное довольствие. Это предопределило постепенный перевод служилых людей от службы «с жалованья» на службу «с пашни». Так, в Нерчинском уезде в 1694 г. из 437 чел. служили «с пашни» 110, в 1708 г. из 488 — 227, в 1714 г. из 515 — 303 чел. Данный процесс отражал тенденцию к максимальному использованию служилых людей как земледельцев, к усилению их эксплуатации. Отвод

⁶⁰ Столетие военного министерства, с. 113, 132, 218—219; Воробьев В. В. Указ. соч., с. 93—94.

⁶¹ Кудрявцев Ф., Вендрих Г. Указ. соч., с. 23; Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 10.

земли казакам производился в среднем из расчета 1 дес. за 1 четв. окладной ржи, и полный пашенный оклад рядового колебался от 5 до 7 дес., а у высших чинов доходил до 18 дес. В этот расчет входила лишь пахотная земля, общая же площадь отводимого участка была несколько больше⁶².

Однако занятие земледелием для казаков было сопряжено с большими трудностями. По долгу службы им часто приходилось покидать семью, отвлекаться от хозяйственных дел. Поэтому материальное положение большинства казаков было чрезвычайно тяжелым. Официальный источник так описывал жизнь казачества юга Забайкалья во второй половине XVIII в.: «Известна такая бедность сих людей, что... они... и пограничную службу отправлять не в силах, ...у многих дети питаются мирскими подаяниями»⁶³.

Круг обязанностей казачьего населения в XVIII — первой половине XIX в. был по-прежнему очень широким. Казаки оставались первопроходцами и зачинателями освоения новых территорий. Однако все большее значение приобретали две функции: охрана границ и караульно-полицейская.

В XVIII в. казачество восточных окраин страны в организационном плане не было однородным. Оно подразделялось на две категории: казаки пограничной линии и городовые казаки сибирских команд. Первая категория по существу представляла собой начальные пограничные формирования на востоке страны. Казаки несли пограничную службу здесь еще с конца XVII в. Однако острая необходимость в создании казачьей пограничной линии возникла после заключения Россией Буринского и Кяхтинского договоров (20 августа и 21 октября 1727 г.), оформивших русско-монгольскую границу⁶⁴. Было решено начать комплектование специальных воинских подразделений для охраны границы, причем туда привлекались как русские казаки, так и местные жители — буряты и тунгусы, на которых отдельные задачи по обороне края возлагались и раньше⁶⁵.

Одновременно на границе приступили к сооружению крепостей: Селенгинской, Троицкосавской, Цурухайтуйской. Позже, в 1764 г., были выстроены Акшинская и Кударинская крепости. К этому времени на пограничной линии имелось также 63 редута (караула) и 17 пикетов. В 1773—1774 гг. построили Чиндانتскую, Турукуевскую, Харацайскую, Туинскую и Горбичевскую крепости. Гарнизоны крепостей состояли из регулярных войск и русских казаков, а части, укомплектованные местным населением, занимали караулы. В каждой крепости насчитывалось до

⁶² Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955, т. III, с. 279—280; Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 13.

⁶³ Цит. по кн.: Шулунов Ф. К истории бурят-монгольского казачества: (Крат. очерк). Улан-Удэ, 1936, с. 24.

⁶⁴ Дипломатический словарь. М., 1971, т. 1, с. 252; 1971, т. 2, с. 164.

⁶⁵ Андриевич В. К. Указ. соч., с. 141—142; Тулохонов М. И. Бурятские исторические песни. Улан-Удэ, 1973, с. 182.

100—150 казаков, на вооружении имелись пушки, обслуживаемые артиллерийской прислугой из состава регулярных частей⁶⁶.

Для пограничных казаков основными обязанностями являлись охрана границ государства и обеспечение его безопасности. Жили русские казаки вблизи границы и в организационном плане в какие-либо воинские части сведены не были, так как службу несли в крепостях. Казаки из числа местного населения в отличие от русских располагались в районах прежней кочевки, а для несения пограничной службы снаряжали в караулы пужное число людей. Местное население служебные обязанности несло добросовестно и умело. Еще С. Л. Владиславич-Рагузинский, глава русской делегации в период заключения Буринского и Кяхтинского договоров, отмечал, что буряты «служат верою России, не уступая природным россиянам, ...на границе... были доброоружны и доброконны, держали оную почти по всему состоянию во многолюдстве; прикрытием границ и разъездами служили без жалованья с добрым сердцем и учтивостью»⁶⁷.

Во второй половине XVIII в. казаки — тунгусы и буряты — получили некоторое организационное оформление. В 1760 г. (по другим данным — в 1761 г.) был образован тунгусский 5-сотенный конный казачий полк⁶⁸. Казаки-тунгусы освобождались от платежа ясака, и, кроме того, им полагалось жалованье по 6 руб. в год. Срок службы не был определен, и отставку давали только по старости или в связи с болезнью. Особой формы у тунгусских казаков не было, одежда — национальная. Прimitивным было оружие: сабля, лук и стрелы. Несколько позже, в 1764 г., были сформированы четыре бурятских конных казачьих полка (6-сотенного состава), названных по имени родов: Ашебагатский, Цонголовский, Атагановский и Сатраловский. Полки формировали селенгинские буряты, выделявшие людей из многосемейных. На первый раз казаки снабжались оружием и лошадьми от общества. Полки были на своем содержании, казаки лишь освобождались от ясака, а жалованья не получали. В отличие от тунгусских казаков в отношении службы у бурят соблюдалась определенная цикличность — год на службе, три года на льготе. В караулы казаки снаряжались по очереди.

В 1772 г. пограничное казачество было разделено на восемь дистанций, находившихся под управлением пограничных приставов, или дистанционных начальников. Общее руководство осуществлял троицкосавский комендант, при котором состояла пограничная канцелярия.

⁶⁶ Буссе Ф. Забайкальское инородческое войско: Ист. очерк. М., 1897, с. 26; Забайкалье, с. 15; Столетие военного министерства, с. 106.

⁶⁷ Цит. по кн.: История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954, т. 1, с. 137—138.

⁶⁸ 1760 год как год образования тунгусского полка отмечается в книгах: Столетие военного министерства, с. 119; Буссе Ф. Указ. соч., с. 37; Воробьев В. В. Указ. соч., с. 93; и др. В то же время в ряде работ (Эпов Н. И. Забайкальское казачье войско. Нерчинск, 1889, с. 4; Забайкалье, с. 14; и др.) называется 1761 год.

В отличие от пограничных казаки городских сибирских команд несли караульно-полицейскую службу, являвшуюся их основной обязанностью. Но, кроме этого, на них возлагались и другие задачи. Городовые казаки собирали ясак, сопровождали казну и прочие грузы между городами и поселками. Выполняли они и тяжелые казенные и хозяйственные работы: рубили и сплавляли лес, строили здания и оборонительные сооружения, занимались погрузкой судов и их ремонтом, работали на солеварне и т. д. Приходилось казакам выполнять обязанности лоцманов и плавать на морских судах⁶⁹.

Организационное оформление городских казачьих команд относится к началу XVIII в. Еще в 1701 г. по указу Петра I была сделана попытка объединить в полк казаков Якутии, Охотского побережья, Анадыря и Камчатки. В 1725 г. в соответствии с составленным сибирским губернатором Долгоруковым штатом казаки служили в Иркутске, Нерчинске, Селенгинске, Верхотурске, Удинске, Баргузине и т. д. Казачьи посты появились и на Сахалине. В 1767 г. вместо Якутского полка были образованы казачьи команды в Якутске, Охотске, Гижигинске, Анадырске и на Камчатке⁷⁰. Из многих команд казаки командировались в другие, более мелкие населенные пункты для несения службы. Так, в 1772 г. в Охотске было 100 казаков, в Гижигинске — 137, в Ямском остроге — 37, в Тауйском — 19, в Большерецке и Нижне-Камчатске — 85, в Тигиле — 53⁷¹. К началу XIX в. (1802 г.) на востоке страны числилось девять самостоятельных городских казачьих команд: Нерчинская, Оленская, Якутская, Охотская, Нижне-Камчатская, Петропавловской гавани, Большерецкого острога, Тигильской крепости и Верхне-Камчатского острога⁷².

В дальнейшем число команд и их дислокация менялись. Так, появилась Верхнеудинская казачья команда. В 1820 г. в ней состояло 138 чел., которые несли службу, кроме Верхнеудинска, в Селенгинске, Баргузине, д. Тресковой, Турнинских водах и т. д.⁷³ Однако организационное оформление службы городских казаков было несовершенным. Это вызвало появление ряда проектов, направленных на улучшение устройства и обеспечения казаков. Например, в 1800 г. была сделана попытка сформировать Камчатский полк, но уже в 1812 г. Камчатская и Гижигинская казачьи команды снова стали самостоятельными. По изданному в 1812 г. положению о преобразовании воинской и гражданской части на Камчатке в Гижигинской пешей команде по штату определено 100 казаков, а в Камчатской конной — 50.

⁶⁹ ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 29, л. 35; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 137, л. 160 об.; д. 202, л. 15—15 об.; ф. 1059, оп. 1, д. 67, л. 1 об.; оп. 2, д. 14, л. 49—50 об.; ГАХК, ф. 537, оп. 1, д. 44, л. 22.

⁷⁰ Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978, с. 67; Столетие военного министерства, с. 113; ГАХК, ф. 537, оп. 1, д. 44, л. 10—11.

⁷¹ ГАХК, ф. 537, оп. 1, д. 44, л. 21—22.

⁷² Столетие военного министерства, с. 132.

⁷³ ЦГА БурАССР, ф. 96, оп. 1, д. 12, л. 5—6, 12.

Камчатские казаки находились под заведованием начальника Камчатки до образования на полуострове самостоятельной области. Затем они перешли под контроль Штаба камчатского военного губернатора. Выдвигались проекты и об изменении положения городских казаков Забайкалья: в 1806 г. — Головкиным, в 1810 г. — Глазенапом. Однако такие изменения произошли только в 1822 г., когда при общем преобразовании управления Сибирью, предпринятом по предложению Сперанского, был издан и новый «Устав о сибирских городских казаках»⁷⁴.

Уставом 1822 г. предусматривалось образование семи полков городских казаков в Сибири, в том числе на востоке — Енисейского, Иркутского, Забайкальского и Якутского. В состав полков были зачислены те городские казаки, которые не имели прочного хозяйства или несли службу в пунктах, отдаленных от постоянного места жительства. Остальные городские казаки были переведены в разряд станичных, с отбыванием службы либо в местах жительства, либо в пределах 100-верстного расстояния. За службу казакам, как станичным, так и полковым, отводились земельные наделы по 15 дес. на человека. Продажа отведенных казакам земель была воспрещена. Кроме земельного надела, казакам городских полков назначалось денежное жалование, провиантское довольствие и фураж. В случае дальних командировок городские казаки получали дополнительные порционные деньги. Станичным казакам довольствия не полагалось, но они имели значительные налоговые льготы⁷⁵.

В некоторых городских полках состояли еще отдельные команды (например, в Якутском — Охотская и Гижигинская). Кроме того, на Камчатке была отдельная, не входившая ни в какой полк Камчатская городская казачья команда. С 1822 г. ее казаки также жили согласно уставу Сперанского, получая денежное жалование, провиантское довольствие и фураж.

Один из новых городских полков, Забайкальский, был сформирован 21 июня 1823 г. Полк состоял из пяти сотен. Главная квартира его и две первые сотни располагались в Верхнеудинске, 3-я сотня — в Селенгинске, 4-я — в Читинском остроге, 5-я — в Нерчинске. В 1824 г. 3-я сотня была переведена в Верхнеудинск, а в Селенгинск регулярно направлялся наряд казаков⁷⁶. По уставу 1822 г., штат полка должен был состоять из 571 чел.: атамана, 5 сотенных, 5 хорунжих, 18 пятидесятников, 28 урядников, 7 писарей, 7 мастеровых и 500 казаков. Но практически за все время его существования состав не достигал штатного ко-

⁷⁴ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 202, л. 1; ГАХК; ф. 537, оп. 1, д. 44, л. 22—26.

⁷⁵ ЦГА БурАССР, ф. 89, оп. 1, д. 11, л. 9—10, 25; Столетие военного министерства, с. 147—148.

⁷⁶ ЦГВИА, ф. 1558, оп. 2, д. 9, л. 22; ЦГА БурАССР, ф. 89, оп. 1, д. 6, л. 84; д. 8, л. 282; д. 39, л. 2; д. 213, л. 10—11.

личества. Так, в 1824 г. в полку числился 431 чел., в 1831 г. — 546, в 1847 г. — 555 чел.⁷⁷

Служившие в полку получали жалованье: атаман — 400 руб., сотенный — 270, хорунжий — 240, пятидесятник — 36, мастеровые и писари — по 24, урядник — 12 и рядовые казаки — 6 руб. в год. Таким образом, оклад атамана почти в 67 раз превышал оклад рядового казака. Урядникам и казакам выдавался провиант: 3 четв. муки, 2 $\frac{1}{8}$ четв. крупы в год. Командиры получали провиант на прислугу. Фуражное довольствие полагалось атаману на 4 лошадей, офицеру — на 3, уряднику — на 2, всем остальным — на 1. Имели казаки и земельные наделы, но часто в неудобных и отдаленных местах⁷⁸.

Согласно уставу 1822 г., казаки могли заниматься различными видами промышленности, торговлей, рыбным и звериным промыслом, извозом и т. д. Но лишь офицеры и зажиточная верхушка пользовались этими правами. Так, в 1823 г. казачий офицер Селиванов, имея собственные суда, перевозил по Байкалу различные грузы. Рядовые же казаки находились «в непрерывной и бесменной службе». Им приходилось исполнять различные обязанности в отдаленных районах: в дозорах, караулах, на золотых приисках, при сопровождении транспортов и конвоировании ссыльных. В результате казаки не имели «свободного времени для работы и... поддержания своего семейства»⁷⁹. Условия жизни рядовых казаков были чрезвычайно тяжелыми. Это вынуждено было признать и начальство. 8 октября 1846 г. атаман Забайкальского полка докладывал, что «при осмотре первых трех сотен казаков он нашел их в самом бедном и жалком положении»⁸⁰.

Большие трудности испытывали и русские казаки пограничной линии. Изнурительная служба не позволяла им серьезно заниматься собственным хозяйством. Материальное обеспечение от казны было недостаточным. В этих условиях братскую помощь русским воинам оказывали казаки — буряты и тунгусы. В 1824 г., например, от Сарталовского полка русским пограничным казакам было пожертвовано 3 тыс. руб.⁸¹

Сложные, тяжелые условия жизни и службы в северных районах Дальнего Востока заставляли правительство в ряде случаев принимать специальные меры по улучшению положения казаков. Так, 12 марта 1836 г. было принято решение Сибирского комитета, по которому казакам Охотска выделялось добавочное жалованье для облегчения службы⁸².

⁷⁷ ЦГА БурАССР, ф. 94, оп. 1, д. 4, л. 23—24; ф. 89, оп. 1, д. 5, л. 39; д. 24, л. 70; д. 85, л. 4; д. 125, л. 2.

⁷⁸ Там же, ф. 89, оп. 1, д. 125, л. 2—2 об.

⁷⁹ Там же, ф. 395, оп. 1, д. 1, л. 44; ф. 335, оп. 1, д. 71, л. 18—18 об.; ф. 89, оп. 1, д. 6, л. 265—265 об.; д. 47, л. 14, 280; д. 65, л. 1—25; д. 192, л. 1—2; д. 309, л. 1—1 об.

⁸⁰ Там же, ф. 89, оп. 1, д. 309, л. 1.

⁸¹ ГАЧО, ф. 106, оп. 2, д. 2, л. 4—5.

⁸² ГАИО, ф. 24, оп. 6, д. 1926, л. 1.

Реформы 1822 г., проведенные Сперанским, внесли некоторые изменения и в организацию пограничных казаков. На границе учреждалось особое управление — Троицкосавское, а в Забайкалье было образовано два его отделения: Цурухайтуйское и Харацайское⁸³. Русские, бурятские и тунгусские казаки несли пограничную службу в пределах этих отделений.

Все казаки Дальнего Востока и Забайкалья — пограничные, городовые и станичные — вплоть до середины XIX в. подчинялись гражданскому ведомству. Какого-либо обязательного обмундирования и снаряжения они не имели. Оружие, находившееся на вооружении казаков, часто было в неудовлетворительном состоянии: старое, неисправное. Меры по замене вооружения осуществлялись очень медленно⁸⁴.

Таким образом, после 1822 г. казаки восточных окраин страны проходили службу в Якутском, Енисейском, Иркутском и Забайкальском городских казачьих полках (каждый 5-сотенного состава) и в отдельных командах при них, в самостоятельной Камчатской казачьей команде, а также на пограничной линии, состоявшей (на 1 января 1826 г.) из более чем 900 русских казаков, одного тунгусского полка (5-сотенного) и четырех бурятских полков 6-сотенного состава⁸⁵.

Такая организационная структура казачества Забайкалья и Дальнего Востока сохранилась до середины XIX в., несмотря на появление ряда проектов по ее изменению. Один из таких проектов, например, возник в 1848 г. и предусматривал преобразование городских казачьих полков, кроме Якутского, в казачьи поселенные батальоны⁸⁶.

.....

⁸³ Элов Н. И. Указ. соч., с. 4.

⁸⁴ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1059, оп. 1, д. 67, л. 144—149; ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 29, л. 1—1 об., 5 об.

⁸⁵ Столетие военного министерства, с. 219.

⁸⁶ ЦГА БурАССР, ф. 335, оп. 1, д. 84, л. 86.

Глава вторая

РУССКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. СОЗДАНИЕ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК, ИХ РОЛЬ В ОСВОЕНИИ И ОБОРОНЕ ПРИАМУРСКОГО КРАЯ

Включение Приамурья и Приморья в состав России. Формирование казачьих войск в Забайкалье и на Дальнем Востоке

Окончательное воссоединение Приамурья и Приморья с Россией произошло в середине XIX в. в условиях острого кризиса феодально-крепостнической системы в стране и бурно развивающихся капиталистических отношений. Для развивающегося капитализма было характерно стремление «расшириться на другие территории, заселить и распахать новые части света»¹. В России, как подчеркивал В. И. Ленин, это «особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на... окраинах»².

Амурский бассейн, Курильские острова и Камчатка являлись российскими владениями по праву освоения и открытия русскими людьми. Поэтому стремление Русского государства присоединить буферные земли Приамурья и Приморья было объективно необходимым и оправданным.

К середине XIX в. Россия и Китай находились в мирных, дружественных отношениях. К этому времени сложились все необходимые предпосылки, обусловившие неизбежность договорного урегулирования нерешенных между этими странами вопросов, так как: во-первых, они являлись соседями; во-вторых, освоение приамурских земель Россией осуществлялось продолжительное время и систематически; в-третьих, угроза нападения иностранных государств на русский Дальний Восток и Китай и целесообразность проведения совместных оборонительных мероприятий настоятельно диктовали необходимость упрочения русской власти в Приамурье и Приморье; в-четвертых, равноправная русско-китайская торговля являлась взаимовыгодной³.

На сближение позиций России и Китая и окончательное разрешение пограничных вопросов влияла международная обстановка. В середине XIX в. угроза русским дальневосточным владениям стала настолько реальной, что дальнейшее откладывание

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 86.

² Там же.

³ Крушанов А. И. Октябрь на Дальнем Востоке. Владивосток, 1968, ч. 1, с. 15.

вопроса об Амуре подвергало опасности территориальную целостность России. Экспансионистские устремления западных держав на Дальнем Востоке заставили правительство России перейти к более решительным действиям.

Этому способствовало появление в середине XIX в. на политической арене людей, страстно желавших и способных осуществить важнейшую историческую задачу — воссоединить земли Амура с Россией. Среди них был Н. Н. Муравьев, назначенный в 1847 г. на пост генерал-губернатора Восточной Сибири и вступивший в эту должность 14 марта 1848 г.⁴ Этот человек сыграл прогрессивную роль в истории русского Дальнего Востока. Он не одобрял пренебрежения царского правительства интересами России на Тихом океане, хорошо разбирался в положении страны, видел перспективы ее развития. Именно Муравьев явился инициатором мер, направленных на воссоединение южных дальневосточных земель с Россией.

К тому времени экспансия западных держав на Дальнем Востоке усилилась. В территориальных водах России браконьерствовали американские промышленники. Только в 1849 г. здесь побывало 154 судна этой страны⁵. Браконьерство иностранных судов у берегов России продолжалось и в последующие годы. Муравьев настаивал на введении крейсерства для охраны побережья страны и предупреждал, что в устье Амура могут появиться американцы или англичане⁶.

29 января 1849 г. в столице был созван Особый комитет для обсуждения проблемы Амура. Он учредил крейсерство для наблюдения за иностранными судами и, что особо важно, принял решение о посылке еще одной экспедиции для обследования амурского устья. Особый комитет подчеркнул, что для России нежелательно занятие устья Амура какой-либо «постороннею державою»⁷.

Однако январское решение комитета о посылке на Амур экспедиции оказалось фактически несколько запоздавшим. Его опередила инициатива русских моряков. 31 мая 1849 г. из Петропавловского порта вышла экспедиция на транспорте «Байкал», возглавляемая талантливым морским офицером Г. И. Невельским. К тому времени инструкция о проведении исследования Амура, составленная на основании решения Особого комитета, еще не была доставлена на Камчатку. Невельской действовал с ведома Муравьева, но без официальных правительственных санкций. Экспедиция Невельского завершилась замечательным успехом — было опровергнуто мнение о полуостровном положении

⁴ ЦГА БурАССР, ф. 335, оп. 1, д. 84, л. 41.

⁵ Сгибнев А. Исторический очерк важнейших событий на Камчатке.— Мор. сб., 1869, т. 100, № 8, с. 81—82.

⁶ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 238, л. 9—13.

⁷ Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973, кн. 1, с. 92; Шумахер П. К истории приобретения Амура.— Рус. архив, 1878, № 11, кн. 3, с. 258, 259; Макарова Р. В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке. М., 1974, с. 77—78.

Сахалина и доказано, что Амур доступен для морских судов. «Сделанные Невельским открытия неocenимы для России...— писал Муравьев.— Это... заставляет нас безотлагательно приступить к занятию устья Амура, или... оно с юга должно быть занято другими»⁸. Имелись в виду возможные агрессивные действия Англии, Франции или Америки. Понимая, что промедление в данном вопросе может дорого обойтись Русскому государству, Невельский снова пошел на благородный риск и в августе 1850 г. основал в самом устье Амура Николаевский военный пост. Поднятие русского флага на территории Нижнего Приамурья означало, что эти земли вошли в состав России⁹.

Одновременно с исследованиями Невельского большая работа по подготовке воссоединения приамурских земель велась Муравьевым. 15 мая 1849 г. он представил подробную записку царю, в которой были изложены «различные предположения по Восточной Сибири в отношениях военном, политическом и административном»¹⁰. Записка была основана на личных впечатлениях Муравьева, впервые в административной практике побывавшего в Якутске, Охотске, на Камчатке¹¹. Это позволило ему реально оценить обстановку, и мероприятия, проводимые им в жизнь, в основном отражали объективную необходимость момента. К числу важных шагов, предпринятых Муравьевым, относились: административное переустройство края, организация экспедиционных исследований на новых территориях, совершенствование вооруженных сил, в том числе создание казачьих войск на востоке страны.

В административном отношении состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства к концу 40-х годов XIX в. изменился незначительно. В частности, в 1849 г. в связи с переносом основного тихоокеанского порта России из Охотска в Петропавловск самостоятельное Охотское управление было упразднено, а Охотский округ подчинен Якутской обл.¹² В 1851 г. были утверждены предложения Муравьева о дальнейших преобразованиях в Восточной Сибири. Прежде всего они коснулись Забайкалья, так как здесь сосредоточивались основные ресурсы для действий на Амуре.

Административно Забайкалье, состоявшее из Верхнеудинского и Нерчинского округов, входило в состав Иркутской губ. В 1851 г. эти округа были отделены и образовали самостоятельную Забайкальскую обл. Положение о новой области получило утверждение 11 июля 1851 г. Несколько ранее, в мае, было принято решение о создании Кяхтинского градоначальства, непо-

⁸ Алексеев А. И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974, с. 45, 47.

⁹ Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, 1849—1855. Владивосток, 1950, с. 129—139.

¹⁰ ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 139, л. 46—46 об.

¹¹ ЦГА БурАССР, ф. 395, оп. 1, д. 1, л. 130—130 об.

¹² ЦГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 419, л. 17.

средственно подчиненного генерал-губернатору. Под управление забайкальского губернатора градоначальство перешло в 1863 г.¹³

Торжественное «открытие» Забайкальской обл. состоялось 22 октября 1851 г. В этот день в ранг города была переведена столица области Чита. Военным губернатором области приказом от 30 ноября 1851 г. был назначен генерал-майор Запольский¹⁴. Впоследствии административная сетка области претерпела ряд изменений. В 50-х годах в ее составе был образован Баргузинский округ, в 1863 г. — Селенгинский, в 1864 г. — из Нерчинского выделился Читинский округ. В 1872 г. образовались Акшинский, Троицкосавский и новый Нерчинский округа (прежний переименовали в Нерчинско-Заводской)¹⁵.

Наряду с выделением Забайкалья, в том же 1851 г. ранг самостоятельной области получило бывшее Камчатское приморское управление. Положение о новой области получило утверждение 10 января 1851 г. Перенос в Петропавловск главного порта Сибирской флотилии и образование самостоятельной Камчатской обл. значительно укрепило обороноспособность полуострова. В ведении Камчатского военного губернатора в начале 50-х годов XIX в. находились и районы, прилегающие к устью Амура¹⁶.

Кроме совершенствования административной структуры, большое внимание уделялось повышению оборонного потенциала региона. К концу 40-х годов XIX в. военные возможности Восточной Сибири были еще недостаточны и не отвечали требованиям момента. В частности, регулярные войска состояли из четырех линейных батальонов, располагавшихся западнее Байкала. Муравьев принял решение передислоцировать эти части в Забайкалье. В 1852 г. батальоны комплектовались уже в новых местах своего расположения¹⁷. Проведенное мероприятие значительно усилило обороноспособность района, а в дальнейшем позволило использовать регулярные войска для помощи переселенцам в Приамурье и Приморье.

Сосредоточение регулярных войск в Забайкалье вызвало на первых порах определенные трудности в обеспечении их продовольствием и другими припасами. Этим немедленно воспользовались многочисленные недоброжелатели Муравьева, противники осуществляемых им прогрессивных мероприятий. В Петербург направлялись жалобы, письма с критикой его деятельности, причем не только в военной области, но и хозяйственной, административной и т. д.¹⁸ Однако это не охладило решимости Муравьева завершить столь нужное для страны дело.

¹³ Там же; Забайкалье. Иркутск, 1891, с. 25, 26.

¹⁴ ЦГА БурАССР, ф. 89, оп. 1, д. 385, л. 14.

¹⁵ Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975, с. 145.

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 7, д. 240, л. 41; ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 121, л. без номера; ЦГВИА, ф. 214, оп. 1, д. 418, л. 17.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 1, д. 158, л. 12.

¹⁸ Там же, ф. 1021, оп. 2, д. 133, л. 10 об.

Наряду с регулярными в Восточной Сибири имелись и казачьи части. На них возлагались особые надежды, так как, кроме военных возможностей, казаки представляли потенциальную силу для заселения и освоения новых земель. Но местное казачество еще не имело должной организации. В рапорте от 15 мая 1849 г. Муравьев внес конкретные предложения в этой области. Следует отметить, что объективно его предложения совпали с проводимыми в стране мероприятиями, цель которых заключалась в завершении процесса организационного оформления казачьих войск. Тем самым царизм стремился окончательно сформировать особую прослойку общества — замкнутое казачье сословие, надеясь использовать его в качестве опоры самодержавного строя. Этим во многом и объясняется тот факт, что предложенные Муравьевым меры довольно быстро получили поддержку в столице.

Согласно этим предложениям необходимо было создать восточнее Байкала самостоятельное, организационно оформленное казачье войско, включающее в себя пограничных казаков (за исключением дислоцированных в Тункинском отделении, т. е. западнее Байкала), Забайкальский городской, тунгусский и бурятские казачьи полки, всех станичных казаков Забайкалья и, кроме того, горнозаводских крестьян при Нерчинских заводах. Включение в войско разных категорий казачьего населения Забайкалья не могло вызвать особых возражений в Петербурге. Сложнее обстояло дело с нерчинскими крестьянами: ведь заводы, к которым они были приписаны, находились в собственности императорской фамилии. Правда, эти заводы уже длительное время приносили значительные убытки. Данное обстоятельство позволило Муравьеву убедить столичных чиновников и самого императора в необходимости перевода горнозаводских крестьян в казачество.

Решение о формировании Забайкальского казачьего войска было принято в 1851 г. Произошло это в два этапа: 17 марта утверждено положение о конной части войска, а 21 июня — о пешей. Согласно положению 17 марта 1851 г., конное войско состояло из трех бригад, шести полков, в том числе двух бурятских, и 24 сотен. Штаты были утверждены только для четырех полков, состоявших из русских и тунгусов. О штатах для бурятских полков Муравьев особо ходатайствовал в 1852 г., после проведения их смотра. Он предложил разделить их на сотни наравне с русскими казаками. Это ходатайство было удовлетворено 31 марта 1854 г.; в бурятских полках образовывалось 12 сотен (по шести в каждом) и устанавливался такой же порядок внутреннего управления, как и в русских. Пешее войско, по положению 21 июня 1851 г., состояло из трех бригад и 12 батальонов (по четыре в каждой бригаде)¹⁹.

¹⁹ Там же, ф. 1261, оп. 3, д. 134, л. 3 об.— 5 об., 7—7 об.; ф. 1265, оп. 1, д. 158, л. 8—8 об.; ЦГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 418, л. 23.

Всего в Забайкальское казачье войско было зачислено 48 169 чел. м. п.²⁰ Среди них имелись как «коренные» казаки (пограничные, городовые, станичные), так и вновь зачисленные в казачье сословие приписные крестьяне. Формирование «коренного» казачества Забайкалья продолжалось более двух веков, горнозаводские же крестьяне свою историю в новом качестве — как казаки — только начинали. Соотношение «коренного» и вновь зачисленного населения в Забайкальском войске в момент его образования было следующее: «коренных» казаков — 41,1% (19 814 чел. м. п.), вновь зачисленных — 58,9% (28 355 чел. м. п. — 27 136 горнозаводских крестьян и 1 219 крестьян и бурят, живших в районе пограничной линии). Таким образом, вновь созданное войско в большей своей части не обладало твердыми, установившимися сословными традициями и пережитками. Этим отличалось формирование всех казачьих войск Дальнего Востока от аналогичных процессов в «старых» казачьих областях.

Положения о Забайкальском казачьем войске определяли все стороны его жизни. Управление состояло из войскового наказного атамана, обязанности которого возлагались на губернатора Забайкальской обл., войскового дежурства и войскового правления. Последнее имело в составе три экспедиции: хозяйственно-исполнительную, гражданскую и контрольную. Наказной атаман являлся и председателем войскового правления. Таким образом, атаман практически обладал неограниченной и бесконтрольной властью над войском. Аналогичная ситуация наблюдалась и в низших органах — бригадных управлениях, батальонных и сотенных правлениях. Бригадное управление состояло из командира, канцелярии и правления. В последнем председателем являлся бригадный командир. Во главе батальона и сотни стояли командир и руководимое им батальонное или сотенное правление. В целом управление во всех звеньях было военизированным. Рядовые казаки, простые труженики не имели каких-либо прав на участие в нем. В августе 1858 г. в звено высшего управления Забайкальского казачьего войска были внесены уточнения: учреждена особая канцелярия при войсковом атамане и хозяйственно-исполнительная экспедиция разделена на две самостоятельные²¹.

В военно-административном отношении войско делилось на конное и пешее, каждое из трех бригадных округов. Бригадный округ конного войска состоял из 12 сотенных округов, а пешего — из четырех батальонных. В военное время каждый округ должен был выставлять соответствующую строевую часть, а в мирное — один сводный пеший казачий батальон выставлялся каждой бригадой по очереди. Первый сводный батальон был укомплектован к 1 октября 1852 г.²² Численный состав войска с распреде-

²⁰ Васильев А. П. Забайкальские казаки: Ист. очерк. Чита, 1918, т. 3, с. 34.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 1261, оп. 3, д. 134, л. 3 об. — 5 об., 9 об. — 10.

²² Там же, ф. 1265, оп. 1, д. 158, л. 12 об.

лением по бригадам был следующим: в 1-й и 2-й конных — по 5—6 тыс. русских и тунгусских казаков, в 3-й конной — 10 тыс. казаков-бурят, в трех пеших бригадах — по 10 тыс. казаков²³. В целом вновь образованное Забайкальское казачье войско представляло собой значительную силу.

Преобразования казачьих войск в Восточной Сибири коснулись не только Забайкалья. На территории генерал-губернаторства располагались также Енисейский, Иркутский и Якутский казачьи полки и Камчатская казачья команда, которые являлись самостоятельными единицами. Положениями от 21 октября 1849 г. и 4 января 1851 г. были осуществлены преобразования Енисейского и Иркутского городских полков в конные казачьи полки. В их состав вошли также проживавшие в этих районах станичные и пограничные казаки и ряд крестьянских селений. В округе Енисейского полка после реорганизации числилось 5833 казака м. п., а Иркутского — 6325. Они составляли ближайший резерв войск, расквартированных в Забайкалье²⁴.

Забайкальское войско, Енисейский и Иркутский полки были переведены в военное ведомство, а Якутский городской полк и Камчатская казачья команда оставлены в гражданском. Для руководства казачьими частями при управлении генерал-губернатора Восточной Сибири было создано специальное казачье отделение.

Итак, с созданием Забайкальского казачьего войска и проведением ряда других мероприятий оборонного характера позиции России на крайнем востоке страны значительно укрепились. Вновь сформированные и передислоцированные войска можно было использовать как для увеличения российских сил на Тихоокеанском побережье, так и для возможного заселения новых территорий.

Своевременность проведенных на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири мероприятий подтвердили события 50-х годов XIX в., когда возникла реальная угроза русским владениям на побережье Великого океана. Связано это было с резким изменением международной обстановки: долго назревавший в Европе конфликт между Англией, Францией и Россией привел к войне. Вероятность проникновения на Амур кораблей противника усилилась²⁵. Необходимо было принять решительные меры для ограждения русского побережья от возможного нападения англо-французского флота. 17 февраля 1851 г. Россия предприняла важную предупредительную акцию. В китайский трибунал внешних сношений был послан официальный лист, указывавший на возникшую опасность. В нем предлагалось войти «в соглашение насчет обезопасения устья упомянутой реки и противулежащего

²³ Васильев А. П. Указ. соч., с. 40.

²⁴ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 202, л. 1; ЦГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 418, л. 23—24; ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 1, д. 158, л. 15 об., 16.

²⁵ Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 1, с. 92.

острова от всяких покушений на сии места иностранцев, чего, по-видимому, требовала бы взаимная безопасность наших и ваших в тех местах пределов»²⁶. Но китайское правительство не ответило на предложение России объединить усилия для защиты дальневосточных земель. Русское правительство вынуждено было принимать односторонние меры для обеспечения своей безопасности.

Муравьев внимательно следил за событиями на дальневосточном театре, в бассейне Тихого океана. Он регулярно докладывал в столицу о положении в Китае. Муравьев опасался, что англичане используют свое влияние в Китае во вред интересам России. Он сообщал, что действия Англии в этой стране отличаются «интрижными намерениями»²⁷. В связи с этим Особый комитет в январе 1854 г. признал, что допустить влияние англичан в Китае, «особенно в соседних с Сибирью областях, для нас может быть еще более опасно, чем в котором-либо из европейских соседних государств», и для «препятствования сему» могут потребоваться энергичные меры, «ныне весьма возможные при значительных военных силах в Забайкалье»²⁸.

В сложившейся обстановке для русского правительства на первый план выдвинулись два наиболее актуальных вопроса — о плавании русских судов по Амуру и воссоединении с Россией всего левого берега этой реки и Приморья. Сплавы были необходимы для усиления русских войск в Петропавловске и закрытия устья Амура. К этому времени эхо Крымской войны, основные события которой развернулись на европейском театре, докатилось и до Дальнего Востока.

6 мая 1853 г. было решено учредить в устье Амура особую команду для его защиты. Команда должна была состоять из регулярной роты флотского экипажа и сотни забайкальских казаков. Но в 1853 г. переправить казаков в устье Амура не удалось. Охрану этого района несли небольшие отряды Амурской экспедиции, начальником которой 12 февраля 1851 г. был официально назначен Г. И. Невельской. В составе экспедиции, на Николаевском и Мариинском постах, с 1850 г. находились 33 казака из Якутского городского полка. Регулярные части здесь были представлены командой 47-го флотского экипажа²⁹.

Служба на постах Амурской экспедиции была чрезвычайно тяжелой. По штату временного Положения о морских и казачьих командах личному составу полагались дополнительные льготы, обмундирование, но фактически, как докладывал в одном из своих рапортов Невельской, ничего этого не было³⁰. Команды

²⁶ Там же, с. 93.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1021, оп. 1, д. 43, л. 2—2 об., 12—12 об.; Международные отношения на Дальнем Востоке, т. 1, с. 93.

²⁸ Там же, с. 93—94.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1315, оп. 1, д. 5, л. 92; *Васильев А. П.* Указ. соч., с. 55; *Невельской Г. И.* Указ. соч., с. 139—140.

³⁰ ГАСО, ф. микрофотоксип, оп. 1, д. 39, л. 2 об.

постов Амурской экспедиции были малочисленны и нуждались в скорейшем укреплении.

Первый сплав по Амуру удалось осуществить в 1854 г. Он ставил целью доставку в низовья Амура войск, боеприпасов, продовольствия. Руководил сплавом Муравьев. 6 февраля 1854 г. о предстоящем сплаве был уведомлен Пекин. Повторно Муравьев сообщил об этом 14 апреля, подчеркнув, что плавание по Амуру осуществляется для защиты приморских земель России от посягательства иностранных государств. Кроме того, в Пекин для переговоров направился подполковник Заборинский, который должен был объяснить китайским представителям, что сплав необходим «для пользы и защиты обоих государств». Следует подчеркнуть, что русские представители на любых переговорах с китайцами разъясняли важность идеи защиты общих интересов от посягательств иностранцев и указывали на особую опасность для Китая возможного захвата Амура Англией или США, которые стали бы теснить Китай с севера, как уже давно делали это с юга³¹. Об указанных обстоятельствах Муравьев, в частности, информировал и встреченных во время сплава местных китайских чиновников, которые не только не высказали возражений, но и оказали ему посильное содействие.

После окончания подготовки сплава Муравьев приказал начать его 14 мая. Точно в назначенный срок от Шилкинского завода на пароходе «Аргунь» (он был построен к навигации 1853 г. на этом заводе и оснащен паровой машиной мощностью около 60 л. с., сделанной на Петровском заводе³²), 48 лодках и 29 плотах вниз по Амуру отправилось около 800 человек. 15 июня сплав прибыл в Марининский пост³³. На Амур был доставлен сводный батальон регулярных войск и конная сотня забайкальских казаков. Батальон был скомплектован из солдат 13, 14 и 15-го линейных батальонов, а сотня — из казаков 2-й конной бригады Забайкальского войска. Часть прибывших войск и снаряжения были немедленно переброшены на Камчатку. Все это способствовало укреплению дальневосточных рубежей России.

Указанными действиями Россия ограждала и неразграниченные с Китаем территории от внешней агрессии. Шаги Русского государства «были решительными и проводились с ведома, хотя и без санкций цинского правительства, которое в прошлом, во время переговоров 1689 г., без предупреждения двинуло свои речные суда с войсками, и притом не в области, официально признанные неразграниченными между обоими государствами, а прямо против русских владений на Амуре»³⁴. Таким образом, в отличие от агрессивных действий Цингов против Русского госу-

³¹ Заборинский А. И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский в 1854—1856 гг.— Рус. старина, 1883, июнь, с. 638; Струве Б. В. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский.— Рус. старина, 1885, нояб., с. 352.

³² ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 1, д. 158, л. 14, 14 об., 15.

³³ Амур и Уссурийский край. М., 1885, с. 37—38, 45.

³⁴ Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 1, с. 95.

дарства в конце XVII в. акции России на Амуре в середине XIX в. были доброжелательны, правомерны и проводились с соблюдением соответствующих дипломатических норм того времени.

Успешное завершение первого сплава по Амуру способствовало укреплению обороноспособности восточных окраин страны, что было весьма своевременно в связи с переходом англо-французских военно-морских сил к активным действиям против России на Дальнем Востоке. В августе 1854 г. крупный отряд из шести кораблей Англии и Франции напал на Петропавловск: огнем с моря и высадкой десанта агрессоры пытались уничтожить его гарнизон. Но героические защитники города отбили все атаки неприятеля, нанеся ему тяжелые потери. Такой успех был возможен благодаря усилению гарнизона в 1854 г. войсками, прибывшими через Амур из Забайкалья. Неприятельская эскадра отступила. Однако у России в тот момент не было еще достаточных сил, чтобы продолжать оборону Петропавловска. Поэтому было принято единственно правильное в создавшейся обстановке решение перенести главный морской порт страны на Тихом океане в устье Амура. Весной 1855 г. Петропавловский гарнизон, жителей, а также все оборудование и запасы погрузили на суда Камчатской флотилии и доставили в низовья Амура. В Николаевский пост прибыл и Штаб военного губернатора Камчатки³⁵.

Тогда же был осуществлен второй сплав по Амуру. О его проведении Муравьев ходатайствовал 12 января 1855 г., указывая на необходимость усиления обороны юго-восточного побережья страны. Входящая во второй сплав конная сотня забайкальских казаков отправилась из Горбиченской станицы в середине апреля, а полубатальон пеших казаков — с Шилкинского завода 29 апреля. Этим сплавом в низовья Амура также были доставлены солдаты 15-го и, частично, 14-го линейных батальонов. Общее количество войск, прибывших в устье Амура, превышало 2,5 тыс. чел. В составе сплава находилась и крупная научная экспедиция во главе с Мааком, а также первые поселенцы — семьи крестьян и казаков. В том же 1855 г. в Николаевский пост были доставлены крепостные орудия³⁶.

Китайское правительство было вновь предупреждено о сплаве. Кроме того, Муравьев, получивший еще в 1854 г. определенные полномочия на ведение пограничных переговоров, предложил представителям Китая назначить на 1855 г. встречу по поводу разграничения земель двух стран³⁷.

По приказанию Муравьева, прибывшего в устье Амура со вторым сплавом, были произведены и некоторые административ-

.....

³⁵ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 202, л. 1.

³⁶ ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 28, л. 1—1 об.; ЦГИА СССР, ф. 1315, оп. 1, д. 5, л. 90—91.

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 7, д. 240, л. 38 об.; *Невельской Г. И.* Указ. соч., с. 397—398; *История дипломатии.* М., 1959, т. 1, л. 774.

ные преобразования. Они заключались в ликвидации Амурской экспедиции, функции которой перешли к Управлению камчатского губернатора, прибывшему в Николаевский пост. Эти изменения представляли собой первые шаги по созданию новой области на Дальнем Востоке — Приморской.

Преобразование администрации на нижнем Амуре, сосредоточение здесь значительного количества войск и артиллерии имело большое значение для обороны края. В том же году войскам пришлось вступить в бой с англо-французскими агрессорами, продолжавшими военные действия на Дальнем Востоке. Противник пытался высадиться в ряде мест побережья, но получил должный отпор. Таким образом, меры, предпринятые Россией для обороны Дальнего Востока в 1854—1855 гг., оказались своевременными и действенными. В то же время уроки Крымской войны на дальневосточном театре выявили острые проблемы: слабость коммуникаций, недостаточную защищенность русского побережья с моря. Отчетливо проявилась необходимость создания здесь глубоководных портов, военно-морских баз, что, однако, можно было осуществить лишь после полного разрешения Амурской проблемы.

В 1856 г. в связи с прекращением состояния войны с Англией и Францией Россия приняла решение отвести большую часть войск с нижнего Амура. Вернулся в Забайкалье и пеший казачий полубатальон (конная сотня была оставлена близ Марининского поста)³⁸.

Для обеспечения возвращавшихся войск на Амуре создавались особые посты с продовольственными и другими припасами. Их гарнизоны состояли из казаков 2-й конной бригады Забайкальского войска (всего 144 чел.), прибывших на Амур весной 1856 г. В инструкции начальнику постов Хилковскому, местопребывание которого определялось в главном — Усть-Зейском посту, указывались следующие задачи казакам: строительство складов для продуктов, выделение людей и лодок для курьеров и почты, оказание помощи проходящим русским судам, в том числе рубка дров для пароходов. Таким образом, значение постов выходило за рамки простых баз снабжения. Фактически они являлись опорными пунктами России вдоль великой дальневосточной реки. В инструкции Хилковскому четко указывалось на мирный характер предпринимаемых действий, все вопросы необходимо было разрешать «самым дружелюбным образом». Посты создавались на левом берегу реки и инструкция обязывала Хилковского: «Под строгим ответственностью не дозволить никому из команды... переходить на правый берег р. Амура». В 1857 г. на посты Котамандский, Кумарский, Усть-Зейский и Хинганский прибыла смена из сотни забайкальских казаков.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1315, оп. 1, д. 5, л. 91 об.

Кроме того, во вновь организованные Сунгарийский и Уссурийский посты было дополнительно направлено 50 казаков³⁹.

Командиром Сунгарийского и Уссурийского постов назначили сотника Киселева. Посты были учреждены 15 и 22 июня 1857 г. К ноябрю здесь находилось 57 казаков и три урядника. Задачи, стоявшие перед командами постов, расширялись: казаки несли караульную службу, выделяли людей в топографические экспедиции, строили казармы и другие помещения, заготавливали бревна, дрова, сено, ухаживали за скотом и т. д. Они начали даже разводить огороды. Появились на постах и первые лавки торговцев⁴⁰. Одной из важнейших задач постов было поддержание контактов с местным населением. «Влияние наше над гольдами сильно и успешно, ибо гольды желают быть русскими подданными», — докладывал Киселев в рапорте от 26 ноября 1857 г.⁴¹ Казаки оказывали помощь местным жителям, а в ряде случаев перенимали их опыт.

Многообразие задач, возлагавшихся на команды постов, требовало полной мобилизации сил казаков. В отдельные дни лета 1857 г. непосредственно на постах службу несли очень малочисленные гарнизоны (в августе, например, на Уссурийском посту находилось всего 15 чел., в сентябре на Сунгарийском — 1), остальной состав был в экспедициях и разъездах. Но казаки успешно преодолевали возникшие трудности. Задачи, поставленные перед командами постов, были успешно выполнены.

Гарнизоны постов вели наблюдения за китайской стороной. «Ничего неприязненного со стороны маньчжур не заметно», — докладывал 30 августа 1857 г. Киселев. Важно подчеркнуть, что такая обстановка складывалась всюду по Амуру. Муравьев в 1856 г. писал в Петербург, что китайцы не препятствуют «не только в плавании по Амуру, но и в учреждении постов по левому берегу реки». Русские посты были упразднены с прибытием сюда постоянного русского населения. В частности, надобность в Уссурийском посту отпала 18 июня 1858 г.⁴² Таким образом, освоение русскими людьми левобережья Амура в середине XIX в. проходило мирным путем, без каких-либо военных столкновений с Китаем⁴³.

Вопрос о переселении на левобережье Амура постоянного русского населения возник раньше проведения официального

³⁹ ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 139, л. 107 об.; д. 210, л. 29—29 об.; ЦГИА СССР, ф. 1315, оп. 1, д. 5, л. 92 об.—93; ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 26, л. 46 об.—47.

⁴⁰ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 98, оп. 1, д. 40, л. 6; ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 283, л. 275 об.; ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 26, л. 4 об.—6, 19 об., 25, 30, 38, 41—42.

⁴¹ ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 26, л. 33, 33 об.

⁴² ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 283, л. 286 об.; ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 26, л. 4 об., 11 об.; д. 41, л. 11 об.; ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 7, д. 240, л. 39.

⁴³ Факты опровергают утверждения некоторых буржуазных авторов о том, что в середине XIX в. Россия вела против Китая «военные действия под командованием генерала Муравьева, целью которых было вернуть территорию Амура». См.: The Russo-Chine question. Shanghai, 1880, p. 11.

размежевания территории России и Китая. Но это не было нарушением прав какой-либо стороны. Первые русские поселения основывались в районе Нижнего Приамурья, не входившего в сферу влияния Нерчинского договора и официально включенного в состав России в начале 50-х годов Амурской экспедицией. Это и позволило русской стороне приступить к разработке планов переселения российских подданных на левый берег Амура, а позже и на правый берег Уссури.

Лучшим контингентом для этой цели являлось казачье население. Предварительное решение о переселении на Амур казаков на основе предложений Муравьева было принято русским правительством 12 июня 1855 г., а 27 октября 1856 г. утверждено постановление Особого комитета о переселении на Амур конного казачьего полка⁴⁴. На начальном этапе переселение Амурского полка осуществлялось медленно. Фактическим авангардом его стали казаки, поселенные в 1855 г. у Мариинского поста на нижнем Амуре. Они должны были войти в состав 6-й сотни полка. Основное переселение намечалось на 1856 г. Были сделаны все приготовления, но обстоятельства, в том числе внешнеполитические, не позволили осуществить намеченное⁴⁵.

Амурский конный казачий полк должен был стать составной частью проектируемой «Амурской линии», создаваемой для связи Забайкалья с принадлежащими России приморскими районами, в том числе устьем Амура. Соответствующее предложение Муравьев внес в сентябре 1856 г., а 27 октября положение об этой линии было утверждено. «Амурская линия» учреждалась по левому берегу Амура между Усть-Стрелочным караулом Забайкальской области и Мариинским постом. Ее предполагалось заселить конными и пешими казаками Забайкальского войска. Для управления линией и командования войсками, вдоль нее расположенными, вводилась особая должность Начальника линии с непосредственным подчинением губернатору Забайкальской обл.⁴⁶

Создание «Амурской линии» явилось одним из шагов продолжавшихся административных преобразований на территории русского Дальнего Востока. В конце 1856 г. была образована Приморская обл. из бывшей Камчатской обл., территории нижнего Амура и Сахалина. Местопребыванием губернатора новой области стал Николаевский пост, переименованный в город Николаевск-на-Амуре. «Амурская линия», связывавшая Забайкальскую и Приморскую области, 25 июня 1857 г. была разделена на два отделения: от Усть-Стрелочного караула до Хинганского хребта и от последнего до Мариинского поста. Первое от-

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 7, д. 213, л. 2; д. 240, л. 37; оп. 8, д. 255, л. 2; ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 139, л. 38 об.—41.

⁴⁵ ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 139, л. 40 об.—41; ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 7, д. 240, л. 38.

⁴⁶ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 5, д. 574, л. 5; ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 139, л. 58—60.

деление подчинялось забайкальскому губернатору, его заведующий располагался в Усть-Зейском посту. Второе находилось в введении приморского губернатора, местопребывание его заведующего было определено не четко: в Сунгарийском или Уссурийском постах⁴⁷.

На «Амурскую линию», кроме конного полка, намечалось переселить четыре пеших казачьих батальона с последующим объединением их в Амурскую пешую казачью бригаду. Общее количество переселенных должно было приблизиться к 15 тыс. чел. (обоего пола). По решению Особого комитета от 1 ноября 1856 г. предполагалось осуществить переселение пеших батальонов за счет казны (выделялось по 100 тыс. руб. в год в течение 5 лет), а конного полка — на средства, имевшиеся в распоряжении генерал-губернатора Восточной Сибири. Поселение на Амуре забайкальских казаков означало переход к формированию нового казачьего войска на Дальнем Востоке. Началось переселение в 1857 г. (в 1856 г. удалось отправить лишь несколько семейств казаков 6-й сотни, расквартированной вблизи Марининского поста)⁴⁸.

Практические шаги, предпринимаемые русским правительством по освоению и обороне края, приближали окончательное разрешение Амурского вопроса. Появление на берегах великой реки военных постов, а затем и постоянного русского населения «давало русскому правительству дополнительные правовоснования для воссоединения Приамурья с Россией»⁴⁹. Благоприятствовала этому и смена главы российского министерства иностранных дел: в 1856 г. этот пост занял А. М. Горчаков. Новый министр, являясь трезвым политиком и дальновидным дипломатом, твердо определил линию русско-китайских отношений — мирное урегулирование проблемы Амура. 20 марта 1856 г. Муравьев получил официальные полномочия на ведение переговоров с китайской стороной о заключении нового договора о границах⁵⁰.

Международная обстановка на Дальнем Востоке способствовала сближению России с Китаем. К. Маркс подчеркивал, что поскольку русские никогда не вмешивались во внутренние дела Китая, на них «не распространяется поэтому та антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря»⁵¹. Правительство Китая согласилось юридически закрепить новую ситуацию на Амуре и Уссури, видя в России противовес экспансионистским устремлениям западных держав.

Интересы Англии, Франции и США сталкивались в борьбе

⁴⁷ ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 26, л. 1—1 об.; ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 121, л. без номера; Невельской Г. И. Указ. соч., с. 424.

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 7, д. 240, л. 38 об.— 40 об.; оп. 8, д. 255, л. 2 об.— 3.

⁴⁹ *Беспровозванных Е. Л. «Амурская проблема» в конце XVII — середине XIX в.: Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 15.*

⁵⁰ Макарова Р. В. Указ. соч., с. 80.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 158.

за рынки сбыта в Китае и вызывали непримиримые противоречия. Но в одном эти страны были едины — в стремлении ослабить позиции России на Дальнем Востоке, создать угрозу ее восточным владениям.

Ни Россия, ни Китай не были заинтересованы в проникновении иностранных держав на буферную территорию, оставшуюся неразграниченной между двумя странами по Нерчинскому договору 1689 г. Это определяло необходимость окончательного договорного урегулирования русско-китайских политических, территориальных и экономических отношений⁵².

Конкретная инициатива по началу переговоров между Россией и Китаем в 1858 г. принадлежала китайской стороне. 10 мая 1858 г. Муравьев, находившийся во главе очередного сплава по Амуру, подошел к Айгуню — китайскому административному центру на правом берегу реки. Здесь его встречали цинские чиновники, предложившие сделать остановку для ведения переговоров. Переговоры, исключительно напряженные и сложные, продолжались в течение пяти дней. 16 мая 1858 г. они успешно завершились подписанием русско-китайского договора.

18 мая 1858 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев издал приказ, в котором отметил важность свершившегося события и выразил уверенность в успешном освоении Приамурского края с целью укрепления рубежей страны на берегах Тихого океана⁵³. Большая группа лиц, «участвовавших в возвращении России Амурских владений», получила различные награды. Об этом говорилось в приказе генерал-губернатора Восточной Сибири от 14 декабря 1858 г. Среди награжденных были и представители казачества — около 50 чел.⁵⁴ Но приказ не мог отразить огромных заслуг простых русских людей, которые отлаивали все свои силы для свершения этого выдающегося исторического подвига.

Положения Айгунского договора были закреплены Тяньцзиньским договором 1 июня 1858 г. Наряду с другими статьями договор установил, что неопределенные еще части границы между Россией и Китаем должны быть безотлагательно исследованы и определены представителями сторон. Оформление русско-китайской границы на Дальнем Востоке было завершено подписанием Пекинского договора 2 ноября 1860 г., утверждавшего присоединение Приморья к России. В нем подчеркивалась взаимная удовлетворенность новой границей между Россией и Китаем, которая «навсегда не должна быть изменяема». В июне 1861 г. к договору в качестве составной его части был приложен «Протокол о размене картами и описаниями разграничений в Уссурийском крае»⁵⁵.

⁵² Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982, с. 40.

⁵³ ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 170, л. 4 об. — 5.

⁵⁴ ГАИО, ф. 24, оп. 1, д. 63, л. 106—111.

⁵⁵ Русско-китайские отношения, 1689—1916, с. 30—42.

В результате заключения русско-китайских договоров по пограничным вопросам в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. совершился справедливый исторический акт, имевший чрезвычайно важное значение как для России, так и для Китая. Россия окончательно воссоединила и закрепила за собой огромный край, открытый и освоенный русскими людьми в XVII—XIX вв., и обезопасила свою территорию от иностранных агрессоров. Договоры отвечали и национальным интересам китайского народа, предотвратив возможное вторжение западных держав в Китай с севера, со стороны Амура. Эти договоры сохраняют свою силу межгосударственных документов обеих стран и поныне⁵⁶.

Достижения на дипломатическом поприще подкреплялись успехами русских людей в освоении нового края. Интенсивно шло его заселение. Уже 19 июля 1858 г. губернатор Приморской обл. Корсаков доложил Муравьеву, что «Амурский конный казачий полк переселен ныне в полном составе в места нового своего расположения». Однако выяснилось, что шести сотен полка недостаточно для занятия предназначенной для него территории. Поэтому было решено переселить сюда еще две сотни, а затем разделить бывший Амурский полк на два самостоятельных (4-сотенного состава). В 1858 г. началось переселение на Амур и Уссури пеших казаков. В отличие от первоначального проекта решили ограничиться переселением сюда двух, а не четырех пеших батальонов. В том же году практически сформировался один из них — Амурский пеший казачий батальон. Он располагался от последнего поселка конного полка до устья р. Уссури. А эта река служила линией поселения второго пешего батальона — Уссурийского⁵⁷.

Воссоединение с Россией в 1858 г. левобережья Амура и его освоение обусловили необходимость административных преобразований. Они были осуществлены в соответствии с принятым 8 декабря 1858 г. указом: во-первых, образовывалась новая область — Амурская, а во-вторых, были внесены изменения в состав Приморской обл. В Амурскую обл. вошли все земли, находящиеся на левом берегу Амура, от слияния Шилки и Аргуни, или от границ Забайкальской и Якутской областей до устья р. Уссури и до новой границы Приморской обл. Станица Благовещенская (бывшая Усть-Зейская, а ранее — Усть-Зейский пост) была преобразована в город Благовещенск, ставший центром Амурской обл. В состав Приморской обл. вошел Охотский округ. Управление ее осталось на прежнем основании. С учреждением новых — Амурской и Приморской — областей Управление «Амурской линии» и ее отделения упразднились⁵⁸.

⁵⁶ См.: Заявление правительства СССР.— Правда, 1969, 30 марта; Заявление правительства СССР.— Правда, 1969, 14 июня.

⁵⁷ ГААО, ф. 33, оп. 1, д. 1, л. 24—24 об.; ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 203, л. 274; ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 8, д. 255, л. 5, 9—11.

⁵⁸ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 704, оп. 5, д. 938, л. 43; ф. 702, оп. 5, д. 574, л. 5; ЦГИА СССР, ф. 1265, сп. 8, д. 255, л. 51—52 об.; ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 170, л. 4.

Наряду с административными преобразованиями в том же 1858 г. было осуществлено организационное оформление нового казачьего войска — Амурского. Это стало возможным в связи с успешной реализацией планов заселения Амура и Уссури казаками.

Проект положения о новом казачьем войске Муравьев представил в Петербург 26 сентября 1858 г. После рассмотрения проект был одобрен и новое Амурское казачье войско образовано 29 декабря 1858 г. Согласно положению об Амурском войске, утвержденному 1 июня 1860 г., задачей его были «новое заселение и охранение юго-восточной границы» России. Территория войска простиралась от станицы Покровской, в 4 верстах ниже слияния Шилки и Аргуни, затем вдоль Амура до устья Уссури, далее вверх по этой реке до ее верховьев и от оз. Ханка по сухопутной границе до морского побережья. В состав нового казачьего войска вошли переселенные на Амур и Уссури казаки, а также штрафованные нижние чины, прибывшие из гарнизонных батальонов и приписанные к войску для увеличения его численности⁵⁹.

В административном и военном отношении территория войска была разделена на четыре округа: два полковых и два батальонных. Каждый полковой округ выставлял конный полк 4-сотенного состава, а батальонный — один действующий и один резервный батальон 5-ротного состава. Конные полки (1-й и 2-й Амурские) составляли Амурскую конную казачью бригаду. Командиры Амурского и Уссурийского пеших казачьих батальонов были приравнены в правах к командиру конной бригады. В военном, хозяйственном, полицейском и судебном отношениях войско подчинялось губернаторам Амурской и Приморской областей. Кроме охраны границ, войсковые жители исполняли различные повинности и занимались хозяйственной деятельностью⁶⁰.

В последующие годы в организации казачьего населения восточных окраин страны произошли некоторые изменения. В 1863—1868 гг. возник вопрос о преобразовании казачьих команд северо-восточных районов. Некоторые команды здесь продолжали успешно нести службу. С 1855 г., после перевода Управления Камчатской обл. в Николаевский пост, Камчатская казачья команда находилась под заведованием помощника капитана Петропавловского порта, а с 19 сентября 1862 г. — камчатского исправника. Казаки Камчатской команды, в которой в 1863 г. числилось более сотни человек, выполняли широкий круг обязанностей: кроме основных — охранной и полицейской службы, они строили казенные здания, были вестовыми, даже трапезниками при церкви. Изменение такого положения предусматри-

⁵⁹ ГАХК, ф. 13, оп. 1, д. 1, л. 25 об.; ГААО, ф. 10, оп. 1, д. 28, л. 1; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 793, оп. 1, д. 98, л. 7 об.; ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 8, д. 255, л. 3, 19.

⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 8, д. 255, л. 13 об. — 14, 20—20 об.

вал проект, разработанный губернатором Приморской обл. в 1868 г. и предлагавший освободить казаков от несвойственных им обязанностей, сосредоточив все силы на выполнении полицейской службы. Общее количество камчатских казаков по проекту уменьшалось. Отмечалось также, что отпала необходимость в содержании ряда команд северных пунктов: в Удске, Гижигинске, Тигиле, Нижнекамчатске и др. Их предлагалось упразднить, предоставив казакам право перечислиться в Амурское казачье войско или Якутский городской казачий полк, а кто не пожелает — перевестись в мещане или крестьянское состояние. Однако проект 1868 г. полностью не был осуществлен⁶¹.

В конце 60-х — начале 70-х годов было осуществлено преобразование Иркутского и Енисейского конных казачьих полков. В 1867 г. генерал-губернатор Восточной Сибири возбудил ходатайство об упразднении этих полков, по которому 19 мая 1871 г. было принято следующее решение: Иркутский и Енисейский полки ликвидировать, а население их, кроме «коренных» казаков, обратить в гражданское состояние. «Коренные» казаки, лишившись организованной формы управления, не потеряли, однако, привилегий казачьего населения Восточной Сибири. Они наделялись землей и обязаны были нести службу в двух особых сотнях военного ведомства. Таким образом, казаки бывших Иркутского и Енисейского полков были переведены в состав «населения губерний без права самоуправления»⁶².

Крупные преобразования произошли в 1872 г. в Забайкальском казачьем войске. В соответствии с решением Государственного совета от 31 мая 1872 г., введенном в действие с 1 сентября, все существующие учреждения войска реорганизовывались на принятых уже в большинстве казачьих войск основаниях. Звание наказного атамана соединялось со званием военного губернатора Забайкальской обл. Канцелярия наказного атамана, войсковое правление, войсковое дежурство, бригадные, батальонные и сотенные правления упразднялись. Их функции передавались соответствующим областным органам. Для заведования войсковым хозяйством на базе хозяйственной экспедиции бывшего войскового правления было образовано войсковое хозяйственное правление. Военное управление войска сосредоточивалось в областном штабе и управлениях трех военных отделов Забайкальского казачьего войска⁶³. Некоторые штатные изменения, в том числе в отделах, были введены при распространении на забайкальцев (4 апреля 1878 г.) устава о воинской повинности войска Донского. В дальнейшем количество военных отделов войска увеличилось. Это было сделано в связи с принятием плана усиления боевых возможностей войск Сибири (30 декабря 1895 г.). На тер-

⁶¹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 202, л. 1—27 об.

⁶² ГАИО, ф. 24, оп. 8, д. 23, л. 3 об.; Столетие военного министерства (1802—1902). СПб., 1902, т. XI, ч. 1, с. 386—389.

⁶³ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 14, д. 1323, л. 3—3 об.; ф. 1261, оп. 3, д. 134, л. 20—25; ГАИО, ф. 24, оп. 6, д. 1168, л. 2, 6—6 об.

ритории Забайкальского войска был образован новый 4-й отдел. В его состав вошли 15 станиц 3-го отдела и одна станица 2-го. Численность населения в 4-м отделе Забайкальского войска равнялась примерно 61 тыс. чел. В это время в 3-м отделе было около 59 тыс., а в 1-м и 2-м — по 40 тыс. чел. в каждом⁶⁴.

В конце 70-х годов произошли изменения в управлении Амурского казачьего войска. Расположенное в двух областях и подчиненное двум военным губернаторам, войско испытывало серьезные трудности в своем развитии. Необходимо было организационно его объединить, что и предусматривало новое положение об управлении Амурского казачьего войска, утвержденное 3 ноября 1879 г. Звание наказного атамана было присвоено военному губернатору Амурской обл. Упразднялись бригадное и батальонные управления. Округ Амурской конной бригады персименовался в полковой, а округа Амурского и Уссурийского батальонов — в полубатальонные. Военное и хозяйственное управления войска сосредоточивались во вновь созданном войсковом управлении, состоявшем из двух отделений: военного и хозяйственного. Полковые и полубатальонные командиры ведали в своих округах военными, хозяйственными вопросами и полицией. В общем административном отношении казачье население подчинялось местным гражданским управлениям областей⁶⁵.

В начале 80-х годов XIX в. в связи с быстрым освоением дальневосточных земель, увеличением численности населения, развитием хозяйства, а также усилением экспансии западных держав в Восточной Азии правительство России признало необходимым укрепить аппарат управления на востоке страны. Сделано это было в 1884 г. 5 июля Министерство внутренних дел уведомило генерал-губернатора Восточной Сибири о решении Государственного совета, утвержденном 16 июня 1884 г., учредить Приамурское генерал-губернаторство. Из состава Восточно-Сибирского генерал-губернаторства выделялись Забайкальская, Амурская и Приморская области, о-в Сахалин (с 1884 г. ставший самостоятельной административной единицей⁶⁶), а также Владивостокское военное губернаторство⁶⁷. Определение главного города нового генерал-губернаторства возлагалось на его руководителя. Таким центром стала Хабаровка, переименованная затем в Хабаровск.

Одновременно произошло разделение Восточно-Сибирского военного округа (приказом от 15 июля 1884 г.) на Иркутский и Приамурский⁶⁸. Территориальные рамки первого совпадали с Восточно-Сибирским генерал-губернаторством, а второго — с Приамурским. Реорганизация была своевременной, так как во

⁶⁴ ЦГВИА, ф. 1558, оп. 2, д. 9, л. 20—20 об.

⁶⁵ ГААО, ф. 10, оп. 1, д. 28, л. 4; Столетие военного министерства (1802—1902), с. 454—456.

⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 755, л. 300.

⁶⁷ ГАИО, ф. 24, оп. 13, д. 584, л. 46—50.

⁶⁸ ЦГВИА, ф. 1447, оп. 1, д. 38, л. 2, 4.

второй половине 80-х годов возникли сложности международного характера, вызванные обострением русско-английских отношений, в том числе и на Дальнем Востоке. Были предприняты шаги по укреплению Владивостока на случай нападения английского флота и усилена охрана сухопутных границ края. Местная военная администрация сообщала в столицу о возможности военных столкновений и о принимаемых оборонительных мерах⁶⁹. Создание самостоятельного военного округа на Дальнем Востоке позволило более оперативно решать различные вопросы. Принятые военные меры, а также интенсивная и успешная дипломатическая деятельность позволили разрешить конфликтную ситуацию мирным путем.

События 80-х годов остро поставили вопрос о необходимости увеличения и совершенствования вооруженных сил России на Дальнем Востоке. Серьезного улучшения требовала охрана границ (на русскую территорию продолжали проникать шайки хунхузов), особенно в Южно-Уссурийском крае. Большую роль могло сыграть казачество, но нужно было увеличить численность уссурийских казаков и провести организационные мероприятия. Территориально после переселения части казачьего населения с Усури в Южно-Уссурийский край в 1879 г. казаки заняли здесь почти всю приграничную полосу. Для увеличения численности казачьего населения разрабатывались проекты переселения в Приморье казаков из европейской России, и с середины 90-х годов такое переселение началось. Организационные же преобразования уссурийского казачества обуславливались крайним неудобством двойного подчинения: губернатору Амурской обл. (наказному атаману) — в военном и хозяйственном отношении, а губернатору Приморской обл. — в вопросах гражданского управления.

Учитывая эти соображения, 26 июня 1889 г. казачье население Уссурийского полубатальона Амурского войска было выделено из состава последнего и образовало самостоятельное Уссурийское войско. Согласно утвержденному в тот же день положению об Уссурийском казачьем войске, из земель, ему отведенных, в составе Приморской области образовывалась особая единица — округ Уссурийского войска, разделенный на три участка. Заведование населением в пределах этого округа было возложено на начальника округа, должность которого соединялась с должностью командира Уссурийского полубатальона. 14 июля 1889 г. было принято дополнительное постановление о подчинении войска в военно-административном и хозяйственном отношении военному губернатору Приморской обл. 1 декабря 1889 г. в Благовещенске «впредь до определения постоянного места пребывания» было сформировано временное управление Уссурийского казачьего войска. После вступления в должность наказного ата-

⁶⁹ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, л. 74, л. 8—11, 37; д. 326, л. 2—9; Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 1, с. 152—154.

мана губернатора Приморской обл. (31 июля 1890 г.) оно перебазировалось во Владивосток и начало действовать 15 сентября 1890 г.⁷⁰

В момент образования Уссурийского казачьего войска на его территории имелось четыре станичных округа: Казакевичевский, Козловский, Платоно-Александровский и Полтавский. По положению 1889 г., они были разделены на три участка. Первые два участка — Полтавский и Уссурийский — образованы в январе 1890 г. В первый входил Полтавский станичный округ, во второй — Казакевичевский и Козловский округа. Третий участок — Платоно-Александровский — образован из одноименного округа в ноябре 1890 г. В связи с увеличением населения Козловский станичный округ 15 июля 1899 г. был разделен на два: Козловский и Донской⁷¹. Изменилась и военная организация уссурийских казаков: пеший полубатальон переформирован в Уссурийский конный казачий дивизион.

В середине 90-х годов некоторые изменения произошли и в Амурском казачьем войске. В 1895 г. упразднен округ пешего казачьего полубатальона, а его территория и население присоединены к округу конного полка. На начальника единого округа (он же и командир Амурского конного полка) было возложено заведование всем населением войска в полицейском и административном отношениях. 24 июня 1895 г. округ был разделен на три полицейских участка. В плане общественного управления Амурское войско в конце XIX в. состояло из 10 станичных округов⁷².

Последние преобразования второй половины XIX в. в казачьих войсках Дальнего Востока произведены в 1898 г. Командиры строевых частей были освобождены от обязанностей окружных начальников по заведованию населением Амурского и Уссурийского казачьих округов. Управление Амурского казачьего округа возложено на войсковое правление. В Уссурийском войске в том же 1898 г. образовалось войсковое правление, подобное амурскому. К нему и перешло заведование Уссурийским казачьим округом⁷³.

Таким образом, в течение второй половины XIX в. на восточной окраине страны было сформировано три самостоятельных казачьих войска — Забайкальское, Амурское и Уссурийское. Организационная структура их изменялась и совершенствовалась под влиянием тех событий, непосредственными участниками которых они являлись. Казачество приняло самое активное участие в вос-

⁷⁰ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1890, т. XXV, с. 438—439; ЦГВИА, ф. 1582, оп. 2, д. 1, л. 6, 57, 58; д. 75, л. 1—2.

⁷¹ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 483, л. 1; ЦГВИА, ф. 1582, оп. 2, д. 75, л. 16—17, 45—46; д. 591, л. 4.

⁷² ГААО, ф. 10, оп. 1, д. 40, л. 1—1 об.; Столетие военного министерства, с. 724.

⁷³ Столетие военного министерства, с. 725.

соединении Приамурья и Приморья с Россией, а затем и территориально продвинулось на новые земли. Казаки должны были прежде всего охранять русскую землю. Вместе с тем они внесли большой вклад в освоение восточных окраин страны.

Участие казачества в заселении и хозяйственном освоении дальневосточных земель

Воссоединение Приамурья и Приморья с Россией в середине XIX в. явилось исторически прогрессивным событием. Ф. Энгельс отмечал, что «в непродолжительном времени долины... Амура будут заселены русскими колонистами»⁷⁴. Такая уверенность основывалась на глубоком понимании важного значения восточных окраин для развития России.

О заселении и хозяйственном освоении сибирских и дальневосточных земель, о их роли в системе капиталистических отношений страны неоднократно писал В. И. Ленин⁷⁵. Он подчеркивал, что «колониционный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны»⁷⁶. Это ленинское определение характеризует суть колониционно-переселенческой политики царизма в течение рассматриваемого периода.

Воссоединение с Россией обширных, но малонаселенных и необжитых земель сразу поставило проблему их заселения и освоения. 22 ноября 1858 г. Сибирский Комитет отметил, что «вопрос о заселении Приамурского края есть вопрос первостепенной важности. Усиление там населения существенно необходимо для развития огромных материальных сил края. Без этого вновь присоединенный богатый край не принесет той пользы, которую от него вправе и ожидать и требовать Россия»⁷⁷.

Необходимо было разработать специальные правила о заселении территории Дальнего Востока. К этому времени уже существовал ряд проектов усиления земледельческого населения восточных окраин. В начале 50-х годов XIX в. Муравьев предложил план водворения крестьян на Камчатку и Аянский тракт, в соответствии с которым сюда было переселено 126 семей из Забайкалья и Иркутской обл. В дальнейшем в связи с изменившейся обстановкой на Дальнем Востоке этот план отменили, а назначенные к переселению на Камчатку крестьяне в 1855 г. поселились между Мариинским и Николаевским постами на Амуре. В декабре 1858 г. был утвержден журнал Сибирского комитета, излагавший основные правила о свободном и казеннокоштном переселении крестьян в Приамурский край начиная с 1859 г.

⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 641.

⁷⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 592, 595; т. 4, с. 86; т. 16, с. 224—231, 405; т. 21, с. 325—336.

⁷⁶ Там же, т. 17, с. 70.

⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 7, д. 240, л. 49 об.

Правила предусматривали значительные льготы для добровольных переселенцев: освобождение от податей и повинностей, выдачу ссуд и т. д. Шла речь в них и о крепостных крестьянах, которые, переселившись, становились свободными. Однако это положение заранее было обречено на неудачу, так как вступало в противоречие с самим существом крепостнического строя России. Практически правила 1858 г. распространялись только на государственных крестьян, 264 семьи которых в 1859 и 1860 гг. были переселены за счет казны на Амур из внутренних губерний России. Но подобные темпы заселения не удовлетворяли потребностей вновь осваиваемого края⁷⁸.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 г. позволило перейти к переселению на новых основаниях. 26 марта 1861 г. были утверждены правила «Для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях». Эти области объявлялись открытыми для свободного заселения «крестьянами, не имеющими земли, и предприимчивыми людьми всех других сословий», желающими за свой счет переселиться. По правилам 1861 г. переселенцам разрешалось иметь стодесятишный надел на семью. Землю они могли приобретать в собственность с оплатой по 3 руб. за десятину. Кроме того, переселенцы освобождались на длительный срок от податей и рекрутской повинности и получали ряд других льгот⁷⁹.

Новые правила вызвали массовый приток желающих поселиться на Дальнем Востоке. Одновременно они выявили резкую оппозицию помещичье-крепостнических кругов, заинтересованных в сохранении на местах возможно большего количества дешевых рабочих рук. Так, начальник Самарской губ. писал в 1861 г. в Петербург, что решение Сибирского комитета «о правилах для поселения в областях Амурской и Приморской не может быть применено безусловно к Самарской губернии, в которой при недостатке вообще рабочих рук и усилившемся запросе на труд, вследствие выхода помещичьих крестьян из крепостной зависимости, необходимо ограничить выселение сельского населения»⁸⁰. Что касается переселенческой политики царизма в целом, то ее определяли интересы именно господствующего класса. Поэтому она характеризовалась отрицательным отношением к вопросу о крестьянских переселениях в указанный период. Однако потребности экономического развития окраин вынуждали правительство в ряде случаев отступать от общей линии в целях заселения отдельных районов страны. К подобным исключениям относились и правила 1861 г.

Но и введя данные правила, правительство разными запре-

⁷⁸ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 66, д. 114, л. 3; Приамурье: Факты, Цифры. Наблюдения. М., 1909, с. 63—64; Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск, 1973, с. 52.

⁷⁹ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900, с. 285; ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 7, д. 240, л. 171—172 об.

⁸⁰ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 1, д. 65, л. 1.

тительными мерами ограничивало переселение крестьян на восток в 60—80-х годах XIX в. В это время проходило в основном сухопутное переселение крестьян из европейских губерний страны. В 1861—1882 гг. в Амурскую и Приморскую области прибыли всего 15 679 чел. Попытки заселять край из других источников также не дали заметных результатов. В 1860—1864 гг. для этой цели привлекались бессрочно отпускные нижние чины и ссыльные, в 1867 г. — уроженцы западной Финляндии. Происходила и внутренняя передвижка населения Дальнего Востока. Так, в 1862 г. крестьяне, ранее поселившиеся ниже Хабаровки, перебрались на Ханку, основав селение Воронежское (или Турин Рог). В Южно-Уссурийский край переселилась и партия крестьян из Якутии⁸¹.

Серьезные изменения произошли в переселенческом движении в 80-х годах XIX в. Активизацию переселения предусматривал закон от 10 февраля 1881 г. А 1 июня 1882 г. был принят закон, по которому намечалось начиная с 1883 г. отправлять в Южно-Уссурийский край за счет казны по 250 семей ежегодно в течение 3 лет. Это переселение должно было осуществляться морским путем. Проекты доставки переселенцев морем выдвигались и раньше. Еще в представлении от 17 сентября 1876 г. генерал-губернатор Восточной Сибири указывал на морской путь как наиболее рациональный. О возможности доставки переселенцев морским путем на Дальний Восток говорилось и в записке военного губернатора Амурской обл. от 3 января 1881 г.⁸²

Практическое осуществление такого способа переселения началось в 1883 г. Всего за 3 года (с 1883 по 1885 г.) на казенный счет морем переселились 754 семьи в составе 4688 чел. Одновременно шло переселение за собственный счет с представлением ряда льгот поселенцам на местах. В значительных размерах переселение продолжалось и в 90-х годах. В целом с 1883 по 1901 г. на Дальний Восток прибыли 54 994 чел. С усилением переселенческого движения правительство приступило к рассмотрению законов, его регламентирующих, уменьшая льготы. Так, стодесятинный надел существовал только до 1900 г., а затем вновь прибывающим крестьянам стала нарезаться иная норма — 15 дес. земли на душу м. п.⁸³

Составляющим звеном переселенческого движения на восток во второй половине XIX в. явилось переселение казаков, которое

⁸¹ ЦГАВМ, ф. 417, оп. 1, д. 136, л. 150—150 об.; *Акашев Ю. Д.* Заселение Приморья и политика царизма в 60-е годы XIX в. — В кн.: История, археология и этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973, вып. 1, с. 156; *Осипов Ю. Н.* Ход русской земледельческой колонизации Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в. — В кн.: Вопросы истории, философии, географии и экономики Дальнего Востока. Владивосток, 1968, с. 202—204.

⁸² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 701, оп. 1, д. 75, л. 4 об.; ф. 149, оп. 1, д. 509, л. 24; ГАИО, ф. 24, оп. 12, д. 47, л. 3.

⁸³ *Кольцова Н. К.* Переселение крестьян в Уссурийский край накануне первой русской революции. — В кн.: Из истории революционного движения на Дальнем Востоке в годы первой русской революции. Владивосток, 1956, с. 129; *Осипов Ю. Н.* Указ. соч., с. 204.

имело свои особенности. Выделяются три значительных потока казачьего переселения на Дальний Восток или в пределах этого региона, чередующихся с примерно равными по длительности периодами почти полного прекращения такого переселения.

Первое казачье переселение осуществлялось в 1855—1862 гг. и имело две задачи: главную — заселить новые территории по Амуру и Уссури, обеспечив их оборону и хозяйственное освоение и составив контингент для образования нового казачьего войска; дополнительную — увеличить численность казачьего населения края. Главная задача разрешалась переселением на Амур и Уссури забайкальских казаков, а дополнительная — переселением как в Забайкальское войско, так и в Амурское штрафованных нижних чинов из гарнизонных батальонов внутренней стражи, расквартированных в основном в европейской части страны. Затем наступил длительный (16-летний) период, в течение которого переселение казачества на Дальний Восток и внутри этого региона практически отсутствовало. Исключение составляли передвижки ряда станиц на новые, более удобные для жительства земли, расположенные на незначительном расстоянии от старых мест.

Второе казачье переселение было осуществлено в течение одного года (1879 г.). Примерно половина казачьего населения, проживавшего на Уссури, переселилась в новый район — Южно-Уссурийский, заняв там территорию вдоль русско-китайской границы. Главная цель переселения заключалась в необходимости хозяйственного освоения района южного Приморья и обеспечения его пограничной охраны. Именно это дает основание выделять переселение 1879 г. в качестве самостоятельного этапа казачьих переселений на Дальнем Востоке. Кроме основной цели, в 1879 г. ставилась и дополнительная — улучшение положения уссурийских казаков. Затем наступил 15-летний период длительного «затишья» в переселенческом движении казачества.

1895 год дал начало новому крупному переселению казаков, на этот раз направленному в основном из европейской части страны в Приморье. Его цель заключалась в обеспечении охраны территории вдоль строившегося полотна железной дороги и в общем увеличении численности казачества Дальнего Востока. Это переселение продолжалось до конца XIX в. и в первые годы XX в.

Итак, впервые переселение казаков на Амур из Забайкалья началось в 1855 г. сплавом конной сотни. Часть казаков намечалось оставить здесь на постоянное жительство, поэтому в сплаве участвовали 25 их семей. Для ведения хозяйства казаки взяли с собой 50 лошадей, 25 сох и другое имущество. По прибытии на место семейные казаки основали на одном из островов вблизи Мариинского поста станицу, получившую одноименное с островом название — Сучи. Это была первая казачья станица, основанная на огромных просторах Приамурья и Приморья во второй половине XIX в. В 1856 г. часть конной казачьей сотни была

переселена с нижнего Амура на р. Бурею. В том же году сюда прибыли семьи казаков — всего 136 чел. В дальнейшем эти казаки вошли в состав конной части Амурского войска, а оставшиеся в Сучи — пешей⁸⁴.

Переселение основной массы казаков Амурского конного полка началось в 1857 г. Осуществлялось оно на следующих основаниях: казакам обещали подобрать места для жительства, удобные в сельскохозяйственном отношении, а также с лесом, необходимым для постройки домов и заготовки топлива; при передвижении и водворении на местах им должны были оказать содействие; переселенцы получали двухлетнюю льготу по службе; на обзаведение им выдавалось по 15 руб. и в течение двух лет — провиантское довольствие: мука, крупа, мясо, соль. Первоначально предполагали вести переселение на добровольных началах, но охотников оказалось совсем немного, и власти решили комплектовать сотни Амурского полка «назначением в опые». Переселение приобрело ярко выраженный принудительный характер⁸⁵.

К переселению назначались: все проживавшие в селениях гражданского ведомства, на отдельных и чересполосных земельных участках и в местностях, «гибельных для здоровья по климатическим условиям»; жители мест, не имевших удобных путей сообщения или испытывавших недостаток в пахотных, сенокосных землях, в лесу и т. д. В случае, если перечисленных казаков будет недостаточно, переселенцы определялись разверсткой по жребии. Последний пункт использовался наиболее часто, причем допускалась замена вытянувшего жребий казака другим — в случае добровольного согласия последнего; кроме того, заменявший должен был иметь крепкое здоровье и быть женатым. Поэтому для холостяков обязательным условием являлось вступление в брак. Возможностью замены широко пользовалась богатая верхушка казачества, имевшая средства для найма заменяющих. Последние являлись, как правило, выходцами из беднейших казаков, которые надеялись таким путем поправить свое тяжелое положение. И не случайно среди переселившихся в конный полк, а затем и в пешие батальоны большая часть относилась к малоимущим. Администрация вынуждена была оказывать беднейшим семействам, переселившимся на Амур, помощь в виде «особого денежного пособия, сверх всех тех снабжений, которые они получают на общем основании»⁸⁶.

При подготовке к переселению казакам пришлось проделывать огромную работу. Они обязаны были подготовить одежду и обувь для всего семейства, привести в порядок все хозяйственные принадлежности, взять в дорогу не только самые необходи-

⁸⁴ ЦГИА СССР, ф. 1315, оп. 1, д. 5, л. 90—92.

⁸⁵ ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 139, л. 5 об., 81; ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 6, д. 233, л. 2 об.

⁸⁶ Кириллов А. В. Переселение в Амурскую область. Хабаровск, 1895, с. 1; ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 139, л. 76 об.; д. 197, л. 1.

мые вещи, сельскохозяйственные орудия и т. д., но даже колеса, мельничные жернова, различные инструменты и многое другое. В то же время вес груза, размещаемого на предоставленных казной средствах передвижения, был ограничен. При его превышении казак обязан был строить плот сам.

Сначала предполагалось переселить в 1857 г. пять полных сотен Амурского конного полка, а также доукомплектовать 6-ю сотню, поселенную ранее на Бурею. Расходы на это переселение намечались в сумме примерно 140 950 руб. Финансирование переселения конных казаков шло за счет средств Восточной Сибири, в том числе и Забайкальского казачьего войска. Необходимо подчеркнуть, что последнее выделило на переселение и обеспечение поселенцев в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. 73 867 руб. Полностью осуществить намеченные на 1857 г. планы не удалось. Были переселены только три сотни Амурского полка в составе 1139 чел. На следующий год в конное войско прибыли еще 1275 чел. В 1858 г. началось переселение и пеших казаков. На поселение вдоль Амура одного батальона выделили из казны 163 615 руб. Сплав начался 1 мая 1858 г. из станицы Сретенской. Всего в состав пеших батальонов в 1858 г. вошли 3264 чел.⁸⁷

Для оказания помощи переселенцам в сплаве, а также в строительстве домов, заготовке сена и т. д. выделялись солдаты регулярных войск, в частности 13-го линейного батальона. В ряде случаев солдаты заранее готовили помещения, строили плоты, заготавливали дрова. Кроме солдат, переселенцев сопровождали и специально назначенные команды из забайкальских казаков. Они вели плоты, были табунщиками и оказывали другую необходимую помощь⁸⁸.

В 1859 г. переселение забайкальских казаков на Амур и Уссури продолжалось. В конный полк прибыли 304 чел., в пешие батальоны — 2188. На следующий год в новое войско переселилось 2859 чел. В результате Амурские конные казачьи полки были полностью укомплектованы. В 1861—1862 гг. переселение велось только в пешие батальоны на Амуре и Уссури. В последний год сюда переселились 2807 чел. А всего с 1855 по 1862 г. на Амур и Уссури переселились 13 889 конных и пеших казаков из Забайкальского войска⁸⁹.

Однако численность Амурского казачьего войска увеличивалась не только за счет переселения забайкальцев. Большой процент составляли также причисленные в войско «штрафованные нижние чины». Появление этой категории войскового населения объяснялось стремлением правительства усилить казачьи части восточных окраин страны путем поселения здесь проштра-

⁸⁷ ГАИО, ф. 24, оп. 8, д. 226, л. 6—8; ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 139, л. 4 об., 31 об.—32; д. 118, л. 14, 201—202; ЦГИА СССР, ф. 1315, оп. 1, д. 5, л. 93 об.—94.

⁸⁸ ГААО, ф. 15, оп. 1, д. 165, л. 21—24; ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 215, л. 33—35 об.; ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 26, л. 71—72 об.

⁸⁹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 66, д. 114, л. 4; ф. 1315, оп. 1, д. 5, л. 95—96 об.

жившихся нижних чинов из гарнизонных батальонов внутренних губерний страны. Планировалось приселить к казачьим войскам Восточной Сибири 15 тыс. «штрафованных». В основном это были холостые люди, и лишь немногие из них прибыли с семьями. Распределялись они по всем казачьим частям Восточной Сибири. Так, из прибывших в 1858 г. 5 тыс. «штрафованных» 2,5 тыс. намечалось поселить в Забайкальском войске, 2 тыс. — в Иркутском и Енисейском казачьих полках и 0,5 тыс. направлялись на Амур. К 1862 г. в Амурской конной казачьей бригаде было более 440 «штрафованных», в том числе 70 семейных. Только в 1859 г. в Амурском и Уссурийском пеших батальонах прибавились 300 «штрафованных», включая 30 семейных. А всего в Амурское казачье войско в течение 1858—1862 гг. переселились от 2215 до 2514 «штрафованных», включая семьи. В Забайкальское казачье войско с 1856 по 1862 г. были зачислены, по неполным данным, 4937 «штрафованных»⁹⁰.

В целом в результате переселений 1855—1862 гг. в Приамурье и Приморье прибыли около 16,4 тыс. чел. (забайкальских казаков и «штрафованных»). Поселенцы основали на Амуре и Уссури 96 станиц и поселков: 67 на территории Амурских конной казачьей бригады и пешего батальона и 29 — Уссурийского пешего казачьего батальона⁹¹. Успешное переселение позволило выделить амурских и уссурийских казаков в самостоятельное Амурское казачье войско.

Численность Забайкальского войска в течение 1855—1862 гг., несмотря на отселение части казаков на Амур и Уссури, не только не уменьшилась, но даже несколько возросла. Если в 1852 г. в нем насчитывались около 98,3 тыс. чел., то в 1863 г. — более 112,9 тыс.⁹² Это объяснялось как фактором естественного прироста, игравшим основную роль, так и зачислением в Забайкальское войско «штрафованных» нижних чинов и других лиц.

Первое переселение казачества на Дальний Восток завершилось в 1862 г. В последующие 16 лет здесь осуществлялся только перенос станиц на новые места, более удобные для занятия хозяйством. Подобные случаи были нередки в течение всей второй половины XIX в. Кроме того, имела место попытка заселения забайкальскими казаками территории вдоль р. Шилки от поселка Горбица (или от д. Черной) до впадения этой реки в Амур в связи с необходимостью улучшения сообщения Забайкалья с Амурской обл. Впервые идея поселить здесь казаков возникла еще в 1859 г., однако она не была осуществлена. Вторично вопрос всплыл в 1867 г., когда было решено основать в указанной местности несколько новых селений путем переселения забайкальских казаков-добровольцев. Но таковых нашлось

⁹⁰ Там же, ф. 1284, оп. 66, д. 114, л. 4; ф. 1265, оп. 8, д. 255, л. 6; ф. 1315, оп. 1, д. 5, л. 39—40 об.; ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 184а, л. 4; д. 188, л. 83—83 об.; ГАИО, ф. 24, оп. 7, д. 161, л. 7 об.—8.

⁹¹ Казачья колонизация Приамурского края. СПб., 1902, с. 8—12.

⁹² ГАЧО, ф. 30, оп. 3, д. 166, л. 41.

только шесть семейств, которые, переселившись в 1869 г., основали один новый поселок — Мошагду⁹³.

Следующее передвижение казачьего населения произошло в 1879 г. — на этот раз в пределах юга Дальнего Востока. Оно было вызвано наряду с другими причинами необходимостью улучшить положение уссурийского казачества.

Проблема повышения благосостояния амурских и уссурийских казаков возникла фактически с первых лет их водворения на Амуре и Уссури. Этим вопросом занималась комиссия Сколкова, обследовавшая Приамурский край в 1869 г.⁹⁴ Комиссия внесла свои предложения, но они не были реализованы. В 1875 г. в Уссурийском крае работал войсковой старшина Нестеров с целью выявить возможности улучшения положения казачества. Он признал необходимым переселить в Южно-Уссурийский край значительное число уссурийских казаков⁹⁵. В декабре 1878 г. вопрос о переселении казаков был рассмотрен на заседании военного совета, который принял решение о его начале и о льготах для переселенцев. В частности, денежное пособие казакам увеличили до 50 руб. Из 911 семей, проживавших в 29 станицах Уссурийского пешего батальона, к переселению в южное Приморье были намечены 390 семей. Население пяти станиц переселялось полностью, 16 — частично (из них выбывали от 20 до 80% жителей)⁹⁶.

Переселение началось весной 1879 г. До Камень-Рыболова казаков перевозили на судах Товарищества амурского пароходства «Уссури» и «Алексей» за счет казны. Первый рейс начался 15 апреля, а закончить перевозки намечалось 10 июня. Всего в 1879 г. в Южно-Уссурийский край были переселены 389 (по другим данным — 391) казачьих семей в составе 2615 чел. В пограничной полосе между с. Турий Рог и р. Суйфуном казаки основали 10 новых поселков⁹⁷. В результате значительно усилилась охрана границы в этом районе, что входило в обязанности казачества, появились большие возможности для хозяйственного освоения края. С течением времени поднялось и благосостояние казачества.

После 1879 г. длительный период крупных переселений не было, менялось только месторасположение отдельных казачьих станиц. Так, 16 февраля 1887 г. в отношении казаков верхнего Амура было принято следующее решение: «Хозяева, которые без всякого пособия от казны не могут жить на своих местах и успешно вести хозяйство, могут беспрепятственно начинать переселяться по своему выбору в районе полка между Покров-

⁹³ ГАИО, ф. 24, оп. 8, д. 1, л. 1—12 об., 21; ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 118, л. 315—315 об.; ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 8, д. 255, л. 11 об.

⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1315, оп. 1, д. 3, л. 45—46 об.

⁹⁵ ГАИО, ф. 24, оп. 8, д. 52, л. 2, 7—9.

⁹⁶ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 896, л. 44; ГАИО, ф. 24, оп. 8, д. 159, л. 21; Казачья колонизация Приамурского края, с. 25—26.

⁹⁷ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 136, л. 150 об.; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 704, оп. 5, л. 508, л. 2—2 об.; ГАИО, ф. 24, оп. 8, д. 159, л. 12.

ской — Пашковой, занимая свободные места вглубь до 25 верст от берега». К октябрю 1887 г. поступили 14 заявлений на переселение⁹⁸.

В конце XIX в. началось последнее большое переселение казаков на Дальний Восток в этом столетии. Переселение стало возможным и необходимым в связи с постройкой Великого Сибирского железнодорожного пути. Эта дорога строилась под руководством специального комитета, который располагал значительными финансовыми возможностями. Так как железная дорога в Уссурийском крае проходила вдоль русско-китайской границы, возник вопрос о ее охране. Разрешить его можно было путем поселения вблизи дороги казаков. Одновременно они занимались бы хозяйственным освоением этой территории. В силу указанных причин Комитет Сибирской железной дороги согласился финансировать казачье переселение. На эти цели были выделены 336 тыс. руб.⁹⁹ 3 июня 1894 г. Государственный совет санкционировал переселение казаков на Дальний Восток из европейской части страны.

По прибытии на место казаки должны были освобождаться от различных земских повинностей на 3 года и по возможности от станичных повинностей на год, а от службы в первоочередных частях — на 5 лет. Они получали ссуду на домообзаведение в 600 руб., из которых 50 руб. предназначались на приобретение строевого коня и не подлежали возврату. В течение года после прибытия казакам полагалось также провиантское довольствие. Переселять решено было в основном жителей Донского и Оренбургского казачьих войск, наиболее сильных по строевому комплекту. Кроме того, небольшое число семей намечалось переселить из Забайкалья. На эти цели Комитет Сибирской железной дороги дополнительно ассигновал 86 тыс. руб. На переселение одной казачьей семьи из европейской части России намечалось израсходовать 1119 руб. (включая 600 руб. ссуды). Фактические расходы, судя по первому году переселения, были больше: для семьи оренбургских казаков — 1383 руб., донских — 1461 руб. Переселение намечалось в 1894 г., но организационные неполадки не позволили этого сделать. Первая партия переселенцев прибыла на Дальний Восток в 1895 г. Она состояла из донских, оренбургских и забайкальских казаков: первых было 145 семей, вторых — 86 и третьих — 58, всего 2061 чел.¹⁰⁰

Переселение казаков из европейской части России осуществлялось морским путем, забайкальцев — речным. Перевозки морем резко сокращали время нахождения в пути, но были чрезвычайно утомительны и опасны для здоровья переселенцев, так как на судах Добровольного флота не было соответствую-

⁹⁸ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 793, оп. 1, д. 98, л. 95—96.

⁹⁹ ЦГВИА, ф. 99, оп. 1, д. 44, л. 4.

¹⁰⁰ Военная энциклопедия. Пг., 1912, т. 10, с. 4157; Столетие военного министерства (1802—1902), с. 558; Казачья колонизация Приамурского края, с. 31—33, 50; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 98, оп. 1, д. 133, л. 7.

ющих условий для жизни пассажиров. На пароходе «Россия», например, для перевозки людей были отведены три отделения, где «устроены нары в два яруса, разделенные на особые ящики, длиной 7 футов и шириной 6,5 футов. В таком ящике могут лежать 4 человека, и то не просторно»¹⁰¹. Практически же на суда брали на 40—50% пассажиров больше, чем позволяла вместимость. Все это приводило к частым вспышкам различных заболеваний и повышенной смертности. Так, на пароходе «Владимир», доставившем в 1896 г. в Уссурийский край 378 чел. из Оренбургского войска, за время рейса от Одессы до Владивостока умерли восемь человек¹⁰².

В 1896 г. в Уссурийский край переселился 1081 чел. (104 семьи: по 50 из Донского и Оренбургского войск и четыре из Забайкальского). На следующий год прибыли 84 семьи донских казаков и 50 — оренбургских, всего 1145 чел. В 1898 и 1899 гг. в Приморье переселились 53 семьи донских и 86 семей оренбургских казаков, всего 1132 чел. Из-за отсутствия средств в 1900 г. переселение на Дальний Восток прекратилось. В начале XX в. оно возобновилось на короткое время¹⁰³. Всего за 5 лет, с 1895 по 1899 г., на Дальний Восток (практически только в Уссурийское казачье войско) прибыли 5419 переселенцев из Донского, Оренбургского и Забайкальского казачьих войск. Это обеспечило охрану строившейся Уссурийской железной дороги и усилило боевую мощь местного казачьего войска. Все прибывшие поселились вдоль Уссури и южнее оз. Ханка. С 1901 г. в переселении участвовали также казаки Кубанского, Терского и Уральского казачьих войск. Часть из них была зачислена в состав амурского казачества.

Однако численный рост Забайкальского, Амурского и Уссурийского войск происходил не только за счет переселения. Большое значение имели естественный прирост и зачисление в казачье сословие представителей различных категорий местного населения. Так, в Забайкальское казачье войско, согласно принятым в 1853 и 1854 гг. постановлениям, зачислялись отставные и бессрочно отпускные нижние чины, их дети, солдатские вдовы с семьями и т. д. В 1856 г. в войско было зачислено 322 бурята Тункинское ведомства. С 1859 по 1863 г. оно увеличилось на 1,3 тыс. чел. за счет лиц разных званий¹⁰⁴. За 1874—1883 гг. (по неполным данным) было подано 213 прошений о зачислении в Забайкальское войско, из которых только одно осталось неудовлетворенным. Среди подавших прошения были крестьяне, мещане, сельские обыватели, «солдатские сыны», отставные матросы, бывшие горные служащие, представители местного населе-

¹⁰¹ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 187, л. 2.

¹⁰² ЦГВИА, ф. 1582, оп. 2, д. 587, л. 43—43 об.

¹⁰³ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 755, л. 295; Казачья колонизация Приамурского края, с. 50.

¹⁰⁴ ГАЧО, ф. 30, оп. 3, д. 166, л. 43, 45; ЦГА БурАССР, ф. 89, оп. 1, д. 414, л. 39; ф. 94, оп. 1, д. 80, л. 21.

ния и т. д. В ряде случаев поступали просьбы о переводе из Амурского казачьего войска в Забайкальское¹⁰⁵. Поступали прошения и о зачислении в Амурское войско. В 1898 г., например, удовлетворены прошения о зачислении в это войско уволенного в запас матроса Пикулева, мещанина Андреева, бывшего казака Санцына¹⁰⁶. В Уссурийское казачье войско за период с 1895 по 1901 г. зачислены 52 семьи крестьян, 25 семей запасных солдат, четыре семьи ссыльных и т. д.¹⁰⁷

Зачисление в казачьи войска и выход из казачьего сословия были сопряжены с большими трудностями. В 1884 г. было принято общее постановление об ограничении зачисления в войсковое сословие. Правительство стремилось обособить казачество, сделать из него верного слугу самодержавия. Процедура зачисления была довольно сложной: требовался приговор как общества принимавшего, так и общества, отпускавшего просителя; принимались в расчет экономические условия и т. д.¹⁰⁸ Однако в отношении казачьих войск Забайкалья и Дальнего Востока ограничительные меры были ослаблены, что обуславливалось необходимостью увеличения здесь казачьего населения.

Затруднен был и выход из казачьего сословия, несмотря на то что 19 января 1883 г. был принят закон, декларирующий такую возможность. По этому закону право свободного выхода предоставлялось отставным казакам в любое время, а служилого разряда — лишь при условии достаточного числа военнообязанных в войске. Последний пункт давал возможность администрации препятствовать выходу казаков из войскового сословия. Так, в 1897 г. в Забайкальском войске было подано 25 прошений об исключении из казачьего сословия казаков-бурят с семьями (всего 169 чел.). Нормы позволяли исключить этих казаков, но наказной атаман отклонил их просьбы¹⁰⁹.

В отдельных случаях вопрос об исключении из казачьего сословия решался положительно. Особое место в этом плане занимает исключение из состава казачьих войск Забайкалья и Дальнего Востока «штрафованных» нижних чинов. Зачисленные в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. в состав казачьих войск «штрафованные» не оправдали возлагавшихся на них надежд. Они были «склонны к праздности», низко было их нравственное состояние. Только 35% из них обзавелось хозяйством¹¹⁰. Учитывая все эти обстоятельства, в 1875 г. «штрафованным» было разрешено возвратиться на родину или выйти из казачьего сословия. Многие воспользовались этим. Из Амурской

¹⁰⁵ ГАИО, ф. 24, оп. 8, д. 25, 65, 97, 128, 160, 221, 234, 248, 268, 291, 293.

¹⁰⁶ ГААО, ф. 15, оп. 3, д. 50, л. 9, 14, 60.

¹⁰⁷ Казачья колонизация Приамурского края, с. 52.

¹⁰⁸ ЦГВИА, ф. 5294, оп. 1, д. 74, л. 1; ГААО, ф. 15, оп. 3, д. 50, л. 110 об.; ГАИО, ф. 24, оп. 8, д. 138, л. 1 об.; д. 360, л. 1—4.

¹⁰⁹ ЦГВИА, ф. 1558, оп. 6, д. 14, л. 1—3 об.; ГААО, ф. 15, оп. 3, д. 50, л. 45.

¹¹⁰ ЦГВИА, ф. 1446, оп. 1, д. 1, л. 108 об.; ГАЧО, ф. 30, оп. 3, д. 166, л. 58—59; Казачья колонизация Приамурского края, с. 21.

конной бригады, например, в 70-х годах были уволены 211 чел.¹¹¹ Основная же масса «штрафованных», так и не ставших фактически казаками, была исключена из войскового сословия решением Государственного совета от 22 мая 1879 г. После исключения некоторые из них вернулись на родину, а другие «приписались к крестьянскому и мещанскому сословию»¹¹².

Итак, в течение второй половины XIX в. казачество активно участвовало в заселении Дальнего Востока. Одновременно оно занималось освоением восточных окраин страны.

Хозяйственное освоение края началось с прибытием сюда первых поселенцев — крестьян и казаков. Особенно заметны были успехи крестьян Амурской обл., которая быстро стала житницей Дальнего Востока. Если в 1864 г. крестьяне области смогли продать 25 тыс. пудов хлеба, то в 1868 г. — уже более 120 тыс.¹¹³ В 1869 г. они собрали по 67,5 пудов хлеба на душу населения, что давало им большие излишки (по расчетам того времени, на душу в год требовалось 20 пудов, плюс 4 пуда на посев)¹¹⁴. Эти излишки крестьяне продавали казне, на золотые приiski, винокурные заводы. В целом в 60-х годах Амурская обл. обеспечивала себя продовольствием и даже вывозила его в Приморье и Забайкалье.

Приморская обл. в эти годы оказалась в более тяжёлом положении. Хлеб сюда приходилось ввозить не только из соседней Амурской обл., но и из европейской России. Связано это было с тем, что удельный вес и численность крестьянского населения в 60-х годах здесь были меньшими, чем в Амурской обл., а неземледельческое население — несонизмеримо большим¹¹⁵. Основным районом земледелия Приморской обл. к 70-м годам становится Южно-Уссурийский край.

Успехи переселения в последующие годы отразились и на положении в земледелии. К 1890 г. Дальний Восток обеспечивал себя хлебом и временно освободился от ввоза его извне. Особенно успешно развивалось земледелие в Южно-Уссурийском крае. В 1882 г. местные крестьяне впервые поставили хлеб для войска в количестве 27 тыс. пудов. В 1892 г. эта цифра увеличилась до 600 тыс. пудов¹¹⁶. В Амурской обл. в 1893 г. было продано 1 млн. 300 тыс. пудов хлеба¹¹⁷. Однако с 1893 г. доля земледельческого населения в крае начинает уменьшаться (это было связано с увеличением городского населения и передислокацией войск), в результате чего уже в 1896 г. на Дальний Восток было ввезено более 4 млн. пудов хлеба¹¹⁸.

¹¹¹ ЦГВИА, ф. 13420, оп. 1, д. 7, л. 8—11; ГЛАО, ф. 15, оп. 3, д. 50, л. 37.

¹¹² ЦГВИА, ф. 1573, оп. 2, д. 251, л. 1; ГАИО, ф. 24, оп. 8, д. 159, л. 20, 23.

¹¹³ Алябьев А. А. Далекая окраина. Уссурийский край. СПб., 1872, с. 10.

¹¹⁴ Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск, 1976, с. 68.

¹¹⁵ Там же, с. 71, 77.

¹¹⁶ Холодов Н. Уссурийский край. СПб., 1908, с. 31; Кабузан В. М. Указ. соч., с. 129.

¹¹⁷ Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области. СПб., 1894, с. 622.

¹¹⁸ Кабузан В. М. Указ. соч., с. 129, 130.

Свой вклад в развитие хозяйства края вносили и казаки. Уже первые поселенцы, прибывшие на Амур и Уссури в 50-х годах, вскопали огороды и получили неплохие урожаи овощей¹¹⁹. Несмотря на большие трудности, земледелие развивалось непрерывно. Если в 1861 г. казаки Уссурийского батальона высевали 1060 пудов зерна, то в 1867 г.—2410 пудов. Амурские пешие казаки в 1869 г. высевали 29 678 пудов зерна, в 1882 г.—30 171, в 1894 г.—55 902 пуда; конные казаки в 1865 г.—19 572 пуда, в 1869 г.—46 789, в 1882 г.—56 807 и в 1885 г.—60 941 пуд зерна. Росли и сборы хлебов: в 1865 г. конные казаки Амура собрали 107 728 пудов зерна, в 1869 г.—220 173, а в 1882 г.—300 089 пудов, а пешие в 1882 г.—146 281 пуд, в 1884 г.—185 030 пудов¹²⁰.

Развивалось земледелие и в других казачьих частях. Так, иркутские казаки в 1865 г. сняли 11 976 четв. хлеба, а в 1866 г.—19 275 четв. В 1866 г. они получили 6394 четв. картофеля¹²¹. Серьезные успехи в земледелии наблюдались и у казаков Забайкалья: в 1874 г. было посеяно 61 131 четв. зерна, в 1879 г.—63 377, в 1882 г.—82 728 четв. Росло и количество собранного хлеба: в 1864 г.—159 691 четв., в 1874 г.—266 551, в 1879 г.—347 403, в 1882 г.—458 596 четв.¹²² В то же время необходимо отметить, что во второй половине XIX в. положение амурского и уссурийского казачества в отношении возможностей ведения хозяйства значительно отличалось от положения крестьян.

Крестьяне, практически свободные от податей и повинностей, наделенные в избытке пашней, имевшие надежный рынок для сбыта продукции, добились больших успехов в сельском хозяйстве, чем казаки, которые были обременены военной службой, различными повинностями, зависимость от невежественных чиновников. Это, естественно, отражалось на экономических показателях. Если, например, в Амурской обл. крестьяне собирали в 1869 г. на душу 67,5 пудов хлеба, то казаки—36 пуд.¹²³

Но несмотря на трудности, хозяйственная деятельность казачества расширялась. К концу XIX в. казаки распахали под посевы значительные площади. Так, в Амурском войске в 1899 г. под посевами было 15 651 дес., в 1900 г.—16 764,9 дес.; в Уссурийском войске в 1899 г.—9459 дес., в 1900 г.—10 627 дес.¹²⁴

Кроме зерновых, казаки выращивали и другие культуры: картофель, овощи, бахчевые, лен, табак и т. д. В Раддевском станичном округе Амурского войска, например, в 1890 г.

¹¹⁹ ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 187, л. 24—24 об.; ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 26, л. 68.

¹²⁰ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 704, оп. 4, д. 258, л. 4 об.—5; оп. 3, д. 156, 127 об.; ф. 1, оп. 1, д. 137, л. 35; ЦГВИА, ф. 1447, оп. 2, д. 17, л. 14—15; ГАИО, ф. 24, оп. 7, д. 161, л. 21—24; ГААО, ф. 15, оп. 1, д. 88, л. 7; д. 89, л. 20—21, 30—31; оп. 3, д. 28, л. 10.

¹²¹ ГАИО, ф. 37, оп. 1, д. 6, л. 67, 101.

¹²² ГАИО, ф. 24, оп. 7, д. 401, л. 32 об.; ЦГВИА, ф. 1447, оп. 2, д. 9, л. 29 об.; д. 22, л. 22.

¹²³ Кабузан В. М. Указ. соч., с. 68, 69.

¹²⁴ Экономическое положение Приамурских казачьих войск. СПб., 1902, с. 318, 356.

541 $\frac{5}{8}$ дес. посева распределялись между различными культурами следующим образом: яровая рожь—207 дес., овес—112, яровая пшеница—108, гречиха—91, ячмень—14, конопля—3, огурцы—2, свекла—1 $\frac{1}{8}$, лен—1, картофель— $\frac{7}{8}$, горох и табак—по $\frac{3}{4}$, арбузы— $\frac{1}{8}$ дес. Огородничество являлось серьезным подспорьем в хозяйствах казаков. В 1900 г. в Амурском войске было посеяно всего овощей и картофеля 39 771 пуд, а собрано 202 578 пудов. В том же году в Уссурийском войске под огородами было занято 674 дес. и под бахчой—93 дес. Некоторое развитие в казачьих хозяйствах получило садоводство. Так, в 1890 г. в поселке Венцелевском Амурского войска сады были у трех казаков. А в поселке Ново-Михайловском Уссурийского войска у одного казака был сад, насчитывавший до 400 деревьев: яблонь, груш, слив и др.¹²⁵

Развитие земледелия затруднялось сложными природными условиями. Нередки были наводнения, засухи, ураганные ветры. Случались даже землетрясения, как, например, в апреле 1888 г. на территории Екатерино-Никольского станичного округа на Амуре¹²⁶. В целях облегчения труда земледельцев, поднятия урожайев передовая интеллигенция предлагала ввести ирригацию полей, устроить образцовые фермы и т. д.¹²⁷ Намечалось выписывать специальные журналы, содержавшие «практически полезные по сельскому хозяйству сведения»¹²⁸. Но в условиях царской России эти проекты не могли быть осуществлены.

Наряду с земледелием важнейшей отраслью казачьего хозяйства являлось скотоводство. Наиболее развито оно было в Забайкалье. Местное казачество занимало «одно из первых мест среди казачьих войск России» по «относительному к населению количеству лошадей». Более всего развивалось коневодство во 2-м отделе Забайкальского войска, территория которого изобиловала пастбищами, значительно слабее—в 3-м и 4-м отделах и совсем слабо—в 1-м, сравнительно бедном сенокосами и пастбищами. В 1882 г. у казаков Забайкалья было 189 196 лошадей, т. е. 130 голов на 100 человек населения. К началу XX в. эти цифры значительно возросли: по данным на 1903 г., войско имело 232 372 лошади, т. е. 211,8 на 100 чел. По отделам лошадиное поголовье распределялось так: 1-й отдел—123,8 лошади на 100 чел.; 3-й отдел—173,6; 4-й отдел—185,4; 2-й отдел—359,5 лошади на 100 чел.¹²⁹ Амурское и Уссурийское войска значительно уступали Забайкальскому в этом отношении. В 1897 г. у амурских казаков было 18 208 лошадей, а у уссурийских—7793. На 1 января 1901 г. у жителей Амурского войска было 19 038

¹²⁵ ЦГА БурАССР, ф. 116, оп. 1, д. 1173, л. 33; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 793, оп. 1, д. 155, л. 35 об.—36, 64 об.—65; Экономическое положение Приамурских казачьих войск, с. 255, 415, 447.

¹²⁶ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 704, оп. 1, д. 204, л. 1.

¹²⁷ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 603, л. 2.

¹²⁸ ЦГА БурАССР, ф. 116, оп. 1, д. 1308, л. 7.

¹²⁹ ЦГВИА, ф. 1447, оп. 2, д. 22, л. 23 об.; ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 780, л. 1—1 об., 4.

лошадей, т. е. 75,7 на 100 чел., Уссурийского — 8370 лошадей, т. е. 55,2 на 100 чел. В Приамурских казачьих войсках лошади в основном были «забайкальской» породы — неприхотливые, дешевые, малосильные. Выведение новых пород, подходивших для дальневосточных условий, было почти невозможно, так как конных заводов в указанных войсках во второй половине XIX в. не было¹³⁰.

Кроме коневодства, казаки занимались разведением крупного рогатого скота, овец, свиней, коз, а в Забайкалье — и верблюдов. В 1878 г. забайкальцы имели крупного рогатого скота 180 552 головы, овец и свиней — 255 252, верблюдов — 1754. В 1883 г. крупного рогатого скота — 198 863 головы, овец, коз и свиней — 461 818, верблюдов — 2140. В Амурском войске в 1898 г. насчитывалось крупного рогатого скота 16 682 головы, овец и коз — 675. В 1900 г. крупного рогатого скота было 17 247 голов, овец и коз — 799, свиней — 6344. У казаков Уссурийского войска в 1898 г. было крупного рогатого скота 8132 головы, овец и коз — 411. В 1900 г. крупного рогатого скота — 9403 головы, овец и коз — 609, свиней — 6195¹³¹.

В конце XIX в. начало развиваться в крае пчеловодство. В Приморской обл. в 1900 г. у 757 хозяев имелось уже 3900 ульев. С 1897 г. стали разводить пчел и в Уссурийском казачьем войске. К 1900 г. ульи имели 34 казака: у одних их было по два-три, у других — по 30 и более. Так, казаки поселка Нестеровского Мурзин, Мирошников, Гелламов имели соответственно 31, 32 и 35 ульев. У Кожевникова из Богуславского поселка их было 58; в 1899 г. он собрал 20 пуд. меда¹³².

Занимались казаки и различными промыслами, ремеслами. Распространена была охота. В 1869 г. казаки Амурского пешего батальона добыли различных зверей (соболей, лис, енотов, выдр, коз, кабанов и др.) на сумму 8886 руб. В 1882 г. казаки Амурского полка добыли зверя и пушнины на 2984 руб., Уссурийского полубатальона — на 35 731, Забайкальского войска — на 33 827 руб.¹³³

Крупные доходы приносил казакам рыбный промысел. В Амурской обл. он занимал ведущее место. Рыбу ловили как летом, так и зимой: летом — крючьями или неводами, зимой — неводами. На Амуре был известен и другой способ зимнего лова — гарпунами¹³⁴. В 1882 г. казаки Забайкалья выловили

¹³⁰ ГАХК, ф. 199, оп. 1, д. 1, л. 5 об.; ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 780, л. 1 об., 4 об.; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 827, оп. 2, д. 132, л. 7 об. — 8; Экономическое положение Приамурских казачьих войск, с. 420, 450, 451.

¹³¹ ЦГВИА, ф. 1447, оп. 2, д. 9, л. 52 об.; д. 22, л. 23 об.; Экономическое положение Приамурских казачьих войск, с. 420, 450—451.

¹³² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 5, оп. 1, д. 47, л. 259, 329, 380—382, 443, 448; д. 73, л. 99.

¹³³ ГААО, ф. 10, оп. 1, д. 44, л. 3 об.; ф. 15, оп. 1, д. 102, л. 23—24; оп. 3, д. 28, л. 18; ЦГВИА, ф. 1447, оп. 2, д. 22, л. 24.

¹³⁴ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 165, оп. 1, д. 8, л. 29; *Harrison E. J. Peace or war East of Baikal?* Yokohama, 1910, p. 78—79.

рыбы на 30 890 руб., Амурского полка — на 108 889, Уссурийского полубатальона — на 15 386 руб. В 1900 г. в Амурском войске было выловлено рыбы на 93 461 руб., в Уссурийском — на 50 244 руб. В конце XIX в. были предприняты меры по переселению на Дальний Восток опытных казаков-рыболовов, в том числе несколько семей прибыли из Уральского войска¹³⁵.

Заготовляли казаки и лес. Особенно большой доход этот промысел приносил проживающим на р. Уссури, которые сплавляли лес в Хабаровку. Широко распространены были извоз и пересовка грузов через Байкал. Забайкальские казаки, кроме того, занимались выделкой кож, сукна и холста для домашнего употребления¹³⁶.

Были среди казаков ремесленники: кузнецы, столяры, слесари, сапожники, шорники, портные. Некоторые владели мельницами, небольшими мастерскими, кузницами (например, отставной казак Филиппов, у которого в 1887 г. была кузница в Никольском). А конных и водяных мельниц только на территории Уссурийского войска в 1897 г. было 69. Зарождалась на территории казачьих войск и промышленность. Еще в 1857 г. возник вопрос об устройстве на землях забайкальского войска канатного завода для обеспечения нужд Сибирской флотилии. В 90-х годах XIX в. здесь уже существовали заводы: лесопильный, мукомольный, по производству растительного масла, винокуренные. Однако принадлежали они в основном не войсковым жителям¹³⁷.

В целом вклад забайкальских, амурских и уссурийских казаков в освоение восточных окраин страны, как и в заселение этих земель, был чрезвычайно большим. Казаки участвовали в развитии всех основных отраслей хозяйства края: земледелия и скотоводства, промышленности и промыслов, транспорта и связи. Они наряду с другими категориями населения обеспечивали перевозки, производство продовольствия, строительных материалов, топлива и т. д.

Удельный вес казачества среди населения обширного Приамурского края был значительным в течение всей второй половины XIX в. Но по отдельным областям доля казаков в общей массе населения различалась. Наиболее значительной и стабильной она была в Забайкальской обл. В 1852 г. к казачеству принадлежало 30% населения этой области, в 1881 г. — 30,9%. К концу века, в 1897 г., данные почти не изменились — 31,3%. В Амурской и Приморской областях ситуация была иной.

¹³⁵ ЦГВИА, ф. 1582, оп. 3, д. 224, л. 22—23; ф. 1447, оп. 2, д. 22, л. 24; ГААО, ф. 15, оп. 1, д. 102, л. 23 об.—24; Экономическое положение Приамурских казачьих войск, с. 418, 449.

¹³⁶ *Надаров И.* Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884, с. 6; ЦГВИА, ф. 1447, оп. 2, д. 22, л. 24; ЦГА БурАССР, ф. 94, оп. 1, д. 103, л. 27—27 об.

¹³⁷ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 521, оп. 1, д. 239, л. 132; ф. 702, оп. 3, д. 111, л. 94—96; ф. 1, оп. 1, д. 137, л. 35 об.; ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 25, л. 1—4; ЦГВИА, ф. 1558, оп. 7, д. 5, л. 1 об., 12—13.

В 1859 г., сразу после образования Амурского войска, казаки составляли почти 57% жителей юга Дальнего Востока, причем в Амурской обл. их доля была еще выше — более 85%. В 1869 г. в Амурской и Приморской областях на долю казачества приходилось 43%, а в 1897 г. — уже только 10,3%. На Амуре этот показатель был выше среднего — 17,9%, в Приморье ниже — 6,2%. В Приморской обл. казачье население по отдельным округам распределялось чрезвычайно неравномерно: основная его масса сосредоточивалась в Уссурийском казачьем округе — 72,3%, в Южно-Уссурийском — 15,2, в Петропавловском — 4,73, в Хабаровском — 3,8, в Гижигском — 1,9, в Удском — 1, в Охотском — 0,9, в Анадырском — 0,13, в Командорском — 0,04%. Всего в 1897 г. в трех областях Приамурского края проживал 972 901 чел., из них казачьего сословия — 232 619 чел. Таким образом, в конце XIX в. казаки составляли 23,9% жителей края¹³⁸.

Казачьи войска в системе обороны русского Дальнего Востока

Успешное воссоединение земель южной части Дальнего Востока с Россией потребовало решения многих вопросов, в числе важнейших — организации обороны края. Для этого на востоке страны необходимо было иметь вооруженные силы, достаточные для выполнения данной задачи.

Проблема эта была чрезвычайно сложной, так как ее разрешение обуславливалось влиянием многих экономических и политических факторов. Ф. Энгельс убедительно доказал зависимость военных возможностей общества от экономического базиса, от развития производства: «Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения»¹³⁹.

В 50—60-х годах XIX в. экономические возможности России в целом и ее восточных окраин в особенности (в связи с их малой заселенностью, слабостью продовольственной базы, трудностью расквартирования) не позволяли комплектовать на Дальнем Востоке необходимое для обороны количество регулярных воинских частей. Отсутствие удобного транспорта, а также опасение ослабить обороноспособность европейской части страны затрудняли переброску крупных воинских подразделений на

¹³⁸ Статистика населения произведена на основании источников: ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 598, л. 1; ЦГВИА, ф. 1558, оп. 2, д. 3, л. 61—61 об.; ГАЧО, ф. 30, оп. 3, д. 166, л. 41; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1899, т. 72, тетр. 1, с. 1, 12—13; 1899, т. 76, тетр. 1, с. 1, 40—43; Дальний Восток. М., 1966, с. 79; *Крушанов А. И.* Указ. соч., с. 21; *Кабузан В. М.* Указ. соч., с. 42—44; Русские старожилы Сибири. М. 1973, с. 62, 67.

¹³⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 171.

Тихоокеанское побережье. В силу указанных причин создание регулярной армии на Дальнем Востоке продолжалось длительное время. В течение второй половины XIX — начала XX в. численность армейских частей на востоке страны изменялась следующим образом (в тыс. чел.): 1862 г. — 6,9, 1882 г. — 16,7, 1885 г. — 18,6, 1890 г. — 24,5, 1895 г. — 32,1, 1900 г. — 64,0 1902 г. — 80,9¹⁴⁰.

Таким образом, с 1862 по 1902 г. численность регулярных вооруженных сил России на Дальнем Востоке увеличилась в 11,7 раза, причем за первые 20 лет она возросла на 242% при увеличении армии в среднем за год на 0,49 тыс. чел., а за следующие 20 лет рост был уже на 484,4% при среднегодовом увеличении войск на 3,2 тыс. Особенно интенсивный рост наблюдался с 1895 г. Если с 1862 по 1895 г. количество регулярных войск в крае в среднем ежегодно увеличивалось на 0,76 тыс., то за семь последующих лет среднегодовое увеличение было на 6,97 тыс. чел. Объяснялось это тем, что до середины 90-х годов XIX в. оборонительные мероприятия на Дальнем Востоке отражали объективную необходимость укрепления обороноспособности края (причем до 1882 г. этому вопросу уделялось недостаточно внимания). С конца XIX в. деятельность царизма на востоке была подчинена интересам российского империализма¹⁴¹. Для проведения подобной политики нужны были многочисленные вооруженные силы, что и обусловило резкий скачок в численности армии.

Реакционные изменения во внешней политике России в конце XIX в. нашли отражение в финансировании военных мероприятий. В 1862 г. на усиление обороны устья Амура и южного побережья Приморья была выделена сумма в 500 тыс. руб., а на те же цели в Закавказье — 4926 тыс. руб. В 1899 г. положение резко изменилось. Наибольшее внимание было уделено развитию укрепленных пунктов на востоке. В титульном списке важнейших военных объектов России этого года на первых местах стояли Порт-Артур (на его укрепление выделялось 2489,5 тыс. руб.) и Владивосток (1330 тыс.)¹⁴². Антинародная сущность политики царизма в данном случае проявилась особенно ярко: русскому Дальнему Востоку царизм по-прежнему уделял недостаточное внимание.

С увеличением численности регулярных войск на Дальнем Востоке повышалась их доля в общей массе армейских частей России. В 1862 г. регулярные войска края составляли 0,83% общего числа таковых в стране (6,9 тыс. военнослужащих на Дальнем Востоке и 829 тыс. в стране в целом), в 1882 г. — 2,03

¹⁴⁰ ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 193, л. 2; ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 2, л. 5 об.; ф. 1447, оп. 3, д. 31, л. 457.

¹⁴¹ Бескровный Л. Г., Нарочницкий А. Л. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX в. — *Вопр. истории*, 1974, № 6, с. 36.

¹⁴² ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 2, л. 104, 105 об. — 106; д. 65, л. 37 об.

(16,7 и 819,8 тыс.), в 1891 г.—3,05 (24,8 и 852,1 тыс.), в 1895 г.—3,36 (32,1 и 954,2 тыс.) и в 1900—6,36% (64,0 и 1005,3 тыс.)¹⁴³.

Таким образом, к концу XIX в. на востоке страны имелись уже значительные регулярные войска. Однако на протяжении длительного времени, в 50—90-х годах XIX в., этих частей было недостаточно для обеспечения обороны края. Положение усугублялось тем, что при возникновении критической ситуации численность регулярных войск нельзя было увеличить за счет обученного местного населения, так как в рассматриваемый период жители Амурской и Приморской областей (кроме казаков) были освобождены от отбывания воинской повинности¹⁴⁴. Численность же запасных нижних чинов, проживавших на Дальнем Востоке и подлежавших призыву в военное время, многие годы была незначительной. Так, в 1886 г. в Забайкалье, на Амуре и в Приморье их было 2705, причем на призыв и доставку запасных из Забайкалья (а здесь проживало большинство их—1721 чел.) в Приморскую обл. требовалось около 70 дней. В 1891 г. запасных было 3676. И только к концу века количество запасных возросло до значительной цифры—в 1900 г. их стало уже 22 055 чел.¹⁴⁵

Особо сложной была охрана тысячеверстных границ Забайкалья и Дальнего Востока, ибо регулярные части дислоцировались в основном в южной части края (в середине 80-х годов в Южно-Уссурийском крае было сосредоточено около 80% войск округа)¹⁴⁶. В этих условиях важное значение для обороны края и укрепления его границ приобретали иррегулярные, т. е. казачьи, части.

Для казачества воинская служба являлась основной обязанностью. Каждое казачье войско выставляло определенное количество строевых частей в зависимости от общей численности населения и времени—мирного или военного. Служба казаков разделялась на полевую и внутреннюю. Для забайкальских казаков, согласно Положению 1851 г., полевая служба заключалась в охране южно-китайской границы, для чего выставлялись караулы и посылались разъезды, и в командировках за пределы войска. Для регламентации пограничной службы казаков кяхтинским градоначальником разрабатывались специальные инструкции. Кроме того, к полевой у забайкальцев относилась этапная и гарнизонная служба в городах, на заводах и золотых приисках и розыск беглых¹⁴⁷. В середине 50-х—начале 60-х годов XIX в. основной службой казаков Забайкалья было участие в

¹⁴³ ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 193, л. 2; ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 2, л. 5 об.; д. 859, л. 1; ф. 1447, оп. 3, д. 31, л. 457; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973, с. 61—62.

¹⁴⁴ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 521, оп. 1, д. 420.

¹⁴⁵ ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 849, л. 48, 49; д. 859, л. 1 об.; д. 874, л. 9.

¹⁴⁶ Там же, д. 849, л. 30.

¹⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 6, д. 242, л. 1—24; ГАЧО, ф. 30, оп. 3, д. 166, л. 63.

воссоединении Амурского края с Россией. Внутренняя служба включала исполнение различных обязанностей, связанных с общественной жизнью войска.

Полевая служба амурских казаков определялась Положением 1860 г. Главной обязанностью казаков Амура и Уссури являлась охрана границы. К полевой службе относилось также исполнение обязанностей, определенных «по особому повелению и назначению начальства», и «содержание сообщения по Амуру от станции Покровской до устья Уссури, далее по Уссури и затем по сухопутной границе... до морского побережья»¹⁴⁸. Однако последнее требование казаки не могли исполнять полностью, так как в 60-х годах их расселение было ограничено р. Сунгача, а южнее оз. Ханка казачьи поселки появились лишь в 1879 г. Поэтому поддержание сообщения от оз. Ханка до Посыета и Владивостока было возложено на регулярные войска, размещенные на 16 постах¹⁴⁹.

Дополнительной обязанностью казаков было поддержание почтовой связи. Они несли также различные повинности, в том числе заготавливали дрова для казенных пароходов. Все это было для казаков чрезвычайно обременительно и значительно ухудшало их материальное положение. В дальнейшем правительство вынуждено было отменить эти повинности. Уссурийские казаки после выделения в самостоятельное войско в 1889 г. практически имели те же обязанности полевой и внутренней службы, что и в предыдущие годы.

Полевую службу казаки отбывали с перерывом — год службы, затем два года льготы. Допускалась замена одного члена семьи другим, но при условии, чтобы оба были служилого разряда¹⁵⁰. В ряде случаев зажиточные казаки нанимали за плату бедняков, которые замещали их на полевой службе. Так, в 1870 г. казак 4-й сотни 6-го полка Забайкальского войска Токарев за 20 руб. нанял нести за себя службу в течение года казака Лоскутова¹⁵¹.

Срок службы казаков первоначально в разных войсках не был одинаков. Так, при образовании Забайкальского войска в 1851 г. срок службы для рядовых казаков был определен в 40 лет: 30 лет полевой и 10 — внутренней. Служба начиналась в 19 лет, но первый год был льготный. Офицеры служили значительно меньше — 25 лет. Амурские казаки по Положению 1860 г. служили на 10 лет меньше: 22 года на полевой и 8 лет на внутренней службе. Это объяснялось более тяжелыми условиями службы, в том числе усиленным внутренним нарядом¹⁵².

¹⁴⁸ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 704, оп. 5, д. 466, л. 5а.

¹⁴⁹ ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 66, л. 4—6 об.

¹⁵⁰ ГАЧО, ф. 30, оп. 3, д. 166, л. 64.

¹⁵¹ ЦГА БурАССР, ф. 89, оп. 1, д. 454, л. 1.

¹⁵² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 704, оп. 5, д. 466, л. 6 об., 10; ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 8, д. 255, л. 63—64; ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 41, л. 200.

28 октября 1866 г. вышел указ о сокращении сроков службы для всех казачьих войск (за исключением Донского, Кубанского и Терского, где срок службы был сокращен ранее)¹⁵³. По новому указу срок уменьшался до 22 лет: 15 на полевой и семь на внутренней службе. В 1872 г. было принято новое положение о воинской службе забайкальских казаков, по которому все мужчины, достигшие 19 лет, призывались к отбыванию воинской повинности по жребию. Исключения составляли: закончившие высшие и средние учебные заведения или обучавшиеся в них, а также получившие звание сельского учителя или техника; состоявшие на государственной службе; занимавшиеся торговлей и промыслами при условии уплаты соответствующих пошлин. Все остальные молодые казаки тянули жребий: вытянувшие «служить» зачислялись на службу. Казаки, вытянувшие жребий «не служить», освобождались от обязательной военной службы «по смерти». За освобождение от службы последние облагались ежегодным денежным сбором (впредь до увольнения их сверстников в отставку), сумма которого доходила до 15 руб. Для многих казаков это была непосильная сумма. В 1875 г. администрация войска констатировала, что часты случаи «несостоятельности казаков неслужилого разряда к платежу следующего с них в войсковой капитал, за освобождение от службы, денежно-го сбора»¹⁵⁴.

17 апреля 1875 г. был введен новый устав о воинской повинности в казачьих войсках России. На Забайкальское казачье войско он распространился 4 апреля 1878 г., а на Амурское — 3 ноября 1879 г. Новый устав вводил три разряда: подготовительный, строевой и запасной. Общий срок службы был определен в 20 лет: 3 года в подготовительном разряде, 12 лет в строевом и 5 — в запасном¹⁵⁵. В подготовительном разряде казак должен был завести все обмундирование и снаряжение¹⁵⁶.

Преобразования коснулись также численности и структуры выставляемых строевых частей. По Положению 1851 г., Забайкальское казачье войско в военное время выставляло шесть конных полков и 12 пеших батальонов. Кроме того, 28 июня 1857 г. была сформирована 24-я конно-артиллерийская батарея 8-орудийного состава, входившая в конно-артиллерийскую бригаду Забайкальского казачьего войска, состоявшую из двух батарей¹⁵⁷.

Офицерский состав в основном комплектовался из регулярных войск. Офицеров из казачества было немного в офицерском корпусе России. Так, на рубеже XIX—XX вв. выходцы из казачь-

¹⁵³ ЦГИА СССР, ф. 1261, оп. 3, д. 134, л. 14 об.

¹⁵⁴ ЦГА БурАССР, ф. 27, оп. 1, д. 2, л. 22—22 об.; ф. 116, оп. 1, д. 1173, л. 34; ГАИО, ф. 24, оп. 8, д. 54, л. 7; д. 74, л. 1.

¹⁵⁵ ГААО, ф. 33, оп. 1, д. 1, л. 28 об.—29; *Энов Н. И.* Забайкальское казачье войско. Нерчинск, 1889, с. 14.

¹⁵⁶ ЦГА БурАССР, ф. 27, оп. 1, д. 5, л. 1 об.

¹⁵⁷ ЦГА БурАССР, ф. 89, оп. 1, д. 509, л. 1.

его сословия составляли только 0,7% общего числа офицеров в стране¹⁵⁸.

С 1872 г. количество частей, выставляемых Забайкальским войском, изменялось: в военное время — шесть 4-сотенных полков, девять батальонов (по пять сотен) и две батареи по восемь орудий; в мирное — конный учебный дивизион, учебный пеший батальон, две конно-артиллерийские батареи по два орудия и отдельные команды¹⁵⁹.

Следующее структурное изменение строевых частей Забайкальского войска произошло по уставу 1878 г.: в военное время выставлялось три конных 6-сотенных полка, шесть пеших 5-сотенных батальонов и три конно-артиллерийских батареи по шести орудий; в мирное — конный полк (шесть сотен), два пеших 5-сотенных батальона и две батареи по четыре орудия¹⁶⁰.

В 1893 г. с увеличением численности Забайкальского войска было решено усилить выставляемые им строевые части «в мирное и военное время на один конный 4-сотенный полк». Формирование полка началось в 1894 г. и продолжалось до 1897 г., причем состав его был увеличен до шести сотен¹⁶¹. В 1896 г. в Забайкальском казачьем войске началось преобразование пеших батальонов в конные полки. Осуществить это мероприятие намечалось за 12 лет. В результате войско могло бы выставлять в мирное время четыре, а в военное — 12 конных полков 6-сотенного состава. С 1 января 1897 г. началось формирование двух первоочередных полков. Полки стали именными: например, формировавшийся в 1897 г. полк назывался 1-м Нерчинским. В 1899 г. был сформирован 1-й Аргунский полк. Старейший (существовавший с 1878 г.) полк № 1 получил наименование 1-го Забайкальского, а сформированный в 1894—1897 гг. полк — 1-го Читинского. Полки второй и третьей очереди получали наименование первоочередного с добавлением номеров 2 и 3¹⁶².

В течение второй половины XIX в. происходили также структурные и количественные изменения строевых частей амурских и уссурийских казаков. По Положению 1860 г., Амурское войско в военное время должно было выставлять два конных полка 4-сотенного состава и четыре пеших батальона (два действующих и два резервных) по пять рот¹⁶³. Штатный состав строевых частей мирного времени не регламентировался, и наряд на службу определялся ежегодным расписанием генерал-губернатора Восточной Сибири. Практика службы амурских казаков по наряду имела место с первых лет их поселения в Приамурье. Так,

¹⁵⁸ Зайончковский П. А. Сословный состав офицерского корпуса на рубеже XIX—XX вв. — История СССР, 1973, № 1, с. 149 (подсчет наш).

¹⁵⁹ ГАЧО, ф. 30, оп. 3, д. 166, л. 65.

¹⁶⁰ ЦГВИА, ф. 1447, оп. 2, д. 22, л. 10—10 об.

¹⁶¹ ГАЧО, ф. 142, оп. 1, д. 2, л. 39—40.

¹⁶² ЦГВИА, ф. 1558, оп. 2, д. 9, л. 21 об., 22 об.; ф. 1, оп. 2, д. 65, л. 6.

¹⁶³ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 704, оп. 5, д. 466, л. 1 об.

Амурский конный казачий полк в декабре 1858 г. выделял по наряду Муравьева на действительную службу 141 казака¹⁶⁴.

В силу объективных причин некоторые установления Положения 1860 г. не могли быть выполненными. Во-первых, не вся планируемая территория была заселена казаками в период первых переселений, в том числе и пограничная полоса южного Приморья. Поэтому для охраны данного участка границы решено было сформировать сверхплановую строевую часть — Уссурийскую казачью сотню. Соответствующий указ вышел 24 мая 1869 г.¹⁶⁵ До 1881 г. сотня комплектовалась из казаков Забайкалья, Амура, Уссури и солдат линейных батальонов, а затем была передана в состав регулярных войск и получила название «Уссурийская конная сотня». Таким образом, казакам Амурского войска пришлось участвовать в комплектовании не предусмотренной Положением 1860 г. строевой части. Во-вторых, в результате переселений не удалось добиться полного комплекта выставляемых войском частей. К 1879 г. в войске был некомплект конных служилых казаков — 151 чел., Амурского пешего батальона — 1471 и Уссурийского — 1464 чел. Практически пешие округа не могли выставить даже по одному батальону штатного состава. В связи с этим при применении к Амурскому войску нового устава воинской повинности был изменен и состав выставляемых войском строевых частей: в военное время — 6-сотенный конный полк и два 3-сотенных пеших полубатальона; в мирное — две конные и 2 пешие сотни. Поэтому в Уссурийском полубатальоне, например, состоявшем из трех сотен, в мирное время на службе находилась только первоочередная сотня, а 2-я и 3-я были на льготе¹⁶⁶.

В 1889 г. при выделении самостоятельного Уссурийского войска было решено преобразовать выставляемую им строевую часть. 3 февраля 1890 г. вступило в силу Положение о переформировании Уссурийского пешего казачьего полубатальона в Уссурийский конный казачий дивизион (3-сотенного состава: в мирное время одна сотня действующая и две — на льготе). После выделения Уссурийского полубатальона из Амурского войска в последнем также произошли структурные изменения. По утвержденному 8 мая 1895 г. Положению, Амурское войско выставило: в военное время — 6-сотенный Амурский казачий полк и 3-сотенный казачий дивизион, а в мирное — 3-сотенный полк¹⁶⁷.

Наряду с организационными изменениями в течение второй половины XIX в. росла численность личного состава строевых частей казачьих войск. Так, в 1881 г. в строевых частях мирного времени Забайкальского войска было 2924 казака, а в 1902 г.

¹⁶⁴ ГАЧО, ф. 30, оп. 2, д. 169, л. 29.

¹⁶⁵ Систематический указатель постановлений, вошедших в сборники правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1865—1895 гг. СПб., 1897, т. 1, ч. 1/2, с. 353.

¹⁶⁶ ЦГВИА, ф. 1582, оп. 2, д. 442, л. 25; ГААО, ф. 33, оп. 1, д. 1, л. 29.

¹⁶⁷ ГААО, ф. 33, оп. 1, д. 1, л. 30; ЦГВИА, ф. 1582, оп. 2, д. 74, л. 9.

эта цифра возросла до 4449¹⁶⁸. В Амурском казачьем войске в 1890 г. в строевых частях было 517 казаков (по штатам военного времени — 1754), а в 1894 г. — 634 казака (по штатам военного времени — 1945), в том числе в Амурском пешем казачьем полубатальоне в 1890 г. было по штатам военного времени 732 казака, а в 1894 г. — 818¹⁶⁹.

Общая численность казаков Забайкалья и Дальнего Востока, которые подлежали вызову на службу в военное время, изменялась следующим образом: 1881 г. — 22 453 чел., 1891 г. — 26 696, 1895 г. — 27 496, 1902 г. — 40 821 чел.¹⁷⁰

Казаки служили также на судах Амурско-Уссурийской казачьей флотилии. Это полувоенное формирование было создано в начале 1897 г. для охраны пограничной линии Амурского бассейна и снабжения станиц и поселков, расположенных по рекам Амуру, Уссури, Шилке и на побережье оз. Ханка. База флотилии находилась на Уссури, в Имане. В ее состав входили пароходы «Казак Уссурийский» и «Атаман» с баржами «Булана» и «Лена» и паровой катер «Дозорный». Суда флотилии осуществляли довольно интенсивное судоходство. Так, за навигацию 1900 г. только один пароход «Казак Уссурийский» сделал 14 рейсов. Экипажи судов составляли из казаков и урядников, знакомых с речным делом, которые назначались на флотилию из строевых частей Амурского и Уссурийского войск в количестве около 40 чел., а также вольнонаемных. В 1899 г., например, на пароходе «Казак Уссурийский» проходили службу 15 казаков, исполнявших следующие должности: помощник командира, помощник машиниста, боцман, рулевой, кочегары, палубные, баржевые, повар и т. д.¹⁷¹

На вооружении казаков строевых частей были огнестрельное оружие, шашки и пики. Оружие казаки получали от казны на время службы, за исключением шашек, которые передавались в собственность казаков после выплаты их стоимости. Пикой вооружались только передние шеренги строя. К концу XIX в. войсковая администрация многих казачьих частей, в том числе и Приамурских казачьих войск, поднимала вопрос «об изъятии пики из вооружения казаков»¹⁷².

В течение второй половины XIX в. казачьи части оснащались

¹⁶⁸ Воинская повинность казачьих войск. СПб., 1907, с. 445; ЦГВИА, ф. 1582, оп. 2, д. 3, л. 21.

¹⁶⁹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 793, оп. 2, д. 9, л. 2—3 об.; ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 859, л. 22, 22 об.; ГААО, ф. 10, оп. 1, д. 33, л. 27, 30 об., 61; д. 107, л. 10 об., 17.

¹⁷⁰ ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 859, л. 22 об.; Столетие военного министерства, с. 552—553, 690; Воинская повинность казачьих войск, с. 445.

¹⁷¹ Багров В. Н., Сунгоркин Н. Ф. Краснознаменная Амурская флотилия. М., 1976, с. 8; Краснознаменная Амурская флотилия: (Материалы по истории) М., 1946, с. 22; ЦГВИА, ф. 1582, оп. 2, д. 198, л. 10; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 5, оп. 1, д. 53, л. 17.

¹⁷² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 149, оп. 1, д. 491, л. 7; ф. 793, оп. 1, д. 315, л. 94; ЦГВИА, ф. 1582, оп. 2, д. 150, л. 2—3 об.

все более совершенным огнестрельным оружием. При своем образовании Амурское войско получило наряду с более современными драгунскими нарезными старые кремневые гладкоствольные ружья. Затем на вооружение поступили скорострельные игольчатые винтовки системы Карле, 7-линейные, а в дальнейшем — винтовки Бердана со скользящим затвором и 3-линейные¹⁷³.

Военное дело казаки изучали в строевых частях и на сборах. Во время лагерных сборов шло обучение «фронту и стрельбе в цель», причем на время сборов казаки довольствия от казны не получали, «а приходили со своими сухарями и приварком». В строевых частях занятия включали строй, гимнастику, стрельбу, изучение уставов, тактику. Отдельные казаки посылались на учебу по саперному и телеграфному делу. Однако далеко не всегда занятия производились на должном уровне. В одном из приказов по Амурскому войску за 1882 г. констатировалось, что «стрелковое дело в Амурском войске... занимает чуть не последнее место». Неутешительным был и итог смотра молодых казаков Амурского казачьего полка в 1899 г. — «строевая подготовка в неудовлетворительном состоянии»¹⁷⁴.

Но отдельные отрицательные моменты в боевой подготовке Приамурских казачьих войск в целом не уменьшали того большого значения, которые эти войска играли в системе обороны края и охране его границ.

В середине XIX в. казаки восточных окраин страны уже имели определенный опыт участия в боевых действиях. В числе влившихся в состав местного казачества бывших «штрафованных» были участники героической обороны Севастополя в период Крымской войны¹⁷⁵. В отличие от основной массы «штрафованных», исключенных за ненадобность из войскового сословия, эти казаки оставались в составе казачьих войск Дальнего Востока до конца жизни, передавая молодому поколению героические традиции дедов и отцов.

Участвовали казачьи части и в военных действиях периода Крымской войны на дальневосточном театре. Так, среди мужественных участников обороны Петропавловска в 1854 г. от англо-французских агрессоров были и казаки Камчатки. Один из них — Н. Огибалов — служил в Камчатской казачьей команде с 1814 г.¹⁷⁶ В 1855 г. англо-французская эскадра совершила новое нападение на тихоокеанское побережье России. В мае противник подошел к заливу Де-Кастри и после артиллерийского обстрела попытался высадить десант в составе примерно 200 чел.

¹⁷³ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 8, д. 255, л. 45 об. — 46; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 149, оп. 1, д. 491, л. 7; ф. 793, оп. 2, д. 9, л. 13—14 об.

¹⁷⁴ ЦГА БурАССР, ф. 94, оп. 1, д. 80, л. 43 об.; ГААО, ф. 10, оп. 1, д. 33, л. 7 об. — 8; ф. 33, оп. 1, д. 1, л. 26 об. — 27; ЦГВИА, ф. 1447, оп. 3, д. 32, л. 23; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 793, оп. 1, д. 315, л. 93.

¹⁷⁵ ЦГВИА, ф. 1573, оп. 2, д. 249, л. 6, 9 об., 10, 16, 31.

¹⁷⁶ ГАХК, ф. 537, оп. 1, д. 44, л. 22; ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 29, л. 58.

Залив обороняли небольшой отряд казаков-забайкальцев (около 70 чел.) под командованием есаула Пузана и два небольших орудия с прислугой. Казаки сильнеем огнем заставили противника отступить. Потери врага включали пять убитых и до 20 раненых, у русских было лишь трое раненых. Через некоторое время для усиления казачьего отряда в Де-Кастри прибыла новая группа забайкальских казаков (до 450 чел.) и 14-й батальон регулярных войск¹⁷⁷. Не добившись успеха, противник вынужден был отступить.

Впоследствии до конца XIX в. боевых действий на территории русского Дальнего Востока не было. Однако кризисные ситуации на восточных границах России, грозившие перерасти в вооруженный конфликт, имели место. В таких случаях казачьи части принимали участие во всех оборонительных мероприятиях, проводимых в крае. Кроме того, казакам пришлось вести борьбу против многочисленных шакс хунхузов — китайских разбойников, которые проникали через границу на территорию России и грабили местное население. Такие банды появились на Дальнем Востоке уже в 1862 г.¹⁷⁸

Серьезные столкновения с хунхузами произошли в конце 60-х годов XIX в. Связано это было с появлением на юге Приморья (о-в Аскольд) в 1867 г. больших партий китайских золотодобытчиков. По распоряжению русских властей они были изгнаны с острова, но на следующий год здесь появился «более сильный отряд золотоискателей и уже с оружием». Причем вожаки золотодобытчиков поддерживали постоянный контакт с Китаем, получая оттуда продовольствие и боеприпасы, т. е. фактически имело место санкционированное китайскими властями нарушение суверенитета России. Китайцы были вторично изгнаны с острова. Однако они не вернулись на родину, а, переправившись на побережье, организовали банду и занялись грабежом, «убивая варварски всякого русского», который попадался им на пути. Хунхузы уничтожили русский пост в заливе Стрелок, сожгли селения Шкотовское и Никольское и направились к Камень-Рыболову. На борьбу с хунхузами были брошены казаки. В районе Дубининского бандиты были встречены отрядом Уссурийских казаков во главе с подполковником Марковым. Несмотря на то что бандитов было вдвое больше и они имели хорошее вооружение, казаки добились победы¹⁷⁹. В 1868 г. крупные действия банд хунхузов в Южно-Уссурийском крае были ликвидированы¹⁸⁰.

С конца 70-х годов XIX в. международная обстановка на Дальнем Востоке в связи с русско-китайским конфликтом в

¹⁷⁷ Невельской Г. И. Указ. соч., с. 416—417.

¹⁷⁸ ЦГИА СССР, ф. 1315, оп. 1, д. 6, л. 22.

¹⁷⁹ Иванов Р. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1912, с. 138; ЦГИА СССР, ф. 1315, оп. 1, д. 6, л. 1 об.—2 об.

¹⁸⁰ ЦГИА СССР, ф. 1315, оп. 1, д. 7, л. 86 об.

Средней Азии обострилась¹⁸¹. Обстоятельства вынудили Россию «отправить в воды Великого океана значительную эскадру и усилить войска Приморской области». Были укреплены и казачьи части в этом районе: Уссурийский пеший батальон отобилизован в 3-ротном составе, в 1878 г. прибыли Амурский 4-ротный пеший батальон и две сотни конных казаков, а в 1880 г. — две сотни забайкальцев. Уссурийская казачья сотня, получив известие о «возможных неприязненных действиях со стороны Китая», усилила надзор за границей¹⁸².

Одновременно с ухудшением международной обстановки активизировали свои действия банды хунхузов. Одной из важнейших причин этого явилась провокационная деятельность представителей ряда стран, стремившихся ослабить позиции России на Дальнем Востоке. Так, например, проживавший во Владивостоке иностранный подданный купец Кайзер доставил в 1880 г. из Сан-Франциско на своем судне значительную партию магазинных винтовок, большую часть которых выгрузил близ Посьета и продал хунхузам¹⁸³.

Особенно активными были действия китайских разбойников в районе Сучана. Здесь образовался крупный отряд хунхузов, имевший даже артиллерию. Для уничтожения бандитов была направлена крупная часть, включавшая наряду с регулярными войсками казаков (последние были представлены полусотней забайкальцев). Русский отряд успешно выполнил свою задачу, уничтожив крупнейшую банду хунхузов¹⁸⁴.

Казачьи части, прибывшие на усиление войск южного Приморья, после ликвидации конфликтной ситуации вернулись в места постоянной дислокации. В дальнейшем увеличение численности русских войск в крае за счет командирования сюда казаков Забайкалья и Приамурья продолжалось. Так, с 1884 по 1888 г. две сотни забайкальских казаков состояли при Управлении войск Приморской обл., а затем — при Штабе Приамурского военного округа. В конце XIX в. на юге Приморья постоянно дислоцировались забайкальские полки¹⁸⁵.

Важнейшей обязанностью казачества в рассматриваемый период оставалась охрана государственной границы. Казаки несли службу разъездами, наблюдением за китайской стороной. Казачьи станицы, расположенные на берегах Амура и Уссури, фактически выполняли функции пограничных постов: отсюда скомплектованные из жителей станиц казачьи разъезды выходили на охрану пограничных рубежей Российского государства.

¹⁸¹ Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 1, с. 140—142.

¹⁸² ЦГВИА, ф. 5294, оп. 1, д. 79, л. 37; ЦГИА СССР, ф. 1221, т. 16, д. 1, л. 4; ГАО, ф. 33, оп. 1, д. 1, л. 27 об., 28 об.; *Иванов Р.* Указ. соч., с. 160; *Васильев А. П.* Указ. соч., с. 207—212.

¹⁸³ ЦГИА СССР, ф. 1221, т. 16, д. 1, л. 124.

¹⁸⁴ ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 849, л. 17; ф. 1447, оп. 3, д. 31, л. 490—490 об.; ЦГИА СССР, ф. 1221, т. 16, д. 1, л. 6 об.—7 об.

¹⁸⁵ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 6, оп. 1, д. 77, л. 2; ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 849, л. 33; ЦГА БурАССР, ф. 27, оп. 1, д. 1, л. 16.

Казакки служили и на официальных заставах, созданных по русско-китайской границе. Часть застав расквартировывалась в казачьих селениях (например, в станицах Полтавской, Казакевичевой, Козловской, Графской Уссурийского войска). Казаки Амура несли службу на Петровском, Степановском и других пограничных постах¹⁸⁶.

Итак, роль Приамурских казачьих войск в системе обороны Дальнего Востока была весьма заметной. Например, соотношения между войсковым населением и составом строевых частей в военное и в мирное время в целом по казачьим войскам страны выглядело следующим образом: в 1881 г. 100—13,9—2,4%, в 1895 г. 100—12,8—2,0%. То есть в 1895 г. из 100% казачьего населения России (м. п.) в военное время на службе должно было находиться 12,8%, а в мирное—2,0% казаков. Для казачьих войск Приамурского края это соотношение было иным: в 1881 г. 100—25,4—3,8%, в 1895 г. 100—24,0—3,1%. То есть казаки Забайкалья и Дальнего Востока несли большую нагрузку в отношении военной службы, чем в целом казачество страны.

Иным по сравнению с общероссийским было на Дальнем Востоке и отношение численности казачьих частей к регулярным. Для страны в целом оно было следующим (штат казачьих частей мирного времени): 1881 г.—6,6%, 1886 г.—5,7, 1891 г.—6,9, 1896 г.—6,6, 1900 г.—6,3%. Для Дальнего Востока этот показатель выглядел так: 1881 г.—19,7%, 1891 г.—15,3, 1895 г.—11,0, 1902 г.—6,8%.

Таким образом, в системе обороны русского Дальнего Востока во второй половине XIX в. Приамурские казачьи войска играли большую роль, чем в целом казачество в системе обороны России. В то же время в связи с ростом численности регулярных войск удельный вес казачьих частей в общей массе вооруженных сил Дальнего Востока постепенно снижался и к началу XX в. сблизился с общероссийским уровнем¹⁸⁷.

¹⁸⁶ ЦГВИА, ф. 5288, оп. 1, д. 68, л. 10—19 об.; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 793, оп. 2, д. 9, л. 4; ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 136, л. 166 об.

¹⁸⁷ Подсчеты сделаны на основании источников: ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 193, л. 2; ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 859, л. 22—22 об.; Столетие военного министерства, с. 552—553, 689—690; Воинская повинность казачьих войск, с. 444—445; Бескровный Л. Г. Указ. соч., с. 61, 62, 65.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА У ЗАБАЙКАЛЬСКОГО И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КАЗАЧЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Социально-экономическое развитие казачества Приамурского края

В сложной и многоукладной социально-экономической структуре Русского государства казачество играло особую роль. В. И. Ленин характеризовал его как «привилегированное крестьянство». Он подчеркивал, что казаки лучше обеспечены землей, чем крестьяне¹.

В распоряжении казачьих войск находились огромные земельные массивы. В целом по стране в начале XX в. казачьи земли составляли 56 513 742 дес. На этой площади свободно могло бы разместиться несколько европейских государств. На душу мужского пола казачьего сословия приходилось в среднем 32,5 дес., из которых 20 дес. были удобны для хлебопашества².

Положение казачества крайнего востока страны на общероссийском фоне не было исключительным. Среди местного податного населения казаки Забайкальского, Амурского и Уссурийского войск являлись привилегированной частью. Правительство и областная администрация уделяли казачеству больше внимания, чем остальным жителям края³.

Во владение Приамурских казачьих войск были переданы обширные площади земли. В конце XIX в. забайкальские казаки имели войсковую территорию в 8 983 901 дес., в том числе в непосредственном пользовании казачьего населения было 5 334 888 дес. и в свободных землях Акшинского и Троицкосавского уездов — 3 649 013 дес. Казачьи земли составляли 35,9% всей занятой площади Забайкальской обл. Огромные территории были переданы и в пользование амурских и уссурийских казаков. В 1894 г. приамурский генерал-губернатор Духовской отвел в распоряжение правлений Амурского и Уссурийского казачьих

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 315, 410.

² Воробьев Р. Земельный вопрос у казаков. СПб., 1908, с. 6; Гриценко Н. В. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972, с. 57.

³ Крушанов А. И. Октябрь на Дальнем Востоке. Владивосток, 1968, ч. 1, с. 59; Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие юго-восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963, с. 121.

войск почти 15 млн. дес. Эти земли получили название «отвода Духовского». Из общего количества 14 927 000 дес. Амурскому войску было передано 5 785 000 дес., а Уссурийскому — 9 142 000 дес.⁴

Обладая столь обширными территориями, казаки должны были иметь и очень большие земельные наделы. Но практически ситуация была иной. Это было связано с войсковой системой, которая обрекала значительные земельные массивы на бездействие. Так, в целом по России было распахано под посев следующее количество казачьих земель: в Донском войске — 27%, Кубанском — 26, Оренбургском, Терском и Семиреченском — по 6, Астраханском — 4, Уральском — 3, Сибирском — 2%⁵. На Дальнем Востоке эти показатели еще меньше: в Забайкальском войске — 1,9%, Амурском — 0,3 и Уссурийском — 0,1%.

Фактически наделное землепользование в различных казачьих войсках страны было не одинаково, несмотря на существование единого закона о нормах наделения казаков земель (Положение 21 апреля 1869 г.). Реальные нормы зависели от многих причин: величины войсковой территории, численности населения, природных условий и т. д.

В 1896 г. на душу м. п. в отдельных войсках приходилось следующее количество удобной земли: в Сибирском — 35,6 дес., Уральском — 33,8, Оренбургском — 22,9, Астраханском — 21,3, Терском — 16,5, Донском — 14,7, Кубанском — 8,2 дес.⁶

Приамурские казаки обладали большими земельными угодьями: в Забайкальском войске на душу м. п. приходилось 40,9 дес. удобной земли, в Уссурийском — 47,9 и в Амурском — 48,2 дес. Эти средние цифры достаточно велики, по ним можно было бы предполагать общее благополучие казаков. Однако данные по отдельным округам каждого войска показывают иную картину. Так, в Забайкальском войске количество удобной земли, приходившейся на душу м. п., колебалось: от 29,9 дес. в Нерчинско-Заводском административном округе до 47,2 дес. в Акшинском; в Уссурийском — от 41,8 в Донском станичном округе до 54,9 в Казакевичевском; в Амурском — от 19,5 дес. в Черняевском станичном округе до 116,8 дес. в Поярковском (табл. 1). Еще более неравномерно распределялась земля между станицами внутри округов. Например, в Селенгинском округе (Забайкальское войско) казаки Гыгетуйской станицы имели по 12,4 дес., Харьянской — 66,3, а Ара-Киретской — 82,9 дес. удобной земли на душу м. п. В Нерчинско-Заводском округе земельное довольствие станиц колебалось от 14,6 до 101,1 дес. земли на казака, в Акшин-

⁴ Материалы комиссии Куломзина. СПб., 1898, вып. 8, с. 5; Воронина А. Я. К вопросу о землеустройстве Забайкальского казачьего войска. — В кн.: Социально-экономическое развитие Сибири XIX—XX вв. Иркутск, 1976, с. 49; Крушанов А. И. Указ. соч., с. 59.

⁵ Статистический обзор современного положения казачьих войск. СПб., 1903, с. 36.

⁶ Асалханов И. А. Указ. соч., с. 124.

Таблица 1

Распределение наделной земли в отдельных административных и станичных округах казачьих войск Приамурского края в конце XIX в., дес. на душу м. п.*

Название округа	Наделная земля		Название округа	Наделная земля	
	удоб- ная	вся		удоб- ная	вся
Забайкальское казачье войско в среднем	40,9	58,2	Платоно-Александровском	43,9	44,6
в том числе в административных округах:			Донском	41,8	45,6
Акинском	47,2	84,4	Амурское казачье войско в среднем	48,2	53,9
Нерчинском	43,2	53,0	в том числе в станичных округах:		
Читинском	43,2	51,8	Поярковском	116,8	127,0
Селенгинском	42,3	60,4	Иннокентьевском	91,8	100,3
Троицкосавском	31,8	44,2	Раддевском	36,4	47,7
Нерчинско-Заводском	29,9	55,1	Екатерининском	31,5	34,9
Уссурийское казачье войско в среднем	47,9	51,1	Михайло-Семеновском	31,4	34,4
в том числе в станичных округах:			Кумарском	29,8	35,3
Казакевичевском	54,9	57,6	Игнашинском	28,0	34,5
Полтавском	51,7	52,9	Екатерино-Никольском	27,4	29,4
Козловском	47,4	57,5	Албазинском	21,5	26,3
			Черняевском	19,5	24,6

* Составлено на основании источников: Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. СПб., 1902, вып. 2. Землевание Приамурских казаков, с. 37, 44—45; Материалы комиссии Куломзина. СПб., 1899, вып. 8, с. 5; Асаланов А. И. Социально-экономическое развитие юго-восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963, с. 123.

ском округе — от 7,2 до 242,2 дес.⁷ Такое неравномерное распределение земли между станичными обществами казаков способствовало росту экономической дифференциации казачества.

В целом на протяжении рассматриваемого периода землепользование казаков Приамурского края носило хаотический характер. В 1899 г. министр финансов Витте констатировал, что особенно «жгучий» вопрос для Дальнего Востока — казачьи земли, так как «до сих пор не последовало еще законодательным путем отвода земельного надела казачьему населению... Пограничная полоса для казаков определялась различно административными временными распоряжениями генерал-губернаторов»⁸.

Отдельные попытки межевания казачьих земель ограничивались определением фактического пользования и не являлись зем-

⁷ Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. СПб., 1902, вып. 2, с. 38, 45; Асаланов И. А. Указ. соч., с. 123.

⁸ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 704, оп. 5, д. 938, л. 22 об.

леустроительными работами в собственном смысле слова. Межевание технически проводилось неудовлетворительно, в связи с чем нередко были случаи наложения одних участков на другие. Именно так с 1854 г. велись работы в Забайкальском войске. С 1860 г. здесь же начались съемки казачьих земель и определение наделов для станиц. Однако эти работы не были закончены, так как в результате иркутского пожара 1879 г. погибли все подготовленные документы⁹. Ситуацию в Забайкалье осложняло отсутствие единой войсковой территории, чересполосица казачьих, крестьянских, церковных и кабинетских участков. Поэтому главной задачей здесь было разграничение земель Забайкальского войска с землями других владельцев, а затем — разграничение станичных наделов. Вопрос о настоятельной необходимости размежевания неоднократно выдвигался войсковой администрацией. В 1882 г., например, в отчете Забайкальского войска подчеркивалось, что только межевание позволит улучшить обеспечение казаков землей и прекратит «возникающие земельные споры между казачьими обществами и между войсковым и посторонними ведомствами»¹⁰.

В 1897 г. имела место попытка рассмотреть вопрос о недостатке земель в казачьих обществах путем назначения специальной комиссии. Однако только 8 июня 1901 г. было принято Положение об ограничении земель Забайкальского казачьего войска от прочих земель Забайкальской области. Эти работы продолжались в течение многих лет и были закончены лишь в 1912 г., а внутреннее размежевание земель войска так и не было завершено до 1917 г.¹¹

Не лучше обстояло дело и с землеустройством Амурского и Уссурийского казачьих войск. И здесь остро стояла проблема разграничения земель. Еще 21 февраля 1877 г. командир конной бригады Амурского войска просил военного губернатора области ходатайствовать о размежевании земель вверенного ему округа. Но прошло 9 лет, прежде чем было решено начать работы по отводу земельных наделов конным казакам Амура. Эти работы не были завершены до конца XIX в. Практически вплоть до начала XX в. в Амурском и Уссурийском казачьих войсках не были приведены в исполнение ни пункты Положения 1860 г., касающиеся устройства земельной части, ни общие для всех войск страны поземельноустроительные Правила 1869 г. Только в 1885 г. был поднят вопрос о предоставлении амурскому казачеству сплошной войсковой территории, но и он не был разрешен¹².

Всего в конце XIX — начале XX в. в Забайкальском, Амурском и Уссурийском казачьих войсках было размежевано, но

⁹ Воронина А. Я. Указ. соч., с. 48, Асалханов И. А. Указ. соч., с. 122—123.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 1447, оп. 2, д. 22, л. 11 об.

¹¹ ЦГА БурАССР, ф. 116, оп. 1, д. 1283, л. 8; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 5, д. 880, л. 7; Воронина А. Я. Указ. соч., с. 49, 52, 55.

¹² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 149, оп. 1, д. 393, л. 5 об.; ф. 793, оп. 1, д. 98, л. 3; оп. 2, д. 24, л. 57.

законодательно не утверждено следующее количество земли: в Забайкальском войске — около 2 588 000 дес., т. е. 28,8% фактической войсковой территории¹³, в Амурском войске — 1 518 600 дес., т. е. 26,2%, и в Уссурийском — 428 700 дес., т. е. 4,7% территории¹⁴. Таким образом, в результате несовершенства системы землепользования в казачьих войсках Забайкалья и Дальнего Востока значительные массивы плодородной земли не использовались. Эта система не отражала интересов основной массы казачества. Она способствовала появлению социальной неоднородности в его среде.

Верховным собственником казачьих земель была казна. Земли отдельных казачьих войск считались находившимися в их вечном пользовании. Основным законом, регламентировавшим земельное устройство казачьих войск страны, были Правила, изданные 21 апреля 1869 г., по которым все земли делились на три категории: станичная, офицерско-чиновничья и войсковая.

Согласно Правилам 1869 г., «при наделе казачьих станиц отводится им по 30 десятин на душу мужского казачьего сословия». Таким образом, надел рядового казака — 30 дес. соответствовал наделам, утвержденным Положением 1851 г. для Забайкальского и Положением 1860 г. для Амурского казачьих войск. Кроме того, душевая норма не включала земли, расчищенные от леса, кустарника, осушенные от болот и т. д. Казаки имели право пользоваться этими участками в течение 40 лет независимо от отведенного им надела. Станичные земли состояли в общественном пользовании. «Никакая часть земли и никакие угодия, в черте станичного юрта заключающиеся, не могут выходить из владения станичного общества в чью-либо личную собственность», — так гласила 7-я статья Правил 1869 г.¹⁵

Станичный надел отводился по числу душ м. п. Разделение станичных угодий на «пай» и распределение их между жителями зависели от самих обществ. В данном случае важно подчеркнуть следующий момент: к концу XIX в. в большинстве казачьих войск России перешли к общинно-надельной системе землепользования¹⁶. Однако на Дальнем Востоке в течение второй половины XIX в. сохранялось «захватное» право, при котором каждый хозяин мог брать и обрабатывать такой участок, который соответствовал его хозяйственной силе. Таким образом, преимущества при распределении земли имели зажиточные казаки, обладавшие большими экономическими возможностями. Право на пай имели

¹³ ЦГИА СССР, ф. 1274, оп. 1, д. 76, л. 111—111 об. (Данные за 1895 г. Подсчитано нами).

¹⁴ Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения..., вып. 2, с. 33, 41. (Данные за 1901 г. Подсчитано нами).

¹⁵ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 5, д. 880, л. 1, 3 об.; ф. 704, оп. 5, д. 468; *Разумов Н. И.* Забайкалье. Свод материалов комиссии Куломзина. СПб., 1899, с. 69.

¹⁶ *Футорянский Л. И.* Казачество в системе социально-экономических отношений предреволюционной России.— В кн.: Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972, с. 149.

все мужчины, достигшие 17-летнего возраста. Пасм можно было пользоваться лично или передавать его другим лицам, в том числе и не войскового сословия, но только на срок, на который этот пай предоставлялся казаку-пользователю¹⁷.

Офицерско-чиновничье землепользование было иным, чем у рядового казачества. Надел штаб-офицера составлял 400 дес., а обер-офицера 200 дес. Офицерское землепользование носило характер пожизненной собственности. Юридически прав на переход земельных участков в частную собственность, если эти участки находились на территории войска, офицеры не имели. Форма землепользования казачьих офицеров, когда земля давалась за службу на правах пожизненной собственности, была типично феодальной¹⁸. Офицеры получали значительные участки земли, которые тем самым изымались из обращения в войске. В случаях, когда наделной земли не хватало, это непосредственно влияло на обеспечение земель рядовых казаков.

Различия в земельном обеспечении, в правах выделяли казачьих офицеров и чиновников в особый, господствующий слой казачества, верную опору самодержавия. Царизм в свою очередь щедро раздавал казачьи земли офицерству. Так, средний размер пожизненных участков офицеров Уссурийского казачьего войска в 1901 г. составлял 524 дес., что было значительно выше нормы. Многие офицеры использовали свое господствующее положение в войске и при нарезке участков добивались увеличения их площади. Например, в 1899 г. есаул и хорунжий Савицкие получили совместно участок общей площадью 726 дес., хотя по нормам могли рассчитывать только на 400 дес. Обильно обеспечивались землей и жены умерших офицеров. Так, вдове сотника Уссурийского войска Эпова в 1897 г. был отведен участок удобной земли в 100 дес. Нужно иметь также в виду, что офицерам предоставлялось право «просить об отводе таких земель, которые они сами выберут», т. е. в пожизненное пользование офицерско-чиновничьей верхушки войск Забайкалья и Дальнего Востока переходили лучшие участки казачьей земли¹⁹.

В ряде случаев казачья верхушка прибегала и к приобретению земли в частную собственность. В 1870 г., например, приобрел землю в собственность войсковой старшина Амурского казачьего войска Петров, в 1873 г. — сотник того же войска Попов²⁰. Участки находились вне пределов войсковой территории. В 90-х годах приобрел 50 дес. земли в частную собственность казак-предприниматель Шабанов²¹. Однако в целом приобретение

¹⁷ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 5, д. 880, л. 3 об. — 5.

¹⁸ См.: Долгих А. И. О частном землевладении в казачьих областях России. Омск, 1970.

¹⁹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 98, оп. 1, д. 371, л. 9; ф. 149, оп. 1, д. 390, л. 7, 7 об., 17, 39—39 об.; Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения..., вып. 2, с. 41.

²⁰ ЦГАДА, ф. 1296, оп. 1, д. 70, л. 2 об.; д. 71, л. 2; д. 81, л. 1—2; д. 82, л. 2—2 об., 23—23 об.

²¹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 6, оп. 1, д. 247, л. 5—5 об., 129.

земли в частную собственность на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. в связи с большим количеством свободных войсковых земель не приняло широкого размаха.

В третью категорию земель казачьих войск — войсковые запасные земли — входили все земли, оставшиеся свободными после наделения станиц и офицеров, а также земли, оказавшиеся при размежевании излишними в казачьих станицах. Войсковой запас находился в полном распоряжении войсковых правлений. Согласно Правилам 1869 г., эти земли предназначались для дополнения станичных наделов (в случае прироста населения) до необходимых пропорций и для различных надобностей войска. Кроме того, войсковые земли могли быть отданы в аренду частным лицам для извлечения прибыли войску. Сроки аренды различались: от 12 лет (для полеводства) до 99 лет (под заводы, фабрики и т. п.)²².

Фактически же войсковые земли использовались не на благо всего населения войска, а на содержание войсковой верхушки. На прибыли, извлеченные из войсковых запасных земель, существовал большой военно-бюрократический аппарат управления казачьих войск Забайкалья и Дальнего Востока. Практически войсковое землепользование было противопоставлено станичному. Оно расширялось за счет станичных наделов или же препятствовало расширению последних до требуемых норм. Так, войсковое правление Амурского казачьего войска часто искусственным образом сокращало «наделы отдельных селений с целью личной эксплуатации, как оброчных статей войска»²³. Все это в конечном итоге способствовало фактическому мало-земелью среди рядовой массы казачества.

Обстоятельством, влиявшим на земельное обеспечение рядовых казаков, являлась и необходимость наделения землей лиц духовного звания. Причем духовенство получало землю из станичных наделов, т. е. непосредственно за счет рядового казачества. Священнослужители обеспечивались землей согласно Правилам об обеспечении и устройстве духовенства в Приамурском крае от 23 декабря 1859 г. и Положению о приходских попечительствах при православных церквях от 2 августа 1864 г. По этим правилам в надел причту отводилось 300 дес., т. е. десятикратная норма рядового казака. Кроме того, каждой церкви отводилось дополнительно 300 дес. для усиления «средств попечительства». При наличии в церковном приходе нескольких селений 300-десятинный надел причта нарезался частями из земель каждого селения пропорционально числу жителей²⁴.

Практически церкви владели наделами, превышающими норму. Так, в 1899 г. 39 церквей и соборов в Приморской обл. имели 12 776 дес., т. е. в среднем 421,1 дес. на церковь; в Амурской обл.

²² Там же, ф. 702, оп. 5, л. 880, л. 5 об. — 6 об.

²³ ГААО, ф. 10, оп. 1, д. 28, л. 2.

²⁴ ГАИО, ф. 39, оп. 3, д. 210, л. 87; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 149, оп. 1, д. 509, л. 122; ф. 704, оп. 7, л. 553, л. 3; ф. 793, оп. 1, д. 98, л. 6.

18 церквей и соборов имели 8002 дес. — в среднем по 319,4 дес. Значительная часть этих земель была нарезана за счет казачества: только на территории Уссурийского войска в 1899 г. монастыри и церкви владели 6253 дес. земли. В отличие от земельных участков рядовых казаков пай духовенства не облагался сборами на содержание станичного управления и различные общественные надобности²⁵.

Такова была система землепользования в казачьих войсках Забайкалья и Дальнего Востока. Отражая в основном интересы господствовавшего слоя, эта система способствовала проявлению экономической и социальной дифференциации казачества.

Масса крепостнических пережитков опутывала и сдерживала развитие капиталистических отношений в казачьих станицах. Но капитализм все более проникал в казачью среду и разлагал это сословие. На рубеже XIX — XX вв. среди казачества Забайкалья и Дальнего Востока уже достаточно ярко проявилось социально-экономическое расслоение.

При характеристике процесса капиталистического расслоения среди казачества необходимо пользоваться ленинским методом группировки по хозяйственной состоятельности²⁶. В. И. Ленин подчеркивал, что группировка статистических данных является классовым орудием, что неверная группировка создает картину *«притупления классовых противоречий в капитализме. От этого получается не менее фальшивое и не менее нравящееся буржуазии прикрашивание положения мелких земледельцев, получается апологетика капитализма»*²⁷. В качестве примера неправильной группировки В. И. Ленин приводил группировку «по наделу». Он убедительно доказал, что получаемые при этом средние данные *«затушевывают разложение и являются потому чисто фиктивными»*²⁸. В соответствии с ленинским методом за основу группировки казачьих хозяйств необходимо принять обеспеченность их посевом и основными средствами производства, а также учитывать распределение среди казаков скота, наем и отпуск рабочей силы, аренду земли и т. д.

К сожалению, для казачьих хозяйств Забайкалья и Дальнего Востока второй половины XIX в. отсутствуют полные статистические данные, позволяющие сделать четкие и законченные выводы о степени капиталистического разложения этих хозяйств. Затруднено и точное определение границ социальных групп (бедняки, середняки, кулаки) среди казачества края. Однако и имеющиеся статистические данные безусловно показывают значитель-

²⁵ Петров В. Ф. Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. — В кн.: Сборник узаконений о поземельном устройстве станиц и проживающих в казачьих селениях лиц невойскового сословия и разъяснением закона Сенатом и Военным советом. СПб., 1911, с. 38; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 5, оп. 1, д. 91, л. 21; ф. 704, оп. 5, д. 938, л. 42.

²⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 95—96, 112—113.

²⁷ Там же, т. 27, с. 193.

²⁸ Там же, т. 3, с. 94.

ную глубину капиталистического разложения хозяйств приамурских казаков.

К концу XIX в. в Забайкальском казачьем войске выделялось три группы станиц: земледельческие, скотоводческие и так называемые промежуточные. В первой группе в среднем на хозяйственный двор приходилось: пашни — 9,4 дес., лошадей — 6,5 головы, крупного рогатого скота — 8,3 головы. В группе скотоводческих хозяйств эти показатели были следующие: пашни — 3,3 дес., лошадей — 17 голов, крупного рогатого скота — 24 головы. Хозяйства станиц промежуточной группы в среднем имели: пашни — 6,2 дес., лошадей — 7,2 головы, крупного рогатого скота — 10,7 головы²⁹.

Станицы Амурского и Уссурийского казачьих войск вплоть до конца XIX в. еще не имели четко выраженной хозяйственной специализации. Поэтому их безусловно можно отнести, по аналогии с Забайкальем, к промежуточным. По имеющимся статистическим данным, охватывающим около 82—83% хозяйств Амурского войска, в 1895 г. в среднем на казачий двор приходилось: пашни — 6,6 дес., лошадей — 8,4 головы, крупного рогатого скота — 8,5 головы³⁰. Таким образом, средние показатели по хозяйствам амурских казаков были близки к средним показателям по хозяйствам забайкальских казаков, проживавших в поселках промежуточной группы.

Для характеристики социально-экономического разложения забайкальских и амурского казачества можно сравнить группировки хозяйств по пашне (для получения сопоставимых результатов в Забайкалье берутся хозяйства промежуточной группы). В Забайкалье 45,2% казаков не имели пашни или сеяли до 5 дес. В то же время 20,5% засеивали по 10 дес. и более. В Амурском войске без посева и сеявших до 5 дес. было 38,8% хозяйств, а засеивавших 10 дес. и более — 23,6% (табл. 2).

Приведенные цифры говорят о том, что благосостояние казаков на Амуре в конце XIX в. было выше, чем в Забайкалье. Здесь выше процент зажиточных и ниже — бедняцких хозяйств. С другой стороны, большая поляризация крайних групп в Забайкальском войске (45,2—20,5%) по сравнению с Амурским (38,8—23,6%) позволяет сделать вывод о более выраженной социально-экономической дифференциации казаков Забайкалья. В руках зажиточной группы казачества концентрировались значительные земельные площади. Так, на Амуре 23,6% зажиточных хозяйств владели 48,3% всей посевной площади, а 38,8% хозяйств бедняков имели только 13,55% посевов³¹.

Для уточнения картины социально-экономического расслоения казачества необходимо остановиться на положении дел в

²⁹ Асалханов И. А. Указ. соч., с. 230—236.

³⁰ ГААО, ф. 11, оп. 1, д. 97, л. 1—103 об. Здесь и далее статистика хозяйств амурских и уссурийских казаков рассчитана нами на основании приводимых источников.

³¹ ГААО, ф. 11, оп. 1, д. 97, л. 1—103 об.

Таблица 2

*Дифференциация забайкальских и амурских казачьих хозяйств по размерам посева в 1895 г., %**

Группа хозяйства	Забайкальское казачье войско	Амурское казачье войско	
Без посева	10,7	8,0	* Составлена на основании источников: ГААО, ф. 11, оп. 1, д. 97, л. 1—103; Асалханов А. И. Социально-экономическое развитие юго-восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963, с. 235.
до 3 дес.	16,7	12,2	
3—5 дес.	17,8	18,6	
6—9 дес.	34,3	37,6	
10 дес. и выше	20,5	23,6	

скотоводстве. Среди амурских казаков безлошадные или имевшие одну — пять лошадей хозяйства составляли 37,4%. В то же время 25,9% хозяйств имели 11 и более лошадей. Соотношение крайних групп здесь близко к подобному соотношению при группировке хозяйств по пашне (37,4—25,9% и 38,9—23,6%). В руках зажиточной верхушки концентрировалась большая часть лошадей: 25,9% дворов владели 53,5% всех лошадей³². В хозяйствах промежуточной группы Забайкальского войска группировка по количеству лошадей дает почти такое же соотношение между низшими, средними и высшими группами, как и группировка по пашне³³.

В конце XIX в. среди амурских казаков резкая дифференциация наблюдалась и при распределении крупного рогатого скота. Хозяйства без скота и имевшие одну — четыре головы скота составляли 33,9%, а более 10 голов на двор — 28,3%. В руках последних было сосредоточено 59,7% крупного рогатого скота, на долю же малоимущих приходилось всего 8,3% поголовья³⁴.

Таким образом, статистические данные конца XIX в. свидетельствуют о значительном социально-экономическом расхождении казачьих хозяйств Забайкалья и Дальнего Востока. В первые годы XX в. этот процесс получил дальнейшее развитие.

Имеющиеся данные позволяют сравнить состояние амурских казачьих хозяйств в 1895 и 1901 гг.: процент хозяйств, не имевших посевов и севших до 5 дес., возрос с 38,8 до 55,1, а засевавших 10 дес. и более снизился с 23,6 до 14,6. Разрыв между крайними группами принял уже резкий характер (табл. 3).

Еще более резкая поляризация казачьих хозяйств по количеству пашни наблюдалась в Уссурийском войске, по данным 1901 г. Беспашенных и сеющих до 5 дес. хозяйств здесь было 60,5%, а засевавших 10 дес. и более — 13,0%. При сравнении

³² Там же.

³³ Асалханов И. А. Указ. соч., с. 235.

³⁴ ГААО, ф. 11, оп. 1, д. 97, л. 1—103 об.

Таблица 3

*Дифференциация хозяйств казаков Амурского войска по размерам посева в 1895 и 1901 гг., %**

Группа хозяйства	1895 г.	1901 г.	
Без посева	8,0	10,7	* Составлена на основании источников: ГААО, ф. 11, оп. 1, д. 97, л. 1—103; Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. СПб., 1902, вып. 3, с. 305—319.
до 3 дес.	12,2	19,1	
3—5 дес.	18,6	25,3	
6—9 дес.	37,6	30,3	
10 дес. и выше	23,6	14,6	

Таблица 4

*Распределение казачьих хозяйств Амурского и Уссурийского войск по размерам посева в 1901 г., %**

Группа хозяйства	Амурское	Уссурийское**	
Без посева	10,7	34,4	* Составлена на основании источника: Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск, вып. 3, с. 5—19, 321—384.
до 3 дес.	19,1	11,8	
3—5 дес.	25,3	14,3	
6—9 дес.	30,3	26,5	
10 дес. и выше	14,6	13,0	** Данные касаются всех хозяйств, включая старожилов и новоселов.

этих показателей с аналогичными данными по Амурскому войску за 1901 г. можно сделать вывод о большей хозяйственной состоятельности казаков Амура (табл. 4). Однако этот вывод нуждается в серьезном уточнении. И связано это с наличием переселенческого движения.

Как уже было сказано выше, с 60-х годов XIX в. в Амурское войско не было крупных потоков казаков-переселенцев. Начавшееся в середине 90-х годов переселение на Дальний Восток казаков из войск европейской части России затронуло практически лишь Уссурийское войско. Первые переселенцы на Амур прибыли только в 1901 г. в количестве 78 семей. Таким образом, из учтенных в статистических материалах за 1901 г. 3070 семей амурских казаков новоселы составляли всего 2 5%. Иное положение наблюдалось в Уссурийском войске: в течение 1895—1901 гг. сюда прибыло значительное количество новоселов. Из учтенной в 1901 г. 2231 семьи новоселы составляли 1138, т. е. более 51% всех хозяйств. Многие из них не смогли еще обзавестись хозяйством и находились в крайне тяжелом материальном положении. Именно они давали основной процент беспашенных и малосеющих хозяйств. Например, из прибыв-

Таблица 5

Распределение уссурийских казачьих хозяйств по размерам посева в 1901 г., % *

Группа хозяйства	В целом по войску	В том числе		
		старожилов	новоселов	
Без посева	34,4	12,1	55,8	* Составлена на основании источника: Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск, вып. 3, с. 354, 355, 356, 373, 375.
до 3 дес.	11,8	9,9	13,5	
3—5 дес.	14,3	19,5	9,3	
6—9 дес.	26,5	38,1	15,5	
10 дес. и выше	13,0	20,4	5,9	

ших в войско в 1901 г. 297 семей посеяли хлеб в том же году только 7³⁵.

Для получения более объективной картины по Уссурийскому казачьему войску необходимо из общих показателей 1901 г. выделить данные по хозяйствам старожилов и новоселов (табл. 5). В таком случае можно сделать вывод, что уссурийские казаки-старожилы по сравнению с амурскими казаками были более состоятельными. Соотношение крайних групп у первых — 41,5 и 20,4%, у вторых — 55,1 и 14,6% (табл. 6). Что касается казаков-новоселов Уссурийского войска, то делать окончательные выводы о соотношении социальных групп на основе данных 1901 г. нельзя, так как хозяйства многих из них только начинали набирать силу. Можно лишь с уверенностью сказать, что именно эта категория давала большую часть наемных работников (из казачества), труд которых использовался в хозяйствах богатых казаков.

Влияние переселенческого движения на хозяйственное состояние казачества ярко показывает группировка хозяйств Уссурийского войска по числу лошадей. Характер источников не позволил выделить хозяйства старожилов и новоселов. Отсюда крайне высокий процент низшей группы: 71,8% всех хозяйств были безлошадные или владели одной — пятью лошадьми, а 6,3% хозяйств — 11 и более, причем на долю последних приходилось 20,7% всех лошадей, а первые имели только 41,8% лошадей. По данным 1901 г., из 8887 лошадей в Уссурийском войске старожилы имели 7021, т. е. 79%, а новоселы — 1866, т. е. 21%³⁶.

Таким образом, зажиточная верхушка забайкальского, амурского и уссурийского казачества владела значительными пашенными участками, большим количеством лошадей и другого скота. Например, в поселке Донском Амурского войска у

³⁵ Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. СПб., 1902, вып. 1, с. 50; вып. 3, с. 375.

³⁶ Там же, вып. 3, с. 357, 373, 375.

Таблица 6

*Дифференциация казачьих хозяйств Амурского и Уссурийского войск по размерам посева в 1901 г., %**

Группа хозяйства	Амурское (в целом)	Уссурийское (только старо- жилы)	
Без посева	10,7	12,1	* Составлена на основании источника: Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск, вып. 3, с. 305—319, 354—356.
до 3 дес.	19,1	9,9	
3—5 дес.	25,3	19,5	
6—9 дес.	30,3	38,1	
10 дес. и выше	14,6	20,4	

казака Козырева было 23 дес. посева, 11 лошадей, 21 голова крупного рогатого скота; у Петрова — 35 дес., 21 лошадь, 13 голов скота; у Бирюкова — 31 дес., 30 лошадей, 27 голов крупного рогатого скота. У шести казаков Манкечурской станицы Забайкальского войска было в среднем по 34 лошади, 12,5 дес. пашни. В Уссурийском войске в 1902 г. казаки Толстоногов и Кольчинский имели по 23 лошади, Мурзин — 25, Лесников и Аграпатов — по 32, а братья Щетинины — 41 лошадь. Эти казаки проживали в поселках Шереметьевском, Кедровском, Корсаковском, Графском, Нижне-Михайловском, Софье-Алексеевском³⁷.

Различная хозяйственная состоятельность отдельных казачьих семей отражалась и в стоимости их имущества. Например, у забайкальского казака Филиппова она равнялась 120 руб., а у амурских казаков Горбунова, Перминова и Федореева — 200, 300 и 450 руб. соответственно. Зажиточные казаки имели имущества на значительно большую сумму. Так, забайкалец Гурулев — на 854 руб., амурские казаки Козлов — на 1000, Карепов — на 1180, Кузнецовы — на 1200, Игнитов — на 1264 руб.³⁸

Одним из показателей проникновения капитализма в казачьи станицы являлось наличие арендных отношений. Развитие процесса сдачи и взятия в аренду земли обуславливалось многими обстоятельствами, и прежде всего обеспеченностью земельными угодьями и степенью капиталистического разложения казачества. В целом из-за наличия значительных земельных площадей и захватной формы землепользования арендные отношения на востоке страны во второй половине XIX в. не получили широкого распространения. На это указывал и

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 8, д. 97, л. 8 об., 10 об., 73 об., 104 об., 206 об.; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 793, оп. 1, д. 280, л. 22 об.—23, 4 об.—5, 15 об.—16; Асалханов И. А. Указ. соч., с. 235.

³⁸ ЦГВИА, ф. 13421, оп. 1, д. 6, л. 113, 114 об.—116 об., 118 об.—122; ЦГА БурАССР, ф. 94, оп. 1, д. 103, л. 1, 14.

В. И. Ленин³⁹. Но в определенной степени арендные отношения имели место и в Забайкалье и на Дальнем Востоке, причем в Забайкалье они получили большее развитие. Особо следует отметить наличие аренды покосов в Забайкальской обл. К ней здесь прибегало около $\frac{1}{4}$ всех хозяйств, что было связано со значительным развитием скотоводства. В скотоводческой группе хозяйств Забайкальского войска арендовали покосы 32,2% хозяев, в то время как в земледельческой группе — 28, а в промежуточной — 27,5%. 24,6% необходимых сенокосных угодий забайкальские казаки арендовали у Кабинета. Аренда пашни в Забайкалье получила меньшее развитие. Так, стесненные в земельном отношении казачьи хозяйства арендовали у Кабинета 11% необходимой им пашенной земли⁴⁰.

Сдача и взятие в аренду земли в Амурском и Уссурийском казачьих войсках обуславливались в большей степени наличием свободных рабочих рук, а в меньшей — нехваткой земли. Так, в Амурской обл. во второй половине XIX в. из-за отсутствия свободных рабочих рук арендные отношения не получили заметного развития. Иное положение было в Уссурийском казачьем войске. Большой приток в конце XIX в. переселенцев, а также пришлого населения (в основном корейцев) обусловил наличие в Уссурийском крае значительного количества свободных рабочих рук. Уссурийские казаки сдавали в аренду большое количество пахотной и огородной земли. Так, в 1901 г. при собственной запашке в 10 627 дес. казаки сдавали в аренду 4772 дес., т. е. 44,9% от собственной запашки. Правда, в это количество входили и земли, сданные в аренду обществом в целом или даже войском. Такого рода аренда заключалась в сдаче участков под пашню, каменоломни, строительство зданий, производственных объектов и т. д. Но значительное количество земли сдавалось в аренду и отдельными хозяевами. В поселке Богуславском, например, 29 хозяев сдавали в аренду 441 дес. пахотной земли⁴¹. В роли арендаторов чаще всего выступали корейцы. Так, в восьми поселках Уссурийского войска (взяты выборочно) из 174 хозяев сдавали землю 32, в том числе корейцам — 31. Формы арендных отношений были различны. Из сданных в этих поселках 143 дес. 114 дес. были сданы исполу. В этом случае скот и орудия были казаков-хозяев. 25,5 дес. сдавались «из доли» ($\frac{1}{2}$), причем скот и орудия были корейские. За деньги сдавалось 3,5 дес., в том числе по цене: за пашню — 16 руб. за десятину, за огород — от 60 до 160 руб. за десятину. Таким образом, казаки данных поселков сдавали

³⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 116.

⁴⁰ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976, с. 109; Асалханов И. А. Указ. соч., с. 232, 234, 236; Воронина А. Я. Указ. соч., с. 48.

⁴¹ ГААО, ф. 10, оп. 1, д. 4, л. 31; д. 29, л. 1—3; Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения..., вып. 3, с. 267—268, 318—319, 358, 356.

в аренду 18,8% всей обработанной земли. По форме исполу сдавалось 79,7% земли, «из доли» — 17,8, за деньги — 2,5%. Иногда уссурийские казаки сдавали землю в аренду крестьянам. Например, в 1901 г. казак поселка Графского сдал в аренду крестьянину с. Введенского 10 дес. пашни по 7 руб. за десятину⁴².

Существовала и аренда земли казаками. В поселке Комиссаровском, например, казаки арендовали войсковую землю в количестве 10 дес., так как не хватало собственного падела. Вынуждены были арендовать землю и казаки-новоселы. Часто это осуществлялось в форме взятия в долг земли у богатых родственников-старожилов, как было в поселке Ново-Михайловском. Оплата аренды производилась в виде отработки⁴³.

Одним из важнейших показателей развития капиталистических отношений является применение наемного труда. К сожалению, для казачьих войск Приамурского края второй половины XIX в. почти нет обобщающих данных по этому вопросу. Но и имеющиеся материалы позволяют сделать вывод о значительном распространении наемного труда в хозяйствах казаков.

В Забайкалье в конце XIX в. нанимали работников, годовых и сезонных, 10,3% казачьих хозяйств, отпускали работников 25,6% хозяйств земледельческой группы станиц. В промежуточной группе к найму прибегало 10,1% хозяйств, а отпускало — 28,3%. В скотоводческой группе нанимали работников 13,8%, а отпускали — 31,7% хозяйств⁴⁴. Казаки брали работников, в частности, для покоса и вывозки сена. Так, нанимал двух крестьян казак Туринской станицы Комоконов⁴⁵.

Для выявления размеров применения наемного труда в Амурском и Уссурийском казачьих войсках можно использовать лишь косвенные данные, специально не относящиеся к казачьим станицам, но учитывающие их. Речь идет о материалах «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.» В связи с тем что в Амурской обл. казачье население официально не было выделено в особую административную единицу, а процент его к общему населению области составлял всего 17,9%, общую цифру использования наемного труда в области (а здесь всего 12% хозяйств использовали наемный труд) можно применить и к казачьим хозяйствам, но с большой долей условности⁴⁶.

Более точные данные переписи 1897 г. дают для характеристики применения наемного труда в хозяйствах уссурийских казаков. Большинство населения Уссурийского войска

⁴² ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 37, л. 21—24, 29—37, 57—64, 69—75, 81—86.

⁴³ Там же, л. 29—33; Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения..., вып. 3, с. 264.

⁴⁴ Асалханов И. А. Указ. соч., с. 232, 234, 236.

⁴⁵ ЦГА БурАССР, ф. 89, оп. 1, д. 461, л. 1—3.

⁴⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1899, т. 72. Амурская область, тетр. 1, с. 1—13.

было сконцентрировано в Уссурийском округе, в котором казаки составляли 50,6%. Наемный труд в этом округе применяли 18,2% хозяйств⁴⁷. Именно эту цифру можно распространить с достаточной достоверностью на хозяйства уссурийских казаков. Чаще всего здесь работники нанимались из числа корейского населения. Так, в поселке Чичаговском 13 семей казаков нанимали корейцев на покос трав; на уборке хлебов работали корейцы в поселке Ильинском, пять работников нанимали две семьи казаков в поселке Бусевском. У Марковского поселкового атамана Коренева трудились на земле пять корейцев⁴⁸. Пополняли ряды наемных работников и представители беднейших семей казаков, вынужденные таким путем добывать себе средства к существованию. Например, в станице Михайло-Семеновской Амурского войска у сотника Вертопрахова в найме был Н. Попов⁴⁹. Оплата труда наемного работника зависела от ряда обстоятельств: со своими орудиями или без нанимался человек, в какое время года и т. д. В Амурском районе работник без лошади получал от 1 руб. до 2 руб. 50 коп., с лошадей — от 1 руб. 50 коп. до 4 руб. 50 коп., с парой волов — от 3 руб. 50 коп. до 6 руб. В Уссурийском крае пеший поденщик получал в ряде случаев лишь 30 коп. в день, а поденщица — 20 коп. За снятие десятины хлеба в поселках Уссурийского войска платили до 9 руб.⁵⁰

С развитием капитализма в казачьих станицах Забайкалья и Дальнего Востока ширилось применение усовершенствованных сельскохозяйственных машин. Вопрос о распространении таких машин в Амурском войске поднимался еще в 1880 г. В 1887 г. было решено организовать продажу машин для казаков Забайкальского войска. Наиболее удобным было признано доставлять машины через склад во Владивостоке, а не через Москву. Пользовались спросом жатвенные машины, сенокосилки «Виктория», молотилки «Триумф», плуги «Сакко» и др. В конце XIX в., по выборочным данным, только в четырех поселках Забайкальского войска имелись 34 усовершенствованных сельскохозяйственных агрегата. В целом по войску этот показатель был во много раз большим. Среди указанных 34 машин были: 3 жатки, 3 молотилки, 6 веялок, 8 сенокосилок, 14 грабельных машин⁵¹.

В Амурском и Уссурийском войсках в 1901 г. у населения были: 253 сложные сельскохозяйственные машины, 3352 заводских плуга, 2128 самодельных плуга. Сложные сельскохозяй-

⁴⁷ Там же, т. 76. Приморская область, тетр. 1, с. 1—15, 40—43.

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 37, л. 34—37, 57—60, 69—72, 73—75.

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 13421, оп. 1, д. 4, л. 5.

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 37, л. 57—60; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 98, оп. 1, д. 178, л. 31—32; ф. 793, оп. 1, д. 245, л. 19—19 об., 89—89 об.; ГААО, ф. 15, оп. 1, д. 104, л. 20 об.

⁵¹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 5, д. 9, л. 7, 33—33 об.; *Асалханов И. А.* Указ. соч., с. 232.

Таблица 7

*Распределение сельскохозяйственных орудий, находившихся в пользовании казаков Амурского и Уссурийского войск в 1901 г.**

Орудия	Амурское		Уссурийское	
	абс.	%	абс.	%
Все	3660	100	2103	100
в том числе:				
сложные земледельческие машины	176	4,9	107	5,1
заводские плуги	1810	49,4	1542	73,3
самодельные плуги	1674	45,7	454	21,6

* Составлена на основании источников: Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск, вып. 3, с. 318—319, 354—357.

ственные машины имели 5,3% казачьих хозяйств, заводские плуги — 63,2 и самодельные плуги — 40,1% хозяйств. Амурские казаки в целом были несколько лучше обеспечены сельскохозяйственными орудиями, но по наиболее совершенным орудиям — земледельческим машинам и заводским плугам — преимущество было на стороне уссурийцев (табл. 7). Сельскохозяйственные машины реализовывались со специальных складов. В ряде случаев зажиточные хозяева получали машины в долг. Например, так приобрел молотилку стоимостью 145 руб. казачий сотник Шестаков⁵².

К концу XIX в. по сравнению с более ранним периодом количество приобретаемых казаками усовершенствованных сельскохозяйственных орудий возросло. Это можно проследить по данным двух поселков Уссурийского войска — Новокачалинского и Комиссаровского. За 10 лет, с 1891 по 1900 г., казаки этих поселков приобрели всего 75 единиц усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий, в том числе плуги, веялки, жатки, молотилки, куколотборники, круподерки, телеги на железном ходу. Из 75 единиц 65 — однолемешные плуги и 10 — сложные машины. За 5 первых лет было приобретено всего 11 единиц, из них — четыре сложные машины. В течение следующих 5 лет казаки приобрели уже 64 единицы, включая шесть сложных машин. Таким образом, во втором пятилетии было приобретено в 5,8 раза больше усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, в том числе в 1,5 раза больше сложных машин⁵³.

Широкое проникновение капитализма в казачью станицу Забайкалья и Дальнего Востока обуславливалось развитием товарно-денежных отношений. Все большее количество казачьих

⁵² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 521, оп. 1, д. 426, л. 73 об.

⁵³ ЦГВИА, ф. 1582, оп. 5, д. 17, л. 1—142. Подсчитано нами.

хозяйств принимало участие в купле-продаже хлеба. По выборочным данным за 1901 г., из 125 хозяйств восьми поселков Уссурийского войска только 47, т. е. 37,6%, не продавали и не покупали хлеба. 56 хозяйств (44,8%) вынуждены были прикупать хлеб: всего они купили 6661 пуд., в среднем по 119 пуд. на хозяйство. 22 хозяйства хлеб продавали (17,6%): ими было продано 4315 пуд., по 196,1 пуд. на хозяйство. Отдельные хозяйства продавали по 300 и даже по 700 пуд. зерна⁵⁴.

В казачьих станицах появились представители торгово-ростовщического капитала — скупщики. Они скупали у казаков по низким ценам продукты, а затем по более дорогой цене продавали их, получая высокую прибыль. Типичным представителем этой категории населения был один из казаков поселка Ильинского Уссурийского войска, который держал лавку, занимался скупкой хлеба по низким ценам, а при возрастании спроса продавал хлеб по высоким ценам⁵⁵.

Среди казачьего населения Забайкалья и Дальнего Востока росла прослойка казаков-предпринимателей, которые занимались торговлей, держали промышленные заведения, продавали хлеб и скот, арендовали рыбалки. Это были представители нарождавшейся буржуазии. К ним можно отнести: казака поселка Графского Уссурийского войска Колышкина, который поставлял лес на железную дорогу и нанимал для этой цели 50 корейцев; отставного урядника Амурского полка Глотова, разрабатывавшего залежи извести; старшего урядника Амурского войска Кривоносова, который арендовал в 1887 г. на Амуре рыбалку и занимался продажей рыбы. А урядник того же войска Киселев в конце XIX в. имел рыбный промысел с годовым оборотом в 3 тыс. руб. Продавали зерно и скот казаки Вараксин и Образцов поселка Донского Амурского войска. У первого было 53 дес. посева, 26 лошадей, 17 голов крупного рогатого скота, а у второго — 98 дес. посева, 49 лошадей и 33 головы крупного рогатого скота⁵⁶.

Значительное количество казаков-предпринимателей занимались торговлей. Еще 23 июня 1857 г. в Забайкальском войске было учреждено торговое общество из 50 чел. В 1861 г. состав общества увеличился до 150 чел. Однако в 1870 г. торговое общество Забайкальского войска было упразднено, а торговля стала вестись на основе частной инициативы. Для получения права на торговлю достаточно было приобрести торговое свидетельство, дававшее еще и освобождение от службы⁵⁷. Таким

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 37, л. 29—33, 49—75.

⁵⁵ Там же, л. 58.

⁵⁶ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 704, оп. 3, д. 168, л. 1; оп. 5, д. 930, л. 8—9; ф. 793, оп. 1, д. 280, л. 3 об.—4, 6 об.—7; ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 37, л. 81—86.

⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 6, д. 231, л. 2—3; оп. 9, д. 59, л. 21—21 об.; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 704, оп. 3, д. 937, л. 1—3 об.; ГАЧО, ф. 30, оп. 3, л. 166, л. 98, 100.

способом избавления от военной службы часто пользовалась зажиточная верхушка казачества. В целях поощрения предпринимательской деятельности в 1873 г. в Забайкальском войске имела место попытка создать Войсковой казачий общественный банк, но министр финансов не поддержал эту идею⁵⁸.

Одним из крупнейших торговцев и предпринимателей Забайкалья в конце XIX в. являлся казак Чиндаитского поселка С. Шестаков. В его хозяйстве было 22 087 голов скота, он имел сельскохозяйственные орудия стоимостью 1750 руб., нанимал 34 годовых и 12 сроковых работников⁵⁹.

В крупного капиталиста превратился казак Уссурийского войска В. Шабанов. Бывший мещанин, зачисленный в 1895 г. в войсковое сословие, он имел в 1896 г. имущества на 25 570 руб. Шабанов приобрел в частную собственность участок земли (50 дес.), на котором построил дом, здание лесопилки, мельницу и другие сооружения. Построенные предприятия были оснащены современными машинами: 12-сильным локомотивом стоимостью 5 тыс. руб., лесопильной машиной за 2,3 тыс. руб., другими станками и механизмами на 1,3 тыс. руб. Стоимость паровой мельницы оценивалась в 3 тыс. руб. Шабанову принадлежали сельскохозяйственные машины на сумму 2,07 тыс. руб., большой сад, пасака и т. д. В конце XIX в. на лесопильном предприятии Шабанова работали 70 рабочих⁶⁰.

Казачество выдвинуло и ряд других крупных представителей буржуазии. Из 232 крупнейших капиталистов Забайкальской обл. конца XIX — начала XX в. восемь представляли казачье сословие. Среди них, кроме Шестакова, были братья Полутовы, Тюменцев и др. Наиболее значительно казачий капитал был представлен в золотопромышленности Восточного Забайкалья⁶¹.

С другой стороны, капиталистическое расслоение забайкальского и дальневосточного казачества обусловило выделение из его среды пролетарского элемента. Неимущие казаки служили одним из источников формирования рабочего класса забайкальской золотопромышленности⁶². Выходцы из казачьего сословия составляли значительный процент среди строите-

⁵⁸ ГАИО, ф. 24, оп. 8, д. 14, л. 160—160 об.

⁵⁹ Асалханов И. А. Указ. соч., с. 233.

⁶⁰ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 6, оп. 1, д. 247, л. 5—5 об., 113—118, 120—121, 125—129; Сильницкий А. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край. Хабаровск, 1901, с. 69—73.

⁶¹ Рабинович Г. Х., Солопий Л. А. Крупная буржуазия Забайкалья (1895—1914 гг.).— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1975, вып. 17, с. 197, 201; Солопий Л. А. Предпринимательская деятельность буржуазии в золотодобывающей промышленности Забайкальской области в конце XIX — начале XX в.— Там же, с. 154, 159, 164, 168.

⁶² Патронова А. Г. К истории формирования рабочих кадров в кабинетской золотодобывающей промышленности Восточного Забайкалья.— В кн.: Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968, с. 56.

лей забайкальского участка Транссибирской железной дороги⁶³. Среди русских рабочих, занятых на обрабатывающих предприятиях Владивостока, в начале XX в. представители местного казачества составляли около 1%⁶⁴. Казаки работали на судах «Амурского товарищества», на железнодорожном транспорте, служили на телеграфе и т. д.⁶⁵

Таким образом, в течение второй половины XIX в. в среде местного казачества проходил интенсивный процесс капиталистического расслоения, развивались отношения, основанные на товарном хозяйстве, найме рабочей силы, использовании техники. «Введенный царизмом уравнильный порядок землевладения ни в Забайкалье, ни на Дальнем Востоке не мог задержать капиталистического развития аграрных отношений и разложения хозяйств... казаков»⁶⁶. В результате социально-экономической дифференциации казачества на одном полюсе появились богатые, предпринимательские хозяйства, крупная буржуазия, а на другом — хозяйства бедняков, пролетарии.

Классовая борьба у забайкальского и дальневосточного казачества

Классовая борьба у казачества Забайкалья и Дальнего Востока развивалась на фоне общероссийской народной освободительной борьбы против угнетателей и являлась ее составной частью. В. И. Ленин, характеризуя развитие освободительного народного движения в России, выделял три периода: «... 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895...»⁶⁷.

Подлинного размаха освободительное движение достигло лишь с наступлением пролетарского этапа, т. е. с конца XIX в. Но и предшествующие годы вписали в историю этого движения немало ярких, героических страниц. Материалы второй половины XIX в. содержат большое количество фактов, иллюстрирующих стремление трудящихся масс, в том числе и казаков, отстаивать свои права и добиться улучшения своего положения.

Главной предпосылкой развертывания классовой борьбы, возникновения революционных настроений среди казачества Забайкалья и Дальнего Востока являлось социально-экономическое и политическое неравенство. Капитализм пустил глубоко-

⁶³ Борзунов В. Ф. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. М., 1965, с. 32.

⁶⁴ Вильчинский Ф. Л. Рабочие силы промышленных предприятий Приморской области. Владивосток, 1904, прил. 1.

⁶⁵ ЦГВИА, ф. 13421, оп. 1, д. 10, л. 27; ф. 1582, оп. 2, д. 595, л. 35—36; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 793, оп. 1, д. 315, л. 2, 4—6; ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 37, л. 49—52.

⁶⁶ Крушанов А. И. Указ. соч., ч. 1, с. 62.

⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 93.

кие корни в казачье сословие. В. И. Ленин различал в казачестве «разные слои и разные хозяйственные группы»⁶⁸.

Недовольство значительной части казачества вызывала система землепользования, сложившаяся в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Эта система обуславливала существование аграрных противоречий между крупнейшим собственником земли — Кабинетом, землевладением церкви и военного ведомства, с одной стороны, и массой крестьян, казаков, аборигенов края — с другой. Эта же система искусственно обостряла аграрные противоречия между представителями разных сословий на селе: казаками, русскими и бурятскими крестьянами. В совокупности эти противоречия послужили основой для развития двух социальных войн в забайкальской и дальневосточной деревне: одной — крестьянства в целом против царизма, создавшего кабинетское, казачье, церковное землевладения; другой — между беднотой, сельским пролетариатом и зажиточной верхушкой, кулачеством⁶⁹.

Земельные споры, в которых одной из сторон выступали представители казачьего сословия, имели место как в Забайкалье, так и на Дальнем Востоке в течение всей второй половины XIX в. Особенно значительные земельные притеснения испытывали забайкальские казаки со стороны Кабинета, в пользу которого были отрезаны казачьи земли⁷⁰. О нарушениях границ казачьих земель Кабинетом сообщалось даже в войсковых отчетах⁷¹. Один из таких земельных споров между казной и казаками Могойтуевской станицы возник в 1890 г.⁷² В целом казакам-забайкальцам часто не хватало сенокосов, пастбищ, лесов. Это вызывало справедливые требования казачества о прирезке земли.

Имело место и изъятие казачьих земель для нужд военного ведомства. Так, в конце XIX в. была отрезана часть земель под военный лагерь и стрельбище у казаков поселка Графского Уссурийского войска⁷³.

Сословный антагонизм между войсковым и невойсковым населением в Забайкалье и на Дальнем Востоке не был распространен так широко, как в казачьих областях европейской части страны. Но проявление этого антагонизма имело место и здесь, причем царизм искусственно поддерживал сословные земельные споры путем сохранения незавершенности землеустроительных работ. Земельные споры между казаками и крестьянами наблюдались в 1877 г. на Амуре, в 1879—1880 гг. в Южно-

⁶⁸ Там же, т. 34, с. 220.

⁶⁹ Крушанов А. И. Указ. соч., ч. 1, с. 60—61.

⁷⁰ Дулов В. И. Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск, 1956, с. 94.

⁷¹ ЦГИА СССР, ф. 1274, оп. 1, д. 76, л. 113 об.

⁷² ГАЧО, ф. 52, оп. 3, д. 981, л. 1—1 об.

⁷³ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 37, л. 85.

Уссурийском крае⁷⁴. Острый характер подобные споры принимали в Забайкалье. Так, в 1888 г. земельный конфликт между казаками и нарымскими крестьянами вылился в вооруженное столкновение. В 1896 г. казаки Верхнеудинской станицы сообщали, что один из участков стал местом постоянного «раздора» с крестьянами. В начале XX в. произошло вооруженное столкновение из-за земли казаков Ара-Киретской станицы и крестьян Ново-Бичурского селения⁷⁵.

Сословные земельные конфликты были выгодны самодержавной власти, так как задерживали и затушевывали развитие классовой борьбы в деревне, мешали росту классового самосознания трудящихся, отодвигая на задний план социальные проблемы. В то же время борьба против землевладения Кабинета, церкви, военного ведомства отражала интересы основной массы трудового казачества, являлась вкладом в общероссийское освободительное движение.

Одним из важных факторов, определявших участие рядовых казаков в борьбе против угнетателей, являлось отсутствие у местного казачества, за исключением зажиточной верхушки, офицерства, чиновничества, каких-либо политических прав. Как и все трудящееся население Приамурского края, казачество было зажато в тисках военно-административного управления, существовавшего здесь. Край был лишен даже таких «куцых органов самоуправления», как земские учреждения, которые имелись в то время в европейской части страны⁷⁶. Положение казачества усугублялось военной муштрой и дисциплиной, довлевшей над казаком не только в период прохождения им службы, но и в течение всей его жизни в станице. Выйти из казачьего сословия для рядового казака было чрезвычайно трудно.

Важнейшим революционизирующим фактором, влиявшим на развертывание классовой борьбы среди казачества, являлась общероссийская борьба трудящихся масс против ненавистного им самодержавия.

Анализируя классовую борьбу среди казачества, участие его в общероссийском народном освободительном движении, необходимо делать это одновременно в двух аспектах: в преломлении к казачьей станице и к казачьим воинским частям. Формы классовых волнений, их интенсивность, непосредственные причины в станице и в воинских частях имели как общие черты, так и различия, хотя по сути своей были однозначны — это

⁷⁴ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 6, оп. 1, д. 109, л. 1—2 об.; ф. 793, оп. 2, д. 24, л. 56 об.— 57.

⁷⁵ Слюнин Н. В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908, с. 33; Асаланов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. Новосибирск, 1975, с. 41, 43; ЦГА БурАССР, ф. 116, оп. 1, д. 1283, л. 6.

⁷⁶ Крушанов А. И. Указ. соч., с. 24—26; Дулов В. И. Указ. соч., с. 75.

была частица общероссийской борьбы трудящихся против угнетателей.

Как и по всей стране, в казачьих станицах Забайкалья и Дальнего Востока во второй половине XIX в. классовые волнения не приняли еще широкого размаха. Однако стихийные выступления рядового казачества против самодержавия и зажиточной верхушки внутри войска имели место. Формы выступлений были разнообразными, но чаще носили пассивный характер. Наблюдались случаи самовольного захвата участков земли и порубки леса, потрав, палов и т. д.

Известны отказы казаков выполнять возложенные на них повинности, требования и указания начальства⁷⁷. В 1899 г., например, казаки поселка Андреевского Уссурийского казачьего войска решили выделение подвод «для перевозки начальствующих лиц ... в обязанность не считать». Это вызвало серьезное беспокойство администрации войска, по указанию которой было проведено специальное расследование. В результате выяснилось, что казаки «настроены против всяких ... распоряжений начальства». Многие андреевцы находились «под влиянием незаконно проживающего у них в качестве учителя человека, который отыскивается полицией по делу о ... оскорблении его императорского величества», говорилось в рапорте полиции⁷⁸.

В связи с приведенным фактом необходимо отметить особую, прогрессивную роль народных учителей, среди которых были люди, порвавшие связь с буржуазией и отдававшие свои знания трудящимся. Они работали в городах и поселках Дальнего Востока, в крестьянских деревнях и казачьих станицах. Своей культурной деятельностью среди казачества учителя способствовали возбуждению интереса простых тружеников к политической жизни, к общественной деятельности. А отдельные представители сельской интеллигенции, наиболее передовые, революционно настроенные, внушали крестьянам и казакам мысль о необходимости борьбы со злом и насилием. Так, в 90-х годах XIX в. пытались вести пропаганду революционных идей на селе кружки учителей в Забайкалье⁷⁹.

Работа революционно настроенной интеллигенции не пропала даром. Казаки все чаще высказывали отрицательное отношение к существующим порядкам. Наряду с отказами выполнять отдельные повинности выявлялись случаи недовольства царем и царской властью, которые выражались в основном в «оскорблении царя или царской фамилии»⁸⁰.

Своеобразной формой классового протеста трудового казачества, довольно широко распространенной на Дальнем Востоке, являлось переселение казаков из поселка в поселок, а также отказ селиться на отведенные администрацией места. На первый

⁷⁷ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 688, л. 1—4.

⁷⁸ ЦГВИА, ф. 1582, оп. 2, д. 503, л. 6, 7.

⁷⁹ Дулов В. И. Указ. соч., с. 87—88; Крушанов А. И. Указ. соч., с. 79.

⁸⁰ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 704, оп. 6, д. 427, л. 8—8 об.

взгляд подобные действия казаков не могли иметь какого-либо серьезного значения. Однако необходимо учитывать следующее: в отличие от других казачьих войск России, для которых функция охраны границ себя исчерпала, казаки Дальнего Востока по-прежнему исполняли ее как одну из главнейших. Это выражалось, в частности, в необходимости размещать казачьи поселки на определенном расстоянии (как один от другого, так и от границы) и иметь нужное количество населения в каждом из них. Отказываясь селиться в отведенных местах и самовольно пересдвигаясь из поселка в поселок, казаки тем самым оказывали давление на офицерско-чиновничью верхушку войска. Подобные действия казаков вызывали серьезное беспокойство не только местных властей, но и центральных. Имело место даже личное вмешательство царя для разрешения подобного конфликта в Уссурийском войске.

Переселение казаков из поселка в поселок случалось в Забайкальском, Амурском и Уссурийском войсках с первых лет их существования. Так, в процессе казачьих сплавов в 1857—1862 гг. на Амур и Уссури и в последующие годы меняли месторасположение целые станицы. Это происходило по инициативе рядовых казаков, которые тем самым выражали недовольство начальством, необдуманно выбравшим место поселения. Наибольшее распространение подобная форма протеста получила в конце XIX — начале XX в. в Уссурийском войске, что было связано с большим притоком сюда начиная с 1895 г. казаков-переселенцев из европейской части России. Меняли местожительство чаще всего одиночные семьи переселенцев. Так, семья казака Горшкова пять раз переходила в другие поселки, надеясь найти лучшие условия существования. Многократно меняли места поселения Евтухов, Артемов, Егунов, Медведев и многие другие казаки. Местные власти вынуждены были лишь констатировать, что казаки «перекочевки с места на место... производят... без всякого на то разрешения какого-либо начальства»⁸¹.

Более организованным являлось движение в форме отказа от поселения на заранее отведенных местах. Обычно на новых местах вселения отвод участков производился без учета интересов переселенцев, часто формально. Были случаи, когда прибывшие казаки вообще не получали пашенной земли. Так, прибывший в 1895 г. в поселок Бикин казак Кирсанов не получил нужного ему надела из-за нехватки удобной земли. В такое же положение попадали и другие переселенцы. Многие из отведенных участков были совершенно непригодны для ведения хозяйства, подвержены наводнениям. Получившие такие участки казаки не могли выдержать борьбы с невзгодами и разорялись. Например, семья казака Глинных (состоявшая из трех взрослых мужчин, трех женщин и двух подростков), прибывшая в поселок Комиссаровский, всю зиму вынуждена была прожить в землянке, весной засеяла

⁸¹ ЦГВИА, ф. 1582, оп. 2, л. 594, л. 257—257 об., 511; д. 598, л. 85.

5 дес., но все унесло наводнение. «Жить стало нечем», и семья ушла в город на заработки. Тяжело пришлось и другим поселенцам. Затратив почти все наличные деньги на ведение хозяйства, казаки были разорены сокрушительными стихийными бедствиями. Помощи же «переселенцам, пострадавшим от наводнения, не было оказано». Поселенцы в поисках средств «для прокормления» отправлялись в город⁸².

Массовое распространение отказ от поселения получил с 1895 г., когда 36 казаков с семьями, привезенных в поселок Камень-Рыболов и станицу Красноярскую, категорически отказались выполнять распоряжение местного начальства о поселении и оказали властям упорное сопротивление. Для его подавления администрация попыталась прибегнуть к принудительным мерам. Об остроте конфликта можно судить по тому, что для его разрешения власти вызвали воинскую команду. В сентябре 1895 г. в Камень-Рыболов были направлены три сотни 1-го Забайкальского казачьего полка и рота от 1-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады. Однако попытки насильственного поселения результатов не дали. Сопротивление казаков было настолько мужественным и в определенной степени организованным, что власти вынуждены были временно отступить. До кровопролития дело не дошло. В дальнейшем «зачинщики» беспорядков были арестованы, а материалы на них переданы во Владивостокский окружной суд. Подобные волнения имели место и в других поселках Уссурийского войска. В частности, «взбунтовались» казаки-переселенцы поселка Бикин⁸³.

События в Камень-Рыболове примечательны еще и тем, что здесь власти попытались подавить волнение среди казачества его же собственными руками, используя для этого действующие казачьи части. Однако подобные меры таили серьезную угрозу для самих властей, для господствующего класса. Ведь рядовые казаки действующих частей, видя борьбу своих товарищей за лучшую долю, невольно задумывались, чьи интересы они защищают, почему выступают против таких же, как они сами, рядовых тружеников-казаков. Подобные примеры (и это характерно для армии в целом) оказывали серьезное революционизирующее влияние на рядовой состав воинских частей, в том числе казачьих.

Разоренные переселенцы не находили выхода из создавшегося положения. Постепенно у них сложилось мнение, что единственный вариант — это добиваться возвращения на родину, в европейскую часть России. Гонимые нуждой, без всякой помощи от казны, переселенцы отправлялись в город, надеясь найти какой-нибудь заработок, но далеко не всегда им это удавалось. Во Владивостоке они едва зарабатывали «на дневное пропитание

⁸² Там же, д. 594, л. 4.

⁸³ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 5, д. 562, л. 1, 4, 9 об.; ЦГВИА, ф. 1582, оп. 2, д. 594, л. 4, 137—137 об.; ф. 1, оп. 2, д. 867, л. 40—41.

тяжелой поденной работой на погрузке и выгрузке пароходов», а когда не было и такой работы, то кормились тем, что выпрашивали хлеб у солдат. Власти принимали меры. «Многих, покинувших свои участки, пытались водворить силою, при содействии войск, некоторых даже арестовывали; но эта мера оказала действие лишь частичное, и все-таки не желающие осесть (на места принудительного водворения. — О. С.) поселились во Владивостоке и отчасти в Никольске». В отдельные моменты во Владивостоке концентрировалось до 85 семей казаков. Местная администрация вынуждена была признать, что среди казаков-переселенцев «образовалось в значительных размерах движение и острое брожение»⁸⁴.

Движение приняло довольно широкий размах. В 1899 г. на это обратили внимание даже верховные власти. Последовало личное распоряжение царя о том, чтобы ни в коем случае не допустить возвращения переселенцев в европейскую часть страны. Но там же предписывалось предоставить им лучшие земли в Уссурийском крае, причем по их выбору. В соответствии с полученными указаниями местные власти предприняли жесткие меры по выдворению казаков из Владивостока (к маю 1899 г. их здесь находилось вместе с семьями около 300 чел.). 16 мая 1899 г. последовал приказ об отправлении их из города административным путем. Однако полиция оказалась не в состоянии справиться с этой задачей, так как казаки оказали упорное сопротивление. В помощь ей военный губернатор города направил роту солдат. Шесть казаков были арестованы и отправлены в тюрьму. Лишь к концу июня 1899 г. властям удалось выселить из Владивостока казаков и в основном ликвидировать это движение. Но отдельные его отголоски имели место и в более поздний период⁸⁵.

Существовали в казачьих станицах Забайкалья и Дальнего Востока и другие формы классового протеста трудовой части населения. Наряду с оскорблением властей «на словах» известны случаи нападения на чиповников и атаманов, покушения на их жизнь. Подобный инцидент произошел, в частности, в Рейновской станице Амурского войска⁸⁶.

Особого внимания заслуживают появившиеся в этот период протесты рядовых казаков по поводу неблагоприятных действий церковнослужителей. Известно, что церковь в России всегда отвечала интересам господствующего класса. За свое прислужничество церковники получили от государства солидные привилегии. Не было исключением и положение церкви в казачьих районах. О ее преимуществах в наделении землей уже говорилось выше. Казаки несли также тяжелое бремя в виде различных церковных сборов на содержание духовенства, на исполнение всевозможных обрядов. А плата за услуги попов на Дальнем Восто-

⁸⁴ ЦГВИА, ф. 1582, оп. 2, д. 594, л. 103 об.—104 об., 106 об.—107; д. 598, л. 78, 79.

⁸⁵ Там же, оп. 2, д. 503, л. 24; д. 594, л. 31—33, 49—53, 156, 219.

⁸⁶ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 11, л. 1—3.

ке была особенно высока: за венчание требовалось заплатить 100 руб., за погребение — до 25 руб и т. д.⁸⁷

К концу XIX в. антицерковные настроения в казачьей станице проявлялись все чаще. Казаки протестовали против жадности и вымогательства церковников. Сначала протесты осуществлялись в виде жалоб, направляемых высшему духовенству и гражданским властям. Однако со временем казаки убеждались, что верховная церковная власть их не поддерживает. Они стали переходить к организованным формам протеста против чрезмерных поборов и активно вмешиваться в установление размеров пособия церковнослужителям. Так случилось, например, в 1896 г. в приходе Григорьевской Свято-Троицкой церкви, обслуживающей, в частности, казаков поселка Благодатного Уссурийского войска. Прихожане на своем сходе вынесли решение уменьшить размер ружного пособия: священнику — с 200 руб. до 150, а псаломщику — с 75 до 50 руб. Несмотря на протесты священника, прихожане заявили ему: «Будет и этого»⁸⁸. Причиной такого отношения прихожан к «святому отцу» являлись его низкие нравственные качества и нежелание выполнять свои обязанности. Недовольство священником было всеобщим. Это подтверждается заявлением казаков поселка Благодатного, сделанным на сходе 10 марта 1896 г.⁸⁹

Конечно, нельзя преувеличивать антицерковные настроения населения Дальнего Востока во второй половине XIX в., в том числе и среди казачества. Но о падении авторитета церкви в данный период свидетельствует хотя бы такой факт, как общее отношение населения к «святому месту» — церкви, ее служителям, которое заметно менялось. Это вызывало беспокойство высшего духовенства. 21 февраля 1894 г. епископ Камчатский, Курильский и Благовещенский, обращаясь к военному губернатору Амурской обл., писал: «Имею честь покорнейше... просить, чтобы в церквях назначались сторожа из людей не старых, здоровых и вполне благонадежных... и не менее 2-х человек на каждой церкви»⁹⁰. Такие меры принимались для защиты от «любящей паствы».

Проявление классового сопротивления рядового казачества офицерской верхушке и властям в воинских частях имело свои особенности. Царизм возлагал на армию в целом (в том числе и на казачьи войска), кроме военных, и другую не менее важную для самодержавия задачу — подавлять освободительное движение во всех его видах, и особенно революционные выступления трудящихся. Правящие круги старались формировать армию из

⁸⁷ Беляская Л. Б., Приходько Л. И. Из истории антицерковной борьбы дальневосточного крестьянства в 1905—1907 гг. — В кн.: Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1967, вып. IV, с. 67—68.

⁸⁸ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 244, оп. 2, д. 100, л. 5—6, 10; Беляская Л. Б., Приходько Л. И. Указ. соч., с. 69.

⁸⁹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 244, оп. 2, д. 104, л. 3.

⁹⁰ Там же, ф. 704, оп. 7, д. 614, л. 1.

наиболее отсталых в политическом отношении слоев общества. Отсюда малое число призываемых рабочих и большой процент в ней казачества⁹¹. Но формирование армии с целью создания реакционного войска, верного защитника самодержавия, имело и свою оборотную сторону. Прежде всего армия концентрировала в своих частях большие массы людей. Уже сам по себе этот факт создавал предпосылки для возможного революционизирования солдатских масс. Воинские части, в том числе и казаки, чаще всего располагались в крупных населенных пунктах, в непосредственной близости от рабочего класса. Возможности революционного влияния на молодых солдат, казаков, прибывших из отдаленных мест, возрастали во много раз по сравнению с подобным влиянием в станице. Конечно, царизм старался пресечь любую попытку проникновения в армию революционных идей. Этому служили жесточайшие порядки в казарме, строгое регламентирование жизни солдат и казаков, слежки, побои и издевательства. Правительство стремилось выработать у воинов ненависть к борющимся за свои права трудящимся. Воинские части привлекались к подавлению народных волнений. Но нередко солдаты и казаки, участвовавшие в карательных действиях, задумывались, за чьи интересы они сражаются. Сделанные ими выводы, возмущение невыносимой казарменной муштрой толкали их и на путь сопротивления ненавистным порядкам.

Оскорбления со стороны офицеров, рукоприкладство и грубое отношение их к казакам способствовали обострению классового протеста. Это приводило к тому, что отдельные казаки стали более решительно и открыто выступать против своего начальства.

Администрация, офицерство стремились сохранить верность войск царизму. В то же время солдаты, рядовые казаки остро реагировали на события внутренней жизни страны. Зерна революционной пропаганды, в том числе и с помощью нелегальной литературы, проникали в армию.

Особое беспокойство о морально-политическом состоянии армии правительство выразило после убийства 1 марта 1881 г. Александра II. В секретном циркуляре командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа от 14 мая 1881 г., распространенном среди командиров частей, в том числе и казачьих, сообщалось, что «обнаружено стремление злоумышленников к распространению социалистической пропаганды не только в среде рабочей и учащейся молодежи, но и между военными», в связи с чем предлагалось принять серьезные меры для усиления наблюдения за войсками. На офицеров возлагалась обязанность вести неустанную слежку за рядовым составом. Последнему за прешалось читать любую литературу, взятую вне казармы⁹².

Секретный циркуляр от 3 июля 1884 г., направленный каза-

⁹¹ *Сенчакова Л. Т.* Революционное движение в русской армии и флоте в конце XIX — начале XX в. (1879—1904 гг.). М., 1972, с. 19—21.

⁹² ЦГВИА, ф. 1573, оп. 2, д. 600, л. 20—20 об.

чьему начальству, содержал список запрещенной литературы, в который были включены: «Капитал» К. Маркса, сочинения Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. В. Шелгунова, труды Прудона, Смита, Лассалья, а также журналы «Отечественные записки», «Современник» и др.⁹³

Стремление царизма оградить воинские части от любого влияния извне отчетливо проявлялось в многочисленных циркулярах, приказах, секретных записках и т. д., предназначенных для офицерско-чиновничьей верхушки войска. Но никакие попытки администрации сохранить армию в «чистом» виде успехов не имели. Солдаты и казаки узнавали о событиях политической жизни, и эти события находили отклик в их сердцах.

Рядовые выражали свое недовольство казарменной муштрой, побоями, насилием и начинали сознавать, что одна из главных причин этого — царское самодержавие. Не случайно возникает все больше дел по обвинению казаков в «произнесении дерзких слов» против царя. Например, в 1883 г. рассматривалось одно из таких дел — по обвинению казака В. Балябина (Акшинский округ Забайкальского войска) в государственном преступлении, выразившемся в произнесении «дерзких выражений» против императора⁹⁴.

Другими формами классового протеста рядовых действительной службы были: подача жалоб, скрытое неповиновение, самовольные отлучки. Так, за самовольную отлучку был выведен в разряд штрафных казак Корнилов (Амурское войско). Казаки протестовали «умышленным уклонением от службы», «оскорблением словами и действием» своих непосредственных начальников, офицеров и т. д.⁹⁵ Это были действия одиночек, стихийные, неорганизованные.

Однако наряду со случаями индивидуального неповиновения в воинских частях имел место и коллективный протест. Причем иногда в действиях рядового состава проявлялись зачатки организации, обычно в форме «сговора». Одно из подобных выступлений произошло в Уссурийском казачьем войске. В марте 1898 г. военному суду было предано 11 казаков из команды при штабе Уссурийского казачьего дивизиона (с. Камень-Рыболов). Как показало следствие, эти казаки, заранее сговорившись, отказались отвечать на приветствие своего начальника штаб-ротмистра Веттерштранде, протестуя тем самым против его бесчеловечного отношения к рядовому составу⁹⁶.

Наиболее организованной формой освободительного движения против классовых угнетателей в армии стали политические кружки. Причем до 1895 г., т. е. до становления пролетарского этапа в освободительном движении, многие кружки находились

⁹³ Там же, д. 475, л. 22, 23, 24—25 об.

⁹⁴ ГАИО, ф. 24, оп. 13, д. 379, л. 1—1 об.

⁹⁵ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 793, оп. 1, д. 73, л. 4—4 об.; д. 157, л. 6—6 об., 12—15 об.

⁹⁶ ЦГВИА, ф. 5294, оп. 1, д. 14, л. 1—14, 37, 51.

под влиянием народовольцев, имели революционно-демократическое направление.

Подобный кружок существовал и в Забайкальском казачьем войске⁹⁷. Кружок был раскрыт в 1890 г. Фактически он состоял из двух самостоятельных частей, тесно связанных между собой. Одна часть объединяла военных фельдшеров 1-го пешего батальона Забайкальского войска и действовала в Чите, а другая — учителей казачьих школ и некоторых других гражданских лиц, проживавших в станицах области. Кружок учителей, или «сообщество», как называют его в протоколах дознания, ставил целью «изменить существующий образ правления» в стране⁹⁸. Основной формой деятельности его членов была просветительская работа. Они пытались также вести политическую пропаганду в станицах Забайкальского казачьего войска.

Кружок в Чите поддерживал связь с «сообществом» учителей. Он имел несколько иную программу. Члены этого кружка предпочитали действовать «более решительно» и склонялись к терроризму⁹⁹.

В кружок входили: М. Золотухин, Д. Горячкин, В. Демьяновский, К. Логиновский, М. Белых, А. Серебренников, Ф. Комогорцев и др. Всего по данному делу перед военным судом прошло около 30 человек. Как установило следствие, кружком руководили политический ссыльный Н. Голиков и учитель Читинского городского училища Н. Романов. У кружковцев имелась нелегальная литература, которую они изучали. Некоторые связи забайкальские революционеры поддерживали с Приморьем и Амурской обл. После разгрома кружка учителей и фельдшеров его члены были переданы суду и понесли суровое наказание¹⁰⁰.

Существование революционного кружка в Забайкальском казачьем войске свидетельствует о том, что в конце XIX в. освободительное движение среди казачества начинает приобретать качественно новые черты, становится более организованным. Но особо ярко это стало проявляться с переходом главной роли в освободительном движении к пролетариату, с организацией пролетарской партии, взявшей на себя роль авангарда этого движения и сплотившей вокруг себя все трудящееся население страны, включая трудовые массы казачества.

Опыт классовых выступлений казаков Забайкалья и Дальнего Востока во второй половине XIX в. определил дальнейшее участие местного казачества в российском революционном движении XX в.

⁹⁷ ЦГАОР, ф. 102 ДП, 7-е делопроизводство, 1890, д. 218, л. 1—304; д. 218, ч. 1, л. 1—78; *Сенчакова Л. Т.* Указ. соч., с. 85.

⁹⁸ ЦГАОР, ф. 102 ДП, 7-е делопроизводство, 1890, д. 218, л. 65 об.

⁹⁹ Там же, л. 67 об.

¹⁰⁰ Там же, л. 285—286

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Дальнего Востока СССР привлекает внимание многих исследователей как нашей страны, так и зарубежных государств. Это край пограничный, земля колоссальных природных богатств, зона важнейшего стратегического значения. Здесь проходят восточные рубежи нашей Родины, на которых русские люди с XVII в. и до дней современных проявляли и проявляют удивительный трудовой, революционный и боевой героизм.

В зарубежных странах есть немало «специалистов», сознательно искажающих историю советского Дальнего Востока. Достойную отповедь фальсификаторам исторической правды дают исследования советских ученых. Хотелось бы надеяться, что и результаты настоящей монографии, раскрывающей вклад казачества в процесс открытия, заселения и хозяйственного освоения дальневосточного края, будут способствовать разоблачению подобного рода измышлений.

Данная работа позволяет осветить и некоторые малонизученные вопросы истории казачества восточных окраин страны как составляющей части общей истории этого сословия.

Могучее движение русских людей на Восток привело к открытию и включению в состав Русского государства необъятных сибирских и дальневосточных земель. Россияне пришли в край, жители которого еще не имели своей государственности. Этот край не входил ни в одно из сопредельных государств Востока. Включение аборигенного населения в состав многонациональной России явилось исторически прогрессивным событием.

Важно отметить, что в период включения в состав России земель Приамурья между новыми владениями Русского государства и Цинской империей оставалось значительное нейтральное пространство. В это время граница собственно Китая проходила по Великой китайской стене, а границы Маньчжурии — по Ивовому палисаду. Сотни километров малонаселенных земель разделяли две страны.

В общеисторическом плане первый этап вхождения дальневосточных земель в состав Русского государства объективно совпал с началом нового периода отечественной истории, который характеризовался прежде всего созданием буржуазных связей, формированием общероссийского рынка. Переселенческая дея-

тельность народа имела важнейшее значение в процессе складывания единой государственной территории России.

С приходом русских на землях Забайкалья и Дальнего Востока были воздвигнуты многочисленные укрепления, села, города, распаханы земли, появились верфи, заводы, рудники. Однако XVII век лишь положил начало присоединению южной части Дальнего Востока к России. В конце этого столетия путем прямой агрессии Цинам удалось приостановить освоение русскими Приамурья и Приморья.

В течение XVIII — первой половины XIX в. русские люди продолжали изучать и осваивать Охотское побережье, Камчатку, Сахалин и Курильские острова, Русскую Америку.

К середине XIX в. дальневосточные окраины Русского государства имели уже значительное население, были обустроены административно. Успешно шло хозяйственное развитие восточных территорий, и интересы этого развития требовали вовлечения в хозяйственный оборот региона Амура. Основной базой для осуществления справедливого исторического акта — возвращения Амура — стало Забайкалье. Здесь получили большое развитие земледелие, промыслы, ремесла, промышленность, транспорт. Здесь же были сосредоточены большие людские и воинские ресурсы.

Необходимость скорейшего разрешения Амурской проблемы обуславливалась также обострением международной обстановки на Дальнем Востоке. Возникла реальная угроза национальным интересам России в этом районе.

В середине XIX в. земли Приамурья и Приморья окончательно вошли в состав Русского государства. Возвращение этой территории явилось естественным историческим актом закрепления за Россией открытых и изученных русскими людьми земель.

Составной частью русского населения, обеспечившего превращение Дальнего Востока в национальную территорию России, было казачество. Оно являлось наиболее ранней и устойчивой прослойкой населения края.

Первоначально казаки не составляли какого-то особого сословия, а входили в значительную группу населения страны, объединенную общим званием «служилых людей». Служилым людям приходилось быть землепроходцами и администраторами, воинами и земледельцами. Постепенно единая категория служилого населения исчезала и казачество превращалось в особое сословие, функционально обособленное. Этот процесс был длительным, в ряде мест Сибири и европейской части страны он проходил быстрее, а на восточных окраинах России завершился в основном лишь в середине XIX в.

Формирование казачества на востоке страны несколько отличалось от подобного процесса на окраинах Украины, на Дону и в ряде других мест. В ранний период на Дальнем Востоке не сложилось, за единичными исключениями, таких вольных общин

казаков, как это было в указанных районах. Основным начальным ядром казачества Дальнего Востока явилась служилая, а не вольная часть казаков.

На протяжении XVIII — первой половины XIX в. казачество восточных окраин, как и в целом страны, прошло путь от сравнительно небольшой сословной группы до значительного, уже в определенной степени выделившегося из основной массы населения сословия. Окончательное оформление замкнутого казачьего сословия произошло во второй половине XIX в.

Организационные формы существования казачества на Дальнем Востоке в XVIII—XIX вв. менялись. В XVIII в. местное казачество подразделялось на казаков пограничной линии и городских казаков сибирских команд.

Коренные изменения в организационной структуре казачества Забайкалья и Дальнего Востока произошли в середине XIX в.

В течение второй половины XIX в. на восточной окраине страны было сформировано три самостоятельных казачьих войска: Забайкальское, Амурское и Уссурийское. Особенностью вновь сформированных в Забайкалье и на Дальнем Востоке казачьих войск, отличавшей их от войск «старых» казачьих областей, являлось отсутствие устоявшихся сословных традиций и пережитков.

В заселении и освоении края во второй половине XIX в. роль казачества также была значительной. Казаки селились главным образом вдоль границы. В этот период выделяется три крупных движения казачьего населения на Дальний Восток или в пределах этого региона. Главные задачи переселений заключались в необходимости заселить приграничные земли, обеспечить их хозяйственное освоение и оборону.

В целом казачество восточных окраин страны успешно справилось с поставленными перед ним задачами. Казаки внесли большой вклад в освоение края. Они участвовали в развитии всех основных отраслей хозяйства.

Велико было значение казачьих войск в системе обороны русского Дальнего Востока. Местное казачество героически обороняло Тихоокеанское побережье России от англо-французской агрессии, в последующие годы вело борьбу с бандами хунхузов, участвовало в различных оборонительных мероприятиях. Важнейшей обязанностью казаков Забайкалья и Дальнего Востока являлась охрана государственной границы страны. В общей массе населения края доля казачества была значительной в течение всей второй половины XIX в.

В социально-экономической структуре Русского государства казачество занимало особое место. Не было исключением и положение этого сословия на Дальнем Востоке. Среди местного податного населения казаки Забайкальского, Амурского и Уссурийского войск являлись привилегированной частью. Во владение казачьих войск были переданы обширные площади земли. Однако в результате несовершенства системы землепользования

значительные массивы плодородной земли не использовались. Эта система не отражала интересов основной массы казачества и способствовала проявлению социальной неоднородности в его среде.

Землевладению рядового казачества противостояло офицерско-чиновничье землевладение. Царизм щедро раздавал казачьи земли офицерству. Различия в земельном обеспечении, в правах выделяли казачьих офицеров и чиновников в особый, господствующий слой казачества, верную опору самодержавия.

На рубеже XIX—XX вв. среди казачества Забайкалья и Дальнего Востока уже достаточно ярко проявилось социально-экономическое расслоение. Казачьи хозяйства различались по количеству пашенной земли, лошадей, скота, наличию сельскохозяйственных машин и т. д. Развивались арендные отношения, все шире применялся наемный труд. Казачьи станицы втягивались в систему товарно-денежных отношений.

В результате социально-экономической дифференциации казачества на одном полюсе появились предпринимательские, богатые хозяйства, сельская буржуазия, а на другом — хозяйства бедняков, сельские пролетарии.

Социально-экономическое и политическое неравенство казачества Забайкалья и Дальнего Востока являлось главной предпосылкой разразившейся классовой борьбы, возникновения революционных настроений среди трудового казачества.

Формы классовых выступлений рядовых казаков были разнообразными, но чаще носили пассивный характер. Наблюдались случаи самовольного захвата казаками участков земли, потрав, палов, порубки леса и т. д. Имело место неповиновение рядовых казаков станичной верхушке, администрации, офицерам. Волнения происходили и в казачьих частях. Классовый протест проявлялся также в стихийных выступлениях против церковников. Специфической формой классового протеста дальневосточного казачества был отказ селиться на отведенные начальством, но неудобные для жизни места. Наиболее организованной формой борьбы против царского самодержавия в указанный период явилось создание революционных кружков среди казачества. Опыт классовых выступлений казаков Забайкалья и Дальнего Востока во второй половине XIX в. определил дальнейшее участие местного казачества в российском революционном движении XX в.

Процесс исторического развития казачества восточных окраин страны происходил на фоне и в качестве составляющего звена общего процесса исторического развития казачества. В то же время он имел и ряд специфических черт: местное казачество значительное время исполняло «первоначальную» прогрессивную функцию этой категории населения — несло охрану границ; нагрузка казаков Забайкальского, Амурского и Уссурийского войск в отношении военной службы была значительно большей, чем в целом казачества страны; вплоть до начала XX в. здесь сохраня-

лось «захватное право» владения землей, в то время как в других казачьих районах России его уже не было; на казачьих территориях Забайкалья и Дальнего Востока антагонизм между войсковым и невойсковым населением был выражен значительно слабее, чем в казачьих областях европейской части страны.

Таким образом, казачество играло в рассматриваемый период большую прогрессивную роль на Дальнем Востоке. Казаки явились одними из первых исследователей края, земледельцами, мореходами и ремесленниками. Они были первыми пограничниками русского Дальнего Востока, стойкими защитниками его рубежей.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции сформировалась территория нашего Советского государства, включившая земли бывшей России, в том числе и дальневосточные, все население которых, используя право на самоопределение на основе свободного волеизъявления, вошло в состав СССР. Великий Октябрь открыл широчайшие возможности для экономического, социального, политического и культурного развития Советского Дальнего Востока.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая	
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ОКРАИНЫ РОССИИ	
В XVII — НАЧАЛЕ XIX в. КАЗАЧЬЕ	
НАСЕЛЕНИЕ КРАЯ	17
Открытие и освоение русскими людьми земель Забайкалья и Дальнего Востока. Формирование русского населения края	17
Казачество, его роль в освоении и охране восточных рубежей страны	32
Глава вторая	
РУССКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. СОЗДАНИЕ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК, ИХ РОЛЬ В ОСВОЕНИИ И ОБОРОНЕ ПРИАМУРСКОГО КРАЯ	43
Включение Приамурья и Приморья в состав России. Формирование казачьих войск в Забайкалье и на Дальнем Востоке	43
Участие казачества в заселении и хозяйственном освоении дальневосточных земель	64
Казачьи войска в системе обороны русского Дальнего Востока	80
Глава третья	
СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА У ЗАБАЙКАЛЬСКОГО И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КАЗАЧЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.	92
Социально-экономическое развитие казачества Приамурского края	92
Классовая борьба у забайкальского и дальневосточного казачества	111
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	122

ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ СЕРГЕЕВ
КАЗАЧЕСТВО
НА РУССКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
в XVII—XIX вв.

*

Утверждено к печати
Институтом истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока
Дальневосточного научного центра
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Е. П. Прохоров*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*
Корректор *В. А. Шварцер*

ИБ № 22229

Сдано в набор 23.03.82
Подписано к печати 27.10.83
Т-16486. Формат 60×90^{1/16}
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 8,125
Уч.-изд. л. 9,1. Тираж 2100 экз. Тип. зак. 4090
Цена 90 коп.

Издательство «Наука»,
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул. 90

2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

